

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ
МЕДИЕВИСТИКЕ**

МАТЕРИАЛЫ ТРЕТЬЕЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

МОСКВА, 17–18 ИЮНЯ 2025

А К В И Л О Н

МОСКВА 2025

УДК 930(08)
ББК 63.2

Рецензенты

кандидат исторических наук
АННА АЛЕКСАНДРОВНА АНИСИМОВА
кандидат исторических наук
ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА КАЛМЫКОВА

И 91 Источниковедение в современной медиевистике:
Материалы Третьей всероссийской научной конферен-
ции. Москва, 17–18 июня 2025 г. / Отв. ред. Е.Н. Ки-
риллова, И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2025. — 256 с.

Сборник посвящен актуальным проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в области истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, Древней Руси, арабского Востока. Представлены разнообразные типы источников, новые подходы к их изучению, а также ряд теоретических проблем современного источниковедения.

Научное издание

© Коллектив авторов, 2025
© Институт всеобщей истории РАН, 2025
© Е.Н. Кириллова, общая редакция, составление, 2025
© И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2025
© Издательство «Аквилон», 2025

ISBN 978-5-6053860-2-5

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издательством запрещается

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>М.Ц. АРЗАКАНЯН, А.А. ГЕРЦЕН</i> Славяно-молдавские летописи о ранней истории Молдавии.....	9
<i>О.В. АУРОВ</i> Королевская хронистика Кастилии и Леона первой половины XIV века как источник по политической истории своего времени.....	13
<i>Т. А. БАЗАРОВА</i> Рукописные шведские карты Санкт-Петербурга и окрестностей начала Северной войны: Проблема датировки.....	17
<i>К.В. БАРАНОВ</i> Пространственное измерение Дворовой тетради 7061 года.....	21
<i>М.Р. БЕЛОУСОВ</i> Роспись крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах жильцов по переписным, отказным, отдельным книгам и «сказкам» июля – августа 7161/1653 г.: Предварительные наблюдения...	25
<i>П.А. БЛОХИН</i> Клятвы законодателей в текстах фрайбургской правовой коллекции (1120–1293).....	30
<i>А.А. БОНДАРЕНКО</i> Ханский посол «Табип» или военный чиновник «табин»? Из истории литовско-ордынской дипломатии конца XV века.....	35
<i>Е.Ю. ВАНИНА</i> Индийское Средневековье: «Неисторические» Истории.....	40

<i>К.В. ВЕРШИНИН</i>	
Новый список «Правосудия митрополичьего».....	44
<i>П.В. ГАВРИЛОВ</i>	
Писцовые материалы Деревской пятины Новгородской земли как источник по истории землевладения новгородских бояр второй половины XV века.....	47
<i>У.А. ГАФАРОВА</i>	
Историко-сопоставительное исследование Комментария ат-Табари и его персидского перевода.....	52
<i>Т.В. ГИМОН</i>	
К предыстории земельных кадастров на Руси и в Англии.....	56
<i>А.О. ГУЛЯЕВА</i>	
Кимрская дворцовая волость Кашинского уезда: Опыт реконструкции территории по писцовым и межевым книгам XVII века.....	60
<i>А.В. ГУСАКОВА</i>	
Нормандское завоевание и валлийская агиография: «Земельный вопрос» на англо-валлийском приграничье в конце XI–XII вв.....	65
<i>А.В. ДЕДУК</i>	
Некоторые вопросы изучения «Книги большому чертежу».....	68
<i>Т.Н. ДЖАКСОН</i>	
Новгород, Городище, Хольмгард: О соотношении археологических данных и сведений письменных источников.....	73
<i>Е.С. ЕВДОКИМОВА, А.Ф. ЛИТВИНА, Ф.Б. УСПЕНСКИЙ</i>	
Расходные патриаршие книги в свете ономастических исследований.....	77
<i>М.В. ЗЕМЛЯКОВ</i>	
О некоторых итогах в области создания палеографических тренажеров в сети Интернет за последние 30 лет.....	82

<i>Т.М. КАЛИНИНА</i>	
Кипчаки на карте и в тексте «Дивана» Махмуда Кашгарского (XI в.).....	87
<i>Е.Н. КИРИЛЛОВА</i>	
К вопросу о структуре ремесленных и торговых уставов (на примере Реймса XIII–XVIII веков).....	92
<i>И.Г. КОНОВАЛОВА</i>	
Состав сообщений ал-Идриси о Хазарии.....	97
<i>Н.Л. КОНЮШИХИНА</i>	
Digital humanities в реконструкции ранней колониальной истории Мексики: Обзор проектов.....	102
<i>Ю.П. КРЫЛОВА</i>	
«Les etats de France» Элеоноры де Пуатье: Вопросы создания и бытования текста.....	109
<i>А.В. КУЗЬМИН</i>	
Проблемы локализации и политико-административной принадлежности Козельска в XIV – начале XV века.....	114
<i>А.С. ЛИТВИНОВ</i>	
Печати епископов Зеккау XIII–XVI вв. как источник по репрезентации духовного княжества.....	119
<i>Е.В. ЛИТОВСКИХ</i>	
Правители <i>Tartáraríki</i> в «Саге о Ремунде, королевском сыне».....	123
<i>В.И. МАЖУГА</i>	
Женские образы в итальянской юридической рукописи.....	127
<i>С.А. МАСЛОВА</i>	
О методике анализа текста ярлыков, выданных ордынскими правителями русским митрополитам.....	132
<i>А.С. МАТВЕЕВА</i>	
Реконструкция образа византийской женщины-эпистолога: Возможности и лимиты.....	135

<i>Е.А. МЕЛЬНИКОВА</i>	
Скандинавские личные имена в Древней Руси: Состояние исследований.....	139
<i>А.А. МИТРОФАНОВ</i>	
Отмена церковной десятины в наполеоновском Пьемонте: Источниковедческий аспект (по материалам Национального архива Франции).....	144
<i>Д.Е. МИШИН</i>	
Еще один фрагмент из «Книги путей и государств» Джайхāнй.....	149
<i>М.В. МОИСЕЕВ</i>	
Отписки И.П. Новосильцева как исторический источник по русско-турецким отношениям XVI века.....	154
<i>З.Е. ОБОРНЕВА, А.Г. БОНДАЧ</i>	
Разновидности греческих архивных документов: Типологизация и терминология.....	158
<i>Д.М. ОМЕЛЬЧЕНКО</i>	
География и власть: Заметки по поводу карты церковных кафедр, представленных на соборе в Агате (506 г.).....	163
<i>А.Д. ПАСКАЛЬ</i>	
Об авторстве списка Хронографа Моксы 1620 года (РГБ. Ф. 37. № 64).....	168
<i>М.С. ПЕТРОВА</i>	
Натурфилософские представления Марциана Капеллы в текстах раннего Средневековья.....	172
<i>В.Л. ПОРТНЫХ</i>	
Ганзейские архивные материалы и библиотечные рукописи в послевоенном СССР: Предварительные результаты исследований.....	177
<i>Е.В. ПЧЕЛОВ</i>	
«Лошадиная фамилия»: О семантике и прагматике прозвищ в роду Андрея Кобылы.....	179

<i>М.А. РЯБОВА</i>	
Деловые письма купцов Соранцо в Венецианском архиве: Состояние исследований.....	182
<i>Н.Б. СРЕДИНСКАЯ</i>	
Акты Феррары XII—XV веков: Опыт описания и публикации.....	186
<i>Л.Б. СУКИНА</i>	
Русский лицевой Синодик как объект комплексного источниковедческого исследования.....	189
<i>Т.Н. ТАЦЕНКО</i>	
Письма герцога Вильгельма V Баварского к Минуччио Минуччи в Архиве СПбИИ РАН.....	193
<i>О.И. ТОГОЕВА</i>	
Иконографический поворот в истории права: Актуальное состояние и основные проблемы.....	198
<i>О.Э. ФРОЛОВА, О.В. СУББОТИНА</i>	
Для двух королей: Уникальный раннетюдоровский миссал (1508) из фондов РНБ. Проблемы атрибуции и издательской практики в Европе первой половины XVI века.....	200
<i>Р.Е. ХАРЬКОВ</i>	
«Гербовник Ингерарама» как исторический источник.....	205
<i>Д.А. ХИТРОВ</i>	
О значении карт середины XVIII века для реконструкции древнего административно-территориального деления центральной России.....	209
<i>О.И. ХОРУЖЕНКО</i>	
Приправочная книга Малоярославецкого уезда 1587/88 года как источник по изучению двора князя Василия Шемячича.....	211
<i>К.С. ХУДИН</i>	
Карьера дьяка Ивана Десятого и боярин И.Д. Милославский: Новые источники и интерпретации.....	216

<i>О.В. ЧАСОВИТИНА</i>	
«Поучение против медоварцев»: К вопросу о церковном влиянии на древнерусскую воинскую культуру.....	221
<i>М.С. ЧЕРКАСОВА</i>	
Человек в пространстве города: Имя, профессия, среда обитания.....	225
<i>А.П. ЧЕРНЫХ</i>	
Генеалогические источники геральдики XIV–XVIII веков.....	230
<i>Н.П. ЧЕШОКОВА</i>	
Монемвасийский митрополит Иерофей в Москве.....	235
<i>И.Н. ШАМИНА</i>	
«Скаски» как источник для составления переписных книг 1701–1703 годов.....	238
<i>А.Д. ЩЕГЛОВ</i>	
«Английская хроника», «Норвежская книга законов»: К дискуссии об источниках сочинения Олауса Петри «Шведская хроника».....	243
<i>Л.И. ЩЕГОЛЕВА</i>	
Эпистолярный как исторический источник: Письма о событиях на Пелопонессе после 1770 г. в учебном сборнике начала XIX в. (РГБ. Ф. 173/II, № 203).....	248
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	252

М.Ц. АРЗАКАНЯН, А.А. ГЕРЦЕН

СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИЕ ЛЕТОПИСИ О РАННЕЙ ИСТОРИИ МОЛДАВИИ

Ранняя этническая история молдаван, как ранее нами было отмечено (Арзаканян, Герцен 2024), из-за скудости письменных источников крайне запутана и таит в себе немало загадок. Предки молдаван — романоязычное население Балкан — от прихода в регион древних римлян и завоевания ими сначала иллирийцев, а затем императором Траяном фракийцев (даков), прошли долгий извилистый миграционный путь, пока не осели, наконец, в Карпато-Днестровском регионе (центральной части Северо-Западного Причерноморья). Средневековые источники (древнерусские, византийские, венгерские) называли романоязычное население Балкан влахами, валахами, волохами.

О том, как из общей массы волохов выделилась отдельная группа и создала не позднее середины XIV в. государственное образование (политию) — Молдавское княжество — повествуют 12 славяно-молдавских летописей XV–XVI веков. Одиннадцать из них написаны на славянских языках (десять — на русском, в том числе в одном случае с сербскими вставками, одна — на польском), ещё одна — на немецком (обнаружена в Государственной библиотеке Мюнхена, сохранилась в одном списке). Летописи давно опубликованы (наиболее полное издание — в 1976 г.). События XIV в. и предшествующего периода отражены только в семи летописях: «Бистрицкой летописи 1359–1507 гг.», «Славяно-Молдавской летописи 1359–1512 гг.», «Путнянской I летописи 1359–1526 гг.», «Путнянской II летописи 1359–1518 гг.», «Молдавско-Польской летописи 1352–1564 гг.», а также «Краткой славяно-молдавской хронике 1359–1451 гг.». Самая подроб-

ная, и, можно сказать, популярная, из них — «Сказание вкратцѣ о молдавскихъ господарехъ отколе начаса Молдовскаа земля въ лѣто 6867» («Славяно-Молдавская летопись 1359–1504 гг.»), сохранившаяся в русской Воскресенской летописи, — стала известна исследователям и опубликована в конце XVIII в. (РЛ 1793), а затем в академическом издании середины XIX в. (ПСРЛ 1856). Её первая часть, охватывающая наиболее древний этап этногенеза восточных романцев, подробно изучена (Герцен, Паскаръ 2020).

Однако воссоздать по летописям реальную картину XIV в. и чёткие детали образования Молдавского княжества совсем непросто. Ведь летописи, безусловно, включают в свой текст устные народные предания и зачастую придают им причудливые фольклорные формы. Поэтому установить соотношение мифа и реальности затруднительно. Более того, немалой проблемой остаётся строгое датирование времени правления первых господарей и даже их последовательность: в хрониках содержатся определённые противоречия, требующие специального исследования и логичного разъяснения.

Изучение славяно-молдавских летописей началось ещё в эпоху раннего Нового времени. В XVII в. в Молдавии к ним обратились Григорий Уреке, Мирон Костин и Николай Костин, которых чаще всего тоже называют летописцами. На протяжении последующих веков и вплоть до настоящего времени интерес к летописям то угасал, то возникал вновь. Разнились и интерпретации событий, порой имеющие конкретную политическую подоплёку. Сегодня в России тема образования первого княжества на территории Молдавии, и её отражение в славяно-молдавских летописях практически забыта. Наша цель — привлечь к ней внимание научного сообщества и напомнить «отколе началась Молдавская земля». Условно летописные тексты об этом можно назвать «Легендой о Драгоше».

В докладе рассматривается самый подробный из сохранившихся вариантов о Драгоше.

И в них бе (бѣ в ни) чловѣкъ разуменъ и мужественъ
именемъ Драгожь и поиде себѣ со дружиною на ловъ

звѣринъ и наидоша под горами высокими слѣдъ туров и поидоша слѣдомъ за туромъ чрез горы высокие и перейдоша высокиа (великие) планины, сии рече горы (высокие) и преидоша за туромъ на мѣсто долине и краснейшие и наехаша тура у реки на берегу // под вербою и его убиша и насытишася от лова своего. И прииде имъ от бога во срѣдце мысль, дабых рассмотрели себѣ на жительство мѣсто и (вселися) ту и съвокупишася единомышленно и (не) восхотѣша всѣ пребыти (ту и) возвратишася воспячь и повѣдаша своимъ всѣм о красотѣ земли и о рѣках и о криницахъ, дабы вселися ту, и ихъ дружина (мысли) их похвалиша (и) восхотѣша пойти (и поидоша) тамо (сами), гдѣ они быша и мѣсто зглядаша (и пришедше на мѣсто то и осмотриша) занеже бѣ мѣсто пусто и во край татарьских кочевницъ, и биша челомъ Владиславу, королю угорьскому, дабы их отпустилъ пойти. Владиславъ же король отпусти их с великою милостью.

И поидоша они от Марамуриша со всею дружиною и з женами и з дѣтми через горы высокие, ово лѣс просѣкаа, ово камене прибирая, и перейдоша горы божиею помощию и приидоша на мѣсто гдѣ Драгошь тура уби, и возлюбиша и вселишася в ту и выбра из своей дружины себѣ мужа разумна именемъ Драгоша и назваша его себѣ господаремъ (царем) и воеводою. И отголе начашася божиимъ произволениемъ Молдаская (Мол//давская) земля.

И Драгошь воевода насади прѣвое мѣсто на рекѣ на Молдавѣ и потомѣ насадиша мѣсто Бани и иные мѣста по рекамъ и по криницамъ и учиниша себѣ печать воеводскую во всю землю турью голову, и господствовалъ (государствова) (царствовал) (на) воеводствѣ лѣта два. <...>» (ПСРЛ 1856).

За этим текстом, походящем на легендарное сказание, на самом деле можно обнаружить и вполне реальные факты. Сегодня уже хорошо известно, что, действительно, та часть влахов, которая впоследствии стала именовать себя молдаванами, пришла в Карпато-Днестровский регион из Марамуреша — исторической области, расположенной во Внутрикарпатской котловине, к северу от Трансильвании. Это подтверждается не только письменными, но и антропологическими и топонимическими данными. В конце IX в. мигрировавшие из Восточной Европы венгры «обрели родину», за-

воевав Внутрикarpатскую котловину и Среднедунайскую равнину (Паннонию). Расселявшиеся по Карпатам владыки находились в вассальной зависимости от Венгерского королевства. В первой половине XIII в. Русь и Венгрию (в том числе в Восточном и Западном Прикарпатье) завоёвывают монголы, государство которых к первой половине XIV в. ослабевает. Русские, литовцы и венгры ведут с ними ожесточенную борьбу за территории. И в это же время в Северо-Западном Причерноморье на геополитическую сцену выходят молдаване, желая освободиться от «опеки» венгерской короны и создать собственное государство.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арзаканян М.Ц., Герцен А.А.* Проблемы происхождения молдавского народа в советской, российской и молдавской историографии. — Электронный ресурс [URL: <https://history/ies/su/issue/2024.2.4.4-138/>, дата обращения — 07.04.2025].
- Герцен А.А., Паскарь Е.Г.* Реконструкция историко-географических сведений о начальном периоде формирования молдавского этноса (по данным «Сказания вкратце о молдавских господах отколе начася Молдавская земля» // Русин. 2020. № 59. С. 36–77.
- История Молдовы. Кишинев, 2016. Т. 1.
- РЛ — Руская лѣтопись съ Воскресенскаго списка подареннаго въ оной Воскресенской монастырь Патриархомъ Никономъ въ 1658 году. Первая часть. СПб., 1793.
- ПСРЛ — Полное собрание русских лѣтописей. СПб., 1856. Т. VII. Лѣтопись по Воскресенскому списку.
- Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М., 1976.

О.В. АУРОВ

КОРОЛЕВСКАЯ ХРОНИСТИКА КАСТИЛИИ И ЛЕОНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Цель доклада — подвести некоторые итоги исследования средневековой испанской (главным образом — кастильской и леонской) хронистики и определить перспективы использования этой группы текстов как источников по политической истории Кастилии и Леона XIII – середины XIV в. Прежде всего, следует отметить, что в последние 30–35 лет в изучении испанской (прежде всего — кастильской и леонской) историографии XI–XV вв. произошел коренной поворот, связанный с глобальной переоценкой роли средневековой хронистики как исторического источника.

Внешними стимулами для этого поворота стали, в первую очередь, хорошо известные работы Бернара Гене, Гэбриэль Спайгел и их сторонников и обусловленное ими распространение принципиально новых методов исследования памятников историописания с акцентом на роль своеобразного «лингвистического поворота» середины-второй половины XIII в., связанного с переходом хронистики с латинского на разговорные диалекты. Применительно к Кастилии и Леону речь идет, главным образом (хотя и не исключительно), о старокастильском языке, быстро вытеснившим латынь из сферы историописания, начиная с 1270–1280-х гг., с появлением историографической диалогии «История Испании» и «Всеобщая история», составленной под руководством короля Альфонсо X Мудрого (1252–1284). Оба эти памятника не

были завершены, но они породили целый ряд редакций и способствовали формированию устойчивой традиции создания текстов на старокастильском диалекте, в течение нескольких десятилетий получившем статус официального языка делопроизводства и законодательства. Стимулом для ускорения этого процесса стала активная деятельность скриптория Альфонсо X Мудрого и его преемников Санчо IV (1282/1284–1295), его жены, а затем вдовствующей королевы Марии де Молина (1295–1321) и др. Особая роль принадлежала также Фернану Санчесу де Вальядолид (ум. ок. 1364 г.), главному королевскому нотарию и канцлеру особой печати короля Альфонсо XI (1312–1350), правнука Альфонсо X, выполнявшему функции главного королевского историографа. Именно он подготовил официальную редакцию «Истории Испании» Альфонсо X и руководил созданием цикла «Трех (королевских) хроник» (Альфонсо X, Санчо IV и Фернандо IV), а также ранней версией «Хроники Альфонсо XI», на основе которой позднее была создана «Большая хроника Альфонсо XI».

Помимо упомянутых выше внешних влияний, большую роль в изучении и издании этих текстов сыграла собственно испанская школа исследования средневековой историографии, сложившаяся в 1990–2000-е гг. и связанная, в первую очередь, с именем Диего Каталана Менендеса Пидалья (1928–2008). Развивая его идеи, ученики последнего совершили настоящую революцию в изучении средневекового историописания. Речь идет, прежде всего, о трудах И. Фернандес-Ордоньес и М. де ла Кампа Гутьерреса из Автономного университета Мадрида, а также медиевистов более младшего поколения — К. Бенитес Герреро (Севильский университет), Ф. Бауристы Переса (Саламанкский университет) и некоторых других. Под влиянием их работ возникли самостоятельные центры исследования средневековой испанской (главным образом — кастильской и леонской) историографии в других странах: Великобритании (Э. Уорд из Бирмингемского университета и М. Ихано из Даремского университета), Аргентине (Л.Р. Фунес и его ученики П.Э. Сарасино, М.А. Соллер, О.С. Божевич и другие сотрудники Семинара по изданию и критике текстов / *SECRET* Национального совета по науч-

ным и техническим исследованиям / CONICET) и Франции (Ж. Мартен и его ученики, сотрудники Семинара по изучению средневековой Испании университета «Париж–IV Сорбонна» / *SEMH Sorbonne*, ныне возглавляемого Э. Тьёлен-Пардо). Большую роль в развитии этих исследований сыграл также прогресс цифровых технологий и связанное с ним формирование баз данных средневековых рукописей и инкунабул, в результате чего стала возможной много более интенсивная, чем ранее (в том числе — удаленная) работа с рукописными редакциями памятников средневековой хронистики; в свою очередь, это едва ли не полностью изменило представления о самой природе средневекового историописания. Отдельно следует выделить работу специализированных электронных периодических изданий, в первую очередь, журнала *e-Spania*, издающегося с 2006 г. по инициативе Ж. Мартена.

В докладе будет дана общая характеристика основных результатов этих исследований (мало известных за пределами испанистики *stricto sensu*), обобщен связанный с ними опыт публикации средневековых текстов (включая опыт электронных изданий), а также определены основные источниковедческие особенности перечисленных выше королевских хроник первой половины XIV в., с учетом их роли как средства политической пропаганды. Последний аспект активно исследуется в современной научной литературе, но он вовсе не исчерпывает информационной значимости королевских хроник как источников по политической истории второй половины XIII – первой половины XIV века. Докладчик постарается показать, что именно королевские хроники — при всех известных ограничениях, связанных с жанровыми особенностями нарративных источников, — позволяют составить наиболее целостное представление о кастильско-леонском политикуме рубежа Высокого и Позднего Средневековья, его акторах и институтах, формах и механизмах их взаимодействия, а также степени эффективности применения средств правового регулирования всей сферы социально-политических отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Al cuidado de I. Fernández-Ordoñez. Valladolid, 2000.
- Catalán D.* La Estoria de España de Alfonso X: creación y evolución. Madrid, 1992.
- Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos: cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. Madrid, 1962.
- e-Spania. Revue interdisciplinaire d'études hispanique médiévales et modernes. Paris, 2006. — Электронный ресурс [URL: <https://journals.openedition.org/e-spania/>, дата обращения — 27.01.2025].
- Fernández Ordoñez I.* Las Estorias de Alfonso el Sabio. Madrid, 1992.
- Funes L.R.* El modelo historiográfico alfonsí: una caracterización. L., 1997.
- Martin G.* Les Juges de Castille. Mentalités et discours historique dans l'Espagne medieval. P., 1992.
- Le pouvoir de l'historiographie dans le projet d'Alfonse X / Coord. par F. Bautista, I. Salvo García. Lyon, 2022.
- Teoría y práctica de la historiografía hispánica medieval / Ed. by A. Ward. Birmingham, 2000.

Т.А. БАЗАРОВА

РУКОПИСНЫЕ ШВЕДСКИЕ КАРТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ОКРЕСТНОСТЕЙ НАЧАЛА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ

Большинство из сохранившихся до наших дней рукописных планов раннего Санкт-Петербурга находится в собраниях Государственного и Военного архивов Швеции (Стокгольм). История их создания тесно связана с попытками Шведской короны отвоевать утерянные в начале Северной войны земли Приневья. Самые ранние планы Санкт-Петербурга и его окрестностей создавались по приказу командующих Финляндской армии (Г.Ю. Майделя, а с 1707 г. Г. Любеккера), силами которой велись военные действия на невских берегах. В 1704–1708 гг. состоялось несколько попыток овладеть Санкт-Петербургом и островом Котлин.

Составленные на основе разведывательных данных планы и карты предназначались для планирования военных операций, поэтому наибольшее внимание их авторы уделяли не городской застройке, а расположению артиллерийских батарей, крепостным укреплениям, изображение которых постепенно становилось точнее и подробнее. Планов Санкт-Петербурга русского происхождения, отражающих раннюю застройку города, до нашего времени почти не сохранилось (нам известно только два). Поэтому шведские карты, запечатлевшие образ будущей российской столицы первых лет ее существования, являются для исследователей истории Санкт-Петербурга и Северной войны ценнейшими источниками. Почти все рукописные карты и планы раннего Санкт-

Петербурга были введены в научный оборот еще в середине XX в. (Bagrow, Köhlin 1953; Луппов 1959).

Одной из особенностей шведских изображений Санкт-Петербурга и Невской дельты является анонимность и отсутствие датировки. Точная дата и подпись автора стоит только на самом раннем из них. Этот небольшой рукописный «Чертеж Ниеншанца и заложенного ныне называемого русского Петербурга, снятый 19 июля 1704 г.» (*Afrijtning uthaf Nyenskantz, och detth Anlagde Nu förtiden benembde Ryska Pettersborg som aftagne blifwen d. 19 july A°1704*) командующий Финляндской армией генерал-лейтенант Г.Ю. Майдель вложил в донесение, отправленное через два дня из полевого лагеря в Стокгольм (Базарова 2003: 36). Автором чертежа, как и безымянного плана Санкт-Петербурга января 1705 г., стал участвовавший в походах Финляндской армии в Невскую дельту шведский прапорщик М. Бютнер.

Помимо чертежа 1704 г. еще два плана были отправлены вместе с донесениями командующих в Стокгольм, что позволило исследователям установить время их создания — январь 1705 г. (чертеж М. Бютнера) и февраль 1708 г. («Карта Петербурга и его окрестностей, составленная по показаниям дезертиров и пленных»). В остальных случаях основанием для датировки становятся результаты анализа содержания карты или чертежа. Иностранцы очевидцы справедливо отмечали, что острова Невской дельты застраивались очень быстро. В первые годы Северной войны Петр I, губернатор А.Д. Меншиков и обер-комендант Р.В. Брюс большое внимание уделяли обороне Санкт-Петербурга. В 1705 г. Адмиралтейство было окружено крепостными укреплениями, в 1706 г. началось строительство каменных бастионов Петербургской крепости, построены Кронверк и крепость св. Александра (на Котлине). Появление (или изменение облика) тех или иных сооружений на картах и планах города позволяет высказывать предположения о годе их создания. Так, С.П. Луппов датировал хранящуюся в НИОР Библиотеки РАН «Карту Петербурга и его окрестностей» (*Charta öfwer Petersburg och Situationen där omkring*) 1706 — началом

1707 г., в том числе основываясь на начале возведения Кронверка (Луппов 1959: 329).

Менее известен отечественным историкам анонимный «Краткий проспект мест, а также формы укреплений и крепости, которые в это военное время основаны русскими во владычестве Ингерманланд» (*Ett Kort Project af de Placers sampt Befästningars form och Fortification, som i denna Krigztijden uthi Herredömet Ingermanland af Ryssarne äro anlagde*) (Krigsarkivet, Stockholm. SFP. Ryssland. St Petersburg. № 15). По-видимому, впервые он был опубликован без указания даты в каталоге «Водогорода Санкт-Петербург — Стокгольм» (Water Cities 1998: 36). Как и другие шведские карты Санкт-Петербурга и окрестностей начала 1700-х гг., он ориентирован на юг, выполнен чернилами и тушью и раскрашен красками на водной основе. Контуры ряда объектов нанесены другой рукой красными чернилами. Изображенный на плане город по-прежнему предстает как система отдельных крепостей, возле которых складывались посады. Исходя из содержания, в 2003 г. мы датировали его 1706–1707 гг. и предположили, что первоначально был выполнен чертеж островов и основных сооружений, а потом (возможно, даже несколькими годами позже) красными чернилами нанесли изображение пентаграммы Ниеншанца, дороги, батареи и все литерные обозначения (Базарова 2003: 68–75). Надо полагать, что одновременно с данной правкой была выполнена и экспликация, которая подклеена к чертежу с левой стороны. Основанием для этого предположения стало ее содержание. В экспликации приводятся сведения о состоянии города более позднего времени. Например, там упоминается, что два бастиона Петербургской крепости уже каменные, а «дом Меншикова, который называется домом Резиденций, обит медью и позолочен. Кроме того, вокруг многими разнообразными народами строились несколько тысяч домов». «На острове Ретусаари построен город с 5 бастионами, одним рavelином, шанцами и бастионами, называемый русскими Новым Амстердамом, а немцами Новым городом» (по-видимому, речь идет о крепости св. Александра на Котлине).

Точку зрения о более поздней экспликации подтверждают и результаты сравнения содержания данного плана с недавно введенным в научный оборот чертежом, хранящимся в Библиотеке университета Лунда (он оцифрован и размещен на сайте). В библиотечный каталог 2011 года он вошел под названием «Рукописная карта Санкт-Петербурга неизвестного автора» (*Handritad karta över St. Petersburg av okänd upphovsman*) и датирован 1700-ми годами. Чертеж выполнен чернилами и тушью на двух склеенных листах. Изображение островов, крепостей и других построек во многом идентично «Краткому проспекту». Однако «Рукописная карта» не раскрашена, она больше по размеру и подробнее. В частности, на ней отмечены причалы и место понтонной переправы через р. Охту. Таким образом, «Рукописная карта Санкт-Петербурга неизвестного автора» отражает застройку Невской дельты времен походов полков Г. Любеккера. Предположительно, именно этот чертеж стал основой для «Краткого проспекта...» из шведского Военного архива.

Итак, четыре из шести сохранившихся до нашего времени карт Санкт-Петербурга и окрестностей были составлены во время подготовки походов Г. Любеккера в 1707–1708 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Базарова Т.А. Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003.
- Луннов С.П. Планы Петербурга первых лет существования города (по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР) // Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР. М.; Л., 1959. Т. IV. С. 323–332.
- Bagrow L., Köhlin H. Maps of the River Neva and Adjacent Areas in Swedish Archives. Malmö, 1953.
- Water Cities. Saint Petersburg — Stockholm: Catalogue of the exhibition «Water Cities. Saint Petersburg — Stockholm» at the Museum of Architecture, Stockholm, September–November 1998. Stockholm, 1998.

К.В. БАРАНОВ

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДВОРОВОЙ ТЕТРАДИ 7061 ГОДА

Вместе с разрядными книгами разных редакций Дворовая тетрадь (далее — ДТ) является важнейшим источником по внутривластной истории России середины XVI века и непревзойденным справочником по составу высших страт русского служилого общества.

Составление ДТ следует отнести к 7045 (1536/37) г., ее сохранившийся текст представляет собой редакцию 7061 (1552/53) г., созданную после окончания кровопролитной казанской компании. Особое внимание следует обратить на структуру ДТ, интересную для понимания московских (а ДТ, несомненно, составлена в Москве) представлений о географии России в середине XVI века.

Структура ДТ представлена тремя типами членения текста. Первый состоит из списка управляющей элиты государства и делится на чины бояр, окольничих, казначеев, дворецких и дьяков. Порядок перечисления чинов очевиден — от высших к низшим, вплоть до приказных деятелей. Второй тип членения содержит списки служилых князей, организованных, во-первых, в чин служилых князей разного происхождения, и, во-вторых, в корпоративные группы князей Оболенских, Ростовских, Суздальских, Ярославских, Стародубских, Мосальских. Здесь порядок перечисления не выглядит столь уж очевидным, как в первом типе. В своей публикации 2023 г. я продемонстрировал, как в тот же период, к которому относится и ДТ, неизвестный составитель местнической памяти на примерах служебных назначений попытался показать более высокое — в местническом смысле — положение рода ростовских князей в сравнении с князьями

Гедеминovichами, входивших в группу служилых князей, и Оболенскими (Баранов 2023: 63). Наиболее вероятной целью составления этого памятника было доказательство необходимости перемещения корпоративного списка Ростовских на более высокое место в ДТ. Принимая во внимание это соображение, можно считать, что членение ДТ второго типа основано на учете местнического служебного положения княжеских корпораций.

Третий тип структурного членения ДТ содержит списки служилых людей по городам, начиная с Москвы, в следующем порядке: Москва, Дмитров, Кашин, Переславль, Ростов, Ярославль, Романов, Пошехонье, Белоозеро, Кострома, Галич, Юрьев, Суздаль, Владимир, Муром, Коломна, Кашира, Серпухов, Таруса, Тула, Рязань, Калуга, Козельск, Воротынский, Белев, Мещовск, Боровск, Руза, Звенигород, Волок, Ржева, Зубцов, Старица, Можайск, Вязьма, Дорогобуж, Белая, Клин, Тверь, Торжок, Бежецкий Верх, Углич, Медынь, Малоярославец.

Анализируя этот перечень в текстовом измерении, необходимо указать на отсутствие ряда важных регионов России той эпохи, имевших значительное служилое землевладение. В первую очередь, это города северо-западного региона — Великий Новгород, Псков, Великие Луки, Пустая Ржева, Торопец, во вторую очередь восточный регион, Нижний Новгород, наконец, Вологда. Определенно можно сказать в отношении Великого Новгорода, что именно этот город (а не Москва) был административным центром для учета и регистрации служебных обязанностей помещиков Северо-запада. То же следует сказать и о Нижнем Новгороде. Трудно что-то определенное сказать о Вологде, возможно, служилое землевладение тут еще находилось в процессе перехода от старого вотчинного типа к поместному.

Значимым для понимания смысла порядка перечисления городов в ДТ будет перенос этой последовательности на карту России XVI в. в виде ломаной линии, соединяющей города между собой.

Такая визуализация довольно однозначно демонстрирует неслучайность этой последовательности — перечисление городов пространственно ориентировано и идёт, если сле-

дять по карте, сначала строго на север, сворачивает на северо-восток, и по часовой стрелке (или по ходу солнца) обходит с востока, юга и запада центр России, возвращаясь с севера (Углич) к одному из первых пунктов последовательности (Кашин), таким образом закольцовывая весь текст городского раздела ДТ. Явным образом видна вторичность наличия городов Медыни и Малоярославца в указанной последовательности — эти два города были механически добавлены позднее.

Данная последовательность в целом игнорирует исторически сложившиеся территориальные общности, (регионы, уделы, княжества) и охватывает всю центральную область государства или «Московскую землю».

Есть два исключения из этого принципа последовательности перечисления городов, представляющие известный интерес. Рязанский раздел помещен между Тулой и Калугой, хотя должен находиться между Муромом и Коломной или Коломной и Каширой. Раздел Можайск — Вязьма — Дорогобуж — Белая явно разрывает логическую последовательность Старица — Клин. Наличие этих исключений могут быть объяснены позднейшим включением этих городских разделов в текст ДТ на каком-то этапе редактирования. При этом принцип последовательного перечисления городов не был выдержан в полном объеме, хотя редактор и стремился к этому.

Что же диктовало составителю необходимость придерживаться показанного принципа последовательности городов в ДТ? Наиболее вероятным ответом мне представляется использование в московской делопроизводственной практике 1550-х гг. географической карты государства как источника модели текста городского раздела ДТ. На той карте были показаны основные города Русского государства и составитель ДТ последовательно поместил городские списки служилых людей, ориентируясь на картографическое представление.

Трудно сказать, являлось ли использование карты характерной для ранней редакции ДТ или этот принцип был положен в основу работы над редакцией 7061 (1552/53 г.).

Некоторой поддержкой вывода о существовании русской карты 1550-х гг. можно считать известие В.Н. Татищева (с его ссылкой на митрополита Макария как источник сведений) о составлении в 1552 г. по царскому указанию общегосударственной карты: «После него прилежал царь Иоанн II, о котором в 1552-м году рассказывается, что земли велел измерять и чертеж государства сделать. Однако ж чертежа оного нигде не видно, кроме того, что в архиве казанском на одно Казанское владение, как мне помнится, на 16 листах делан без масштаба, но от места до места версты числом подписаны. Только книга, именованная Большой чертеж, осталась, и, я думаю, Макарий оный чертеж разумеет» (Татищев 2005: 462). Упомянутый Татищевым чертеж всего Русского государства, описание которого сохранилось в тексте «Книги Большому Чертежу» 7135 (1626/27) г., был составлен «давно при прежних государех» (Книга Большому Чертежу 1950: 49).

Представленные соображения могут свидетельствовать о существовании в середине XVI в. оригинальной карты территории Русского государства. Данные этой карты использовались в московском делопроизводстве, в частности, при составлении ДТ. Однако трудно сказать, являлось ли использование карты характерной для ранней редакции ДТ или этот принцип был положен в основу работы над редакцией 7061 (1552/53) года.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баранов 2023 — *Баранов К.В.* Местническая память князей Ростовских // Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: к 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова. Сборник статей. / Под общ. ред. А.А. Фролова. М., 2023. С. 54–64.
- Книга Большому Чертежу 1950 — Книга Большому Чертежу / Подг. к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950.
- Татищев 2005 — *Татищев В.Н.* История Российская. М., 2005. Т. 1.

М.Р. БЕЛОУСОВ

**РОСПИСЬ КРЕСТЬЯНСКИХ
И БОБЫЛЬСКИХ ДВОРОВ
В ПОМЕСТЬЯХ И ВОТЧИНАХ ЖИЛЬЦОВ
ПО ПЕРЕПИСНЫМ, ОТКАЗНЫМ,
ОТДЕЛЬНЫМ КНИГАМ И «СКАЗКАМ»
ИЮЛЯ – АВГУСТА 7161/1653 ГОДА
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ**

С 13 по 28 июня 7161/1653 г. проходил конный смотр служилых людей московских чинов Государева двора: «Июня в 13 день государь ... за городом, на Девичье поле, изволил смотреть свой государев двор, столников, и стряпчих, и дворян московских, и жильцов, со всею их службою... Июня в 28 день ... пошел государь с Девичья поля к Москве» (I, стб. 355-357).

Реконструированный нами комплекс сохранившихся документов этого смотра включает в себя: «сказки» служилых людей о готовности к полковой службе, а именно: о собственной боеготовности, о числе «людей з боем», о количестве принадлежащих им крестьянских и бобыльских дворов либо отсутствии у них поместий и вотчин, о «кормовом» обеспечении; «половинный» боярский список середины июня 1653 г.; смотренный список стольников, стряпчих, дворян московских, иноземцев, жильцов, голов стрелецких, дворовых людей и дьяков конца июня 1653 г.; список стряпчих и дворян московских, за которыми в поместьях и вотчинах по их «сказкам» крестьянских и бобыльских по 30 дворов и меньше и за которыми поместий и вотчин нет; росписи (две) крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вот-

чинах стряпчих и жильцов по переписным и прочим книгам и по «сказкам» середины июля 1653 года.

Роспись крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах жильцов по переписным и прочим книгам и по «сказкам» (II) написана скорописью середины XVII в., несколькими почерками на 405 листах (с л. 1 по л. 414; литературный — л. 207а; пропущены лл. 330-339); на л. 414 об. — справа подъячего: «Справил Кручинка Чернцов»; по сствам лл. 413 об. – 414 об. и на л. 414 — окончание скрепы дьяка Поместного приказа Ивана Хрипкова: «Хри/пковъ». Таким образом, роспись, отложившаяся в фонде Разрядного приказа, была составлена в Поместном приказе. Цель составления росписи крепостных дворов — проверка достоверности сведений о количестве крестьянских и бобыльских дворов либо отсутствии поместья и вотчины в поданных жильцами на конном смотре в середине июня 1653 г. «сказках» на основе их сопоставления с количеством дворов, «сысканных» за каждым жильцом в переписных, отказных, отдельных книгах.

Начало росписи не сохранилось. В росписи значатся далеко не все лица, имевшие чин жильца. Судя по смотренному списку конного смотря (III), в роспись не включены жильцы, записанные в его второй половине. Общая численность жильцов в июне 1653 г. нами не установлена. В 1651 г., по сметному списку военных сил России, их было 1661 человек (IV, с. 8). В сохранившейся части росписи крепостных дворов значатся 704 жильца.

Роспись была составлена не ранее 1 июля и не позднее конца августа 1653 г., о чем говорят следующие наблюдения над ее текстом: 1. При имени жильца Григория Борисова сына Ушакова указано: «А, по ево, Григорьеве, скаске, что он подал государю у смотрю, написано за ним пять дворов крестьянских, и прописано у него, Григорья, в скаске против переписных книг семь двор[ов] без чет[и], и, по подписной челобитной за пометою думного дьяка Лариона Лопухина нынешнего, 161-го, июля в 1 день, те прописные семь дворов велено за ним справить» (II, л. 160); 2. При имени Ивана Кондратьева сына Порошина записано: «В нынешнем-де, во 161-м, году (то есть не позже конца августа 1653 г. — М.Б.) взял

он, Иван, у боярина у князя Федора Семеновича Куракина беглых своих помесных крестьян...» (II, л. 216).

Самоназвание росписи крепостных дворов — список: «А по скаске Василья Иванова сына Грамотина у справки сего списка...» (II, л. 131), «И во 161-м году он, Дементей, к списку справке принес челобитную» (II, л. 91), «И прибыло, по скаске, перед списком два двора» (II, л. 37), хотя в последнем случае, возможно, имеется в виду не самоназвание росписи, а либо жилецкий список, положенный в основу перечня жильцов исследуемого документа (он не выявлен), либо смотренный список (III).

Структура каждой персональной статьи о дворовладении жильца включает в себя информацию о его полном именовании, типе и местонахождении земельного владения и количестве крепостных дворов в нем на основании материалов писцового дела, а также соответствующие сведения из «сказки» служилого человека: «Артемей Григорьев сын Челюсткин. Вотчины за ним в Перемышле по переписным книгам Ивана Фронзбекова 154-го году в Тарбеевском стану в селе Борисищеве девять дворов крестьянских. А в скаске ево написано тож девять дворов» (II, л. 262).

Некоторые жильцы, числящиеся в росписи, не были на смотре. Так, в росписи указан Иван Миронов сын Вельяминов (II, л. 69). В перечне жильцов смотренного списка его имя отсутствует (III, л. 27). Между тем в росписи дворов жильцов о И.М. Вельяминове сообщается: «А скаски нет. И сам у справки не был» (II, л. 69). Следовательно, он не участвовал в конном смотре июня 1653 г. и «сказку» не подавал. Видимо, не был на смотре и Сергей Григорьев сын Тургенев, при имени которого в росписи дворов указано: «А скаске ево нет» (II, л. 99) (лист перечня жильцов смотренного списка с его именем, к сожалению, утрачен).

После подачи «сказки» (в том числе в случае расхождения информации переписных и прочих книг со сведениями поданной на конном смотре «сказки») служилый человек давал устные пояснения («справку») в Поместном приказе, что отражалось в росписи крепостных дворов: «И у справки был сам» (II, л. 63), «А у справки Микифор Тимофеев сын

Шеншин сказал...» (II, л. 186), — или, реже, подавал новую письменную «сказку», как правило, заверяя ее рукоприкладством: «А ныне он, Григорей, у справки сего списка подал другую скаску за своею рукою» (II, л. 71).

Часто служилые люди не являлись для дачи пояснений. Это фиксировалось в росписи дворов жильцов: «А сам он к справке не бывал» (II, л. 15, 19, 22, 128), «У справки не был» (II, л. 88, 93, 97, 100, 102, 103, 104, 105, 118, 120, 122).

В процессе работы по составлению росписи крестьянских и бобыльских дворов служащие Поместного приказа сталкивались с трудностями идентификации некоторых жильцов, записанных в используемые ими документы либо с крестильными именами (полуотчествами), либо с некалендарными, а также под различными вариантами фамилий и имен. Каждый такой случай находил отражение в тексте росписи: «Федор Кузмин сын Ржевской... А в жилецком списку написан Федор Богданов сын Ржевской» (II, л. 93–94); «Князь Михайло княж Тимофеев сын Моложенской, а по книгам — Моложской» (II, л. 116) (под «книгами» имеются в виду переписные книги Заволжской половины Ярославского уезда Иева Собакина 7156 г. (V, л. 948), в которых кн. М.Т. Моложинский действительно значится как Моложский); «Фарисей Яковлев сын Уваров... А в кинешемских переписных книгах Микифора Нармыцкого 154-го году написан Федор Яковлев сын Уваров» (II, л. 154–155); «Григорей Федоров сын Толбузин... Да в Карачеве по книгам переписи Григорья Нащокина 154-го году написан Григорей Меншой Федоров сын Толбузин» (II, л. 183); «Федор Иванов сын Фомин Квашнин... А в переписных книгах Фомина не написано» (II, л. 196); «По розрядному списку — Михайло Максимов сын Богданов, а по переписным книгам — Михайло Криков сын Богданов» (II, л. 223); «По списку Иван Савин сын, а по переписным книгам Иван Томилов сын, Крюков... А один ли Иван Савин сын и Томилов сын или два, и того не ведомо» (II, л. 369–370).

Таким образом, роспись крепостных дворов в поместьях и вотчинах жильцов дает чрезвычайно важную информацию о социально-экономическом положении низшей группы членов Государева двора середины XVII века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- I – Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением с. е. и. в. канцелярии. СПб., 1852. Т. III.
- II – РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9 (Столбцы Московского стола). Ед. хр. 210. Л. 1-414.
- III – РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 1135. Столп. 1.
- IV – «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII – первая половина XVIII в. М., 1989.
- V – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 553.

П.А. Блохин

КЛЯТВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ В ТЕКСТАХ ФРАЙБУРГСКОЙ ПРАВОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ (1120–1293)

Период фрайбургской истории XII–XIII вв. можно назвать «Эпохой хартий». В это время было создано 15 сборников местного права. Это официальные городские хартии, дополнения к ним, черновик сборника законов, копия равновременных правовых текстов, «подложная» хартия, получившая статус официальной, дополнение к ней, проекты фрайбургских законов, не принятые местными органами власти, и дополнение к ним, также не имевшее официального статуса. Из этих 15 текстов прологи имеют восемь, эпилоги — семь. Это Учредительная привилегия (1120–1122, далее — GP), Штадтродель (1218, далее — R), дополнение к нему (1248, далее — R доп.), краткий (далее — FR1275) и пространный (далее — FR1275a) проекты городского права (1275), дополнение к пространному проекту (1282, далее — FR1275a доп.), хартия 1293 г. (далее — FR1293), дополнение к ней того же года (далее — FR1293 доп.). Из них Штадтродель (R) не имеет эпилога.

В эпилогах к текстам фрайбургской правовой коллекции «Эпохи хартий», содержатся клятвы составителей документов и их свидетелей.

Учредительная привилегия хранит информацию о самой древней форме фрайбургской клятвы. В эпилоге к GP Конрад фон Церинген вместе с 12-ю своими министрами поклялся «над святая святых» от своего и имени его потомков вечно исполнять положения привилегии. Поскольку GP дошла до сего времени в позднейшей копии, то имена

свидетелей (министерялов) не сохранились, а есть упоминание о: «12 министерялах..., названных поименно». Для закрепления такой клятвы Конрад «вложил свою правую руку в руку верного свободного человека и присяжных рынка». Само это символическое церемониальное действие напоминает оммаж сеньора с неблагогородными вассалами. Опять же по причине того, что GR известна по позднейшей копии, реальное имя «верного свободного человека» также не сохранилось, как и, вероятно, имена первых фрайбургских присяжных рынка. Этот отрывок привилегии вызвал долгую дискуссию в немецкой историографии. Также стоит отметить, что в тексте GR нет упоминания о запечатывании привилегии печатями акторов. Подлинность документа удостоверялась личной подписью Церингена, о чем в прологе к тексту есть соответствующая запись о «проставлении под записанным подписи».

Штадродель (R) не имеет эпилога и не содержит клятв. Этот сборник законов является «поддельной» хартией. В момент смены сеньориальной династии, горожане представили R новому господину города, как подлинную хартию, созданную во времена их прежнего сеньора, герцога Бертольда V фон Церингена. Для придания весомости своей «подделке» горожане отыскивали и прикрепили к пергамену самую древнюю из возможных тогда городскую печать. Церингенскую печать они либо не нашли, либо побоялись ее вешать на документ, опасаясь обвинения в клятвopеступлении. Подписей под текстом нет. Новые сеньоры, граф Эгон IV фон Урах, как и впоследствии его сын граф Эгон I фон Фрайбург, приняли Родель как подлинную хартию, и законы R действовали в городе до 1293 года.

В дополнениях к Штадтроделю (R доп.) содержится несколько клятв. Текст повествует о драматических событиях — о городском восстании средних слоев населения против местного патрициата, о достигнутых договоренностях между конфликтующими и реформы городского управления. В одном из параграфов указано, что противоборствующие стороны (городская община и патрицианский Старший совет) «присягнули исполнять обязанности добросовестно»

и соблюдать ранее принятые в городе «свободы и права». Такая присяга должна была стать доказательством того, что стороны готовы прекратить конфликт и заключить соглашение друг с другом.

Другая клятва была зафиксирована в эпилоге к R доп. Можно предположить, что это был дословный текст клятвы. В ней говорится, что все поклявшиеся должны «лично и имуществом» способствовать развитию «общего дела города нашего или провинции», а также быть полезными для «большей или здоровой части общины нашей». После текста присяги следовало ее объяснение. Под «общим делом» подразумевалось честное исполнение законов в целом и, в частности, положений данного документа. За нарушение такой присяги было прописано наказание — исключение из городской общины, изгнание из города и конфискация имущества.

Примечательно, что в R доп. местный сеньор не является главным действующим лицом в прошедших событиях. Граф Конрад I, несмотря на то, что его имя упоминается в списке присягнувших, является свидетелем и гарантом исполнения записанного в R доп. Сам текст составлен от имени шультгейса Конрада, консулов (членов нового исполнительного органа городского управления) и всей общины. Сеньор же, как и советники, так и представители общины договорились о прекращении «несогласия между [членами] нашей общины».

Также еще одна клятва была произнесена публично всем составом Старшего и Младшего советов, а также городским сеньором графом Конрадом I перед приходской церковью. После того, как новые постановления были обнародованы, пергамен скрепили печатями сеньора города и городской общины. В присутствии сеньора R доп. был передан на хранение городскому казначею Рудольфу.

R доп. является уникальным текстом коллекции. Только в этом сборнике дается дословный текст присяги, ее пояснение и определение наказания за ее нарушение. В этом плане оба проекта 1275 г. и хартия 1293 г. значительно лаконичнее. В FR1275 и FR1275а сеньор города, а в FR1293 — сеньор

вместе со Старшим и Общественным (временная совместная сеньориально-муниципальная коллегия) советами поклялись «без всякого дурного обмана» исполнять законы, установленные в данных сборниках. FR1275 и FR1275а должны были быть запечатаны только сеньориальной печатью, FR1293 имеет и графскую, и городскую печати.

Если в проектах 1275 г. единственным законодателем и подписантом текстов является сеньор, то в хартии 1293 г. список ее составителей шире. В качестве инициаторов создания документа выступают граф Эгон II, Младший совет и городская община. Из состава первоначальных законодателей исключен Старший совет, что является важным итогом социально-политического противостояния в городе. Однако итоговую клятву приносят сеньор, Старший совет, Общественный совет, а со стороны фрайбуржцев — представители городской общины. Младший совет не приносил присяги.

В отличие от FR 1293 состав авторов-составителей и присягнувших в FR 1293 доп. практически совпадает. Этот сборник законов создан от имени сеньора, обоих советов и общины. В момент принесения клятвы к ним присоединился Общественный совет.

Кроме того, FR1293 доп. содержит две клятвы. В прологе сказано, что сеньор, оба совета и представители общины принесли клятву от своего имени и от имени своих потомков в том, что законы хартии будут действовать долгое время, а в будущем их потомки должны принести такую же присягу. В эпилоге присутствует клятва о том, что сеньор, оба совета, Общественный совет и представители общины клянутся исполнять нормы FR1293 доп. «без всякого обмана». Вместе со второй клятвой присутствующие запечатали пергамен сеньориальной и городской печатями, указав, что процесс навешивания печатей — это подтверждение клятвы и свидетельство об искренности намерений законодателей. Важно подчеркнуть, что печать в данном случае удостоверяет, что клятва была принесена.

Такой вывод подтверждает присяга в FR1275а доп. Сеньор города клянется «на святынях», что законы этого документа и FR1275а будут соблюдаться, а если он, граф Эгон,

нарушит клятву, то в течении месяца должен принести присягу снова, а если и далее горожане будут указывать на нарушение сеньором принятых постановлений, то могущественные союзники графа и сам король Рудольф перестанут оказывать ему покровительство. Это установление было обличено в формулу: «для меня должны быть беспомощными все печати, которые на этом примирительном письме висят». Документ должен был быть запечатан, помимо сеньориальной и городской, печатями свидетелей — тех самых могущественных вельмож королевства. Для горожан полагалась такая же клятва и такая же ответственность за ее нарушение. Печать в данном случае не просто знак актора действия или подтверждения его свидетельства, но и визуальное отражение самой клятвы. Господин города выступает здесь единственным законодателем. Свидетели, названные поименно, были необходимы для подтверждения заключенного примирения между сеньором и горожанами, и поэтому же все они (кроме короля Рудольфа I) должны были повесить свои печати на документ, рядом с печатью Эгона II. Младший совет и городская община не приняли соглашение в том виде, как оно было представлено их сеньором, поэтому клятвы не были произнесены, а печати не были вывешены.

А.А. БОНДАРЕНКО

ХАНСКИЙ ПОСОЛ «ТАБИП» ИЛИ ВОЕННЫЙ ЧИНОВНИК «ТАБИН»? ИЗ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-ОРДЫНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ КОНЦА XV ВЕКА

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 24-28-00018)

В августе 1484 г. в Великое княжество Литовское впервые после смерти хана Ахмата прибыли послы из Большой Орды. Ярлыки-послания от ордынских ханов Муртазы и Саид-Ахмата, нескольких солтанов и беклербека Темира были доставлены в Троки, где тогда находился Казимир Ягеллон (Rutkowska 2014: 310–311). Списки переводов этих документов, подготовленные служащими литовской великокняжеской канцелярии, сохранились в составе 4-й книги записей Литовской метрики.

Посланником Муртазы был некий *Табип/Табин*, дважды упомянутый в переводе ханского ярлыка: «Такъ рекъши, присагу свою выписавши, | присажъныи листь написавъ, Тагиревымъ меньшимъ бра|томъ Табипомъ послалъ есми»; «А што коли таины свои, через Табина мне ускажи» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 4. Л. 112 об., 113). Во всех публикациях документа слово *Табип/Табин* было интерпретировано в качестве имени собственного, причем форма *Табип*, судя по всему, воспринималась как искажение личного имени *Табин* (Сборник Муханова 1836: 33; Pułaski 1881: 210–211; РИБ 1910: 348–350; LM. Кн. Nr. 4 2004: 98–99). Посвятив этимологии слова *Табин* специальное исследование, И.В. Зайцев пришел к выводу, что в послании Муртазы «под *табином* подразумевался военный чин, обладатель которого был близок хану и служил ему кем-то вроде адъютанта или пажа». Развивая мысль,

исследователь предположил, что при дворе ханов Большой Орды состояли «особые элитные пажеские военные объединения», «подобно тому, как они существовали у современных им Тимуридов» (Зайцев 2014: 120). Эта интересная и аргументированная гипотеза была положительно воспринята в отдельных работах (Азнабаев 2016: 271; Гулевич 2018: 355), однако в данном конкретном случае ей может быть предложена альтернатива.

И.В. Зайцев процитировал искомый документ по его наиболее ранней, содержащей значительное количество ошибок публикации в Сборнике Муханова (сохранена пунктуация, предложенная Зайцевым): «Так рекши, присягу свою выписавши, присяжны лист написав, Ягиверем, братом меньшим Табином послал есьми» (Сборник Муханова 1836: 33; Зайцев 2014: 119). Интерпретация текста в издании 1836 г. до неузнаваемости искажает имя Тагира, не позволяет уяснить, что он приходился старшим братом посланнику, доставившему «присяжный лист» Муртазы в Литву, и, кроме того, здесь предложено чтение буквы «наш» в конце слова *Табин* — тогда как в рукописи 4-й книги записей в этом месте уверенно читается буква «покой». Последующие издания ярлыка лишены этих дефектов. Логика построения фразы из перевода ханского послания подсказывает, что «меньшой брат» Тагира должен быть здесь назван по имени, а не только (и не столько) по своему чину. В рукописи по одному разу встречаются формы *Табин* и *Табин*; чередование конечных букв в списке документа вполне может быть объяснено палеографически.

Наконец, следует привести свидетельство более позднего источника, в котором фигурирует «Тагирев брат» со своим сыном, а также передается их прямая речь. Накануне или вскоре после распада Большой Орды брат Тагира оказался в Крыму, перейдя на службу к Менгли-Гирею. В 1510 г. в Литву из посольства в Крым вернулся толмач Макарец, в числе прочего передавший Сигизмунду I Старому сведения, тайно собранные у слуг и вельмож хана. Среди его информаторов были «ч(о)л(о)в(е)к царев Таип, Тагирев брат, и с сыном своим Исуром», призывавшие короля и великого князя, «што-

бы... ц(а)рю не верил», поскольку у того совсем иные тайные намерения. Свое желание предостеречь Сигизмунда и истинность своих показаний *Taun* обосновывал чувством благодарности за «хлеб и соль», некогда полученные в Литве: «За певна (здесь — ‘точно’, ‘доподлинно’ — А. Б.) то ведаю, иначе то не может быти, бо деи мы ели хлеб г(о)с(по)д(а)ря короля... и хотим г(о)с(по)д(а)рю королю... прияти, ино хлеб и соль г(о)с(по)д(а)рский нас побьет» (LM. Kn. Nr. 7 2011: 200–201).

Итак, в послании хана Муртазы упомянут не некий военный чиновник *табин*, а посол, названный в документе по имени. Представляется, что верная форма этого имени — *Tabun*, поскольку она соответствует арабскому по происхождению мужскому имени Табиб (‘врачеватель’, ‘лекарь’). Вместе с тем форма *Taun*, приведенная в документе 1510 г., может отсылать и к имени Тайиб — ‘добрый’, ‘благой’ (Гафуров 1987: 193).

Идентификация Табиба как близкого родственника Тагира неслучайна. Тагир был узнаваемой личностью, опытным ордынским дипломатом, служившим еще хану Ахмату, а затем его сыновьям и племяннику. О посольствах Тагира к королю Казимиру во времена Ахмата упоминали в своих посланиях ханы Саид-Ахмат и Шейх-Ахмат (LM. Kn. Nr. 4 2004: 100; LM. Kn. Nr. 5 2012: 254, 272; АЗР 2018: 85). Ранее августа-сентября 1486 г. (об иных датировках см.: Зайцев 2006: 54–55; Сабитов 2010: 99) Тагир привез в Великое княжество Литовское ярлык-послание Абд ал-Керима, сына хана Махмуда и двоюродного брата «Ахматовых детей», в котором тот извещал Казимира о своем восшествии на ордынский престол (LM. Kn. Nr. 4 2004: 143). После этого Тагир по какой-то причине был на несколько лет задержан в литовских владениях — вероятно, в качестве пленника или заложника. В ярлыке Шейх-Ахмата, доставленном в Гродно в декабре 1495 г., говорилось, что он пробыл в Литве «ос(ь)м годов», но из содержания этого послания, а также из синхронного ярлыка хана Муртазы следует, что к моменту их составления он уже успел вернуться в Орду (LM. Kn. Nr. 5 2012: 213–214; АЗР 2018: 68). В дальнейшем имя Тагира не встречается в дипломатической

переписке, однако оно еще долго сохранялось в памяти современников, как об этом свидетельствует упомянутый выше документ 1510 г. Помимо младшего брата Табиба, на посольской службе был задействован и «Тагирев сын» Исуп. Посольство с его участием находилось в Гродно в 1495 г., а на обратном пути, который ордынцы совершали совместно с литовским послом князем В.Б. Глинским, они были настигнуты и «розбиты» людьми Менгли-Гирея (ЛМ. Кн. № 5 2012: 213–214, 235; АЗР 2018: 68, 75).

Таким образом, в случае с Тагиром, Табибом и Исупом можно говорить о преемственном, родовом занятии дипломатической деятельностью на службе правителям Большой Орды. В свою очередь трактовка слова *Табин* как личного имени посла не позволяет подтвердить факт бытования понятия *табин* в ордынской военно-социальной терминологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азнабаев Б.А.* Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 2016.
- Акты, относящиеся к истории Западной России (АЗР). М., 2018. Вып. 1.
- Гафуров А.[Г.]* Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987.
- Гулевич В.П.* От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань, 2018.
- Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006.
- Зайцев И.В.* Из чагатайско-золотоордынской социальной терминологии: «табин» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1 (3). С. 119–122.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 389. Оп. 1. Кн. 4.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею (РИБ). СПб., 1910. Т. 27. Литовская метрика. Отд. I. Ч. I: Книги записей. Т. I.
- Сабитов Ж.М.* «Ахматовы дети»: вопросы генеалогии и хронологии правления // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 2. С. 97–103.
- Сборник [документов по русской истории] Муханова. М., 1836.

- Lietuvos Metrika (LM). Knyga Nr. 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4 / Parengė L. Anužytė. Vilnius, 2004.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5 / Parengė A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2012.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 7 (1506–1539). Užrašymų knyga 7 / Parengė I. Ilarienė, L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius, 2011.
- Pułaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515): Akta i listy. Kraków; Warszawa, 1881.
- Rutkowska G.* Itinerarium króla Kazimierza Jagiellończyka. 1440–1492. Warszawa, 2014.

Е.Ю. ВАНИНА

ИНДИЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

«НЕИСТОРИЧЕСКИЕ» ИСТОРИИ

Развитие индологической медиевистики с самого начала, то есть с конца XIX – первых десятилетий XX века, было сложным и даже болезненным процессом, связанным с преодолением многочисленных стереотипов, которые были созданы европейскими ориенталистами и намертво впечатаны в сознание их индийских учеников. Тем, кто осмелился выйти за рамки этих стереотипов, сперва пришлось доказывать, что в Индии было средневековье. Обе господствовавшие концепции — 1) в Индии ничего не менялось со времен походов Александра Македонского и 2) древняя Индия, быть может, и являлась великой цивилизацией, но деградировала — не рассматривали возможности для Индии пережить средневековую эпоху. Формирование этих концепций совпало по времени с европейским классицизмом, когда средневековье считалось варварским, темным периодом (индийцам, как предполагалось, повезло: они сохранили античность до XIX в.), а затем — с развитием европейского медиевизма и переоценкой отношения к средним векам (у диких азиатов не могло быть благородных рыцарей и дам, а также великих поэтов, воспевавших их подвиги, религиозных подвижников и вольнодумцев, не говоря уже о гильдиях, торговых городах и мануфактурах). Когда же в работах британских историков история Индии после V–VII в. стала все же называться средневековой, постоянно подчеркивалось, что это «неправильное», «плохое» средневековье, а отважного шотландца Джеймса Тода, который посмел сравнить раджпутов с рыцарями, восприняли как романтика, начитавшегося Вальтера Скотта.

У «неправильного» средневековья не могло быть «правильных» историй. Третьей аксиомой индологической медиевистики стало отсутствие у индийцев, и прежде всего индусов, интереса к прошлому и нежелание размышлять об этом прошлом в текстах, которые, важно отметить, могли быть только такими, как в Европе. Развитие индологической медиевистики происходило в эпоху господства историографических подходов Ранке. Под установленные им критерии в Индии подходили только хроники мусульманских государств — и то они были «плохими», потому что, в отличие от европейских, повествовали об азиатских тиранах, а значит — о безнравственных, кровавых, подлых поступках, безобразно льстили деспотам и т.д. Все же, что на тему прошлого писали индусы, под категорию «история» вообще не подходило. Вообще исторические представления индийцев, их знания о собственном прошлом считались не заслуживающими доверия мифами, поэтому основными источниками в работах медиевистов — западных и индийских — часто оказывались записки европейских путешественников, которые не владели местными языками, но считались априори честными и объективными наблюдателями, знавшими Индию лучше, чем ее жители.

Причины заключались в том, что ориенталисты полагали достойными изучения лишь санскрит и литературу на нем, а местные языки воспринимали как «базарные диалекты», в то время как появление огромного корпуса текстов именно на этих языках стало важной отличительной чертой именно средневековья. Главным же было то, что эти нарративы, в которых повествовалось о событиях прошлого, не подходили под критерии Ранке. Прежде всего, они в большинстве своем были в стихах, хотя в позднее средневековье появились и прозаические сочинения. Далее, они сохраняли значительную связь с устной традицией, особенно с героическими сказаниями и балладами, и жанр требовал поэтических преувеличений, тропов, клише, которые, по мнению исследователей, были несовместимы с «настоящими» историями. Так, была встречена с раздражением и отнесена к числу «неправильных» или, в лучшем случае, к результатам «западно-

го влияния» кашмирская хроника «Раджатарангини («Поток царей», XII в.)».

То, что подобные тексты включали даты, верифицируемые по другим источникам, тем же «мусульманским» хроникам, и повествовали о реальных людях и событиях, отвергалось как все, что нарушало общую концепцию. Ими пренебрегали настолько, что когда индийские авторы-националисты начали писать исторические романы и драмы, они использовали не собственные исторические нарративы, а сочинения британских историков и поэтов. И только в наше время стало утверждаться, и то весьма робко, представление о том, что эпохи и цивилизации различаются, помимо прочего, и по способам осмысления и реконструирования прошлого, так что «неперсидские (*non-Persian*, общепринятый термин)» тексты стали получать права исторических источников.

Эти тексты включают в себя огромный корпус исторических поэм и баллад, прозаических сочинений, биографий (на многих индийских языках «история» и «биография» обозначались одним термином, поскольку долгое время «истории» также были, по сути, жизнеописаниями великих и не очень великих людей). Большинство из них носят региональный характер, так как посвящены княжеским династиям. Однако с установлением империи Великих Моголов с ее политикой интеграции индусской знати в надконфессиональную правящую элиту появляется и имперский исторический нарратив. Его создавали как на фарси (причем, что особенно возмущало английских исследователей, не только мусульманские авторы, но и индусские — это якобы свидетельствовало о «трусости и раболепии» побежденных), но и на местных языках. Причем у писателей-индусов появилась специфическая миссия: обосновать возможность и желательность для раджпутской знати быть вассалами и верно служить могольским падишахам, что давало индусским аристократам невиданные прежде возможности общеимперской карьеры.

Справедливость требует отметить, что пересмотр ориенталистских стереотипов и обращение к прежде игнори-

руемым источникам инициировали западные индологи, и лишь впоследствии к ним присоединились индийские коллеги. Огромная работа по открытию архивов (в том числе храмовых, семейных) только началась, и в научный обиход все активнее включаются источники, которые раньше отвергались как «беллетристика». «Неисторические» истории индийского средневековья постепенно утверждаются в статусе исторических нарративов, отражающих как специфику восприятия прошлого, так и общие для многих средневековых культур черты.

К.В. ВЕРШИНИН

НОВЫЙ СПИСОК «ПРАВОСУДИЯ МИТРОПОЛИЧЬЕГО»

До сих пор древнерусский юридический памятник «Правосудие митрополичье» был известен в единственном списке первой половины XVI века (ГИМ, Син. 687, л. 141–143об.), который, как можно полагать, вместе со значительной частью данной рукописи был скопирован с антиграфа конца XIV – начала XV в. (Вершинин 2021: 77–78) — времени, к которому, по наиболее обоснованной версии, относится и само возникновение памятника (Корогодина 2020). Автору этих строк удалось обнаружить еще один список, датированный XVII веком (РГБ, Тих. 40, л. 143об.–146об.).

Первая часть этого обширного сборника (л. 1–146об.) почти совпадает по составу с синодальной рукописью, восходя, очевидно, к тому же самому антиграфу. Расхождения сравнительно невелики. Так, например, статья «Апостоль рече...» обрывается на словах: «в неразмышлении разума...» (л. 31), в Син. 687 следует (л. 35–36) продолжение и статья «О покаянии» (пропущенная в Тих. 40); пропущено несколько текстов перед статьей «о грому» (Тих. 40, л. 55; ср. Син. 687, л. 57–61об.) и перед статьей «Вопрос. Не въсть диявол мысли у челоуѣка...» (Тих. 40, л. 59об.; ср. Син. 687, л. 65об.–68); на л. 38 пропущено несколько статей — попавшая в текст проба пера, краткий летописец, «А се 10-е дах...», «А се митрополичьи суды», «Аще кто со отлученым челоуѣком ясть и пиет...» (Син. 687, л. 41об.–42об.). В синодальной рукописи на л. 41об.–42 на полях имеются пометы: «того не писати», «то писат[и]», «и то не писати». Однако они едва ли имеют связь с перепиской Тих. 40, где, вопреки указанию «то писат[и]», недостает статьи «А се 10-е дах...»

Тихонравовская рукопись не может быть признана копией Син. 687 и по причине наличия «излишков» на л. 23–25об. («Храни свѣщу от вѣтра, молитву же от лѣности...», «Аристотель рече...», «Соломон рече», «Маргад (!) и Златоустъ», «От еуангелия воспрос», «Душа есть царь», «Родитися (!) по плоти Господь нашъ Иисусъ Христосъ...», «Отстоит небо от земля...», «О широтѣ и долготѣ земли», «Земля же по елинох глаголется хаия...», «А се епископы подлежат митрополиту Киевскому, всея Руси», «О создании храма их во Иерусалимѣ, святая святыхъ»). Все перечисленные статьи, отсутствующие в Син. 687, перебивают текст, который и при их изъятии обнаруживает неполноту («они бо еллини аще быша [далее зачеркнуто «были»] видѣли и вѣровали быша...» на л. 23; «ли бѣса ли смерть ли ино томление...» на л. 25об.). Действительно, в Син. 687 лакуны нет: между процитированных фрагментов читается продолжение предшествующих евангельских толкований. Вероятно, и те, и другие тексты восходят к общему антиграфу сборников, в котором некоторые листы, отовавшись, переписывались в различном порядке. В частности, перечень «А се епископы...», оканчивающийся 18-й по счету Пермской епархией, соотносится с фрагментом о пермской грамоте (родственным Житию Стефана Пермского), читающимся в другом месте обоих сборников (Тихомиров 1962: 34).

Наблюдения над «Правосудием митрополичьим» по Тих. 40 подтверждают сказанное выше. В этом списке имеются чтения (хотя и немногочисленные), позволяющие предложить конъектуры к тексту памятника, ранее доступному исследователям по Син. 687. Приведем наиболее важные из них. Так, в гл. 20 по нумерации издания (Щапов 1976: 209–211) читаем: «А судии стати за списком самому, а къ судии списка не слати» (в Син. 687: «А судии стати за своим епископом самому, а [к с]уду списка не слати»). Тем самым факт упоминания в «Правосудии» епископского судьи ставится под сильное сомнение. В гл. 29 текст Син. 687 испорчен: «не похочет быти, а осподарь...», в Тих. 40 верно: «не похочет у осподаря быти»; в той же главе в Син. 687 допущен гаплографический пропуск: «а побѣжит от-сподаря, выдати его осподарю в пол-

ницу», в Тих. 40 читаем: «а побѣжитъ от осподаря, не доложя его, а найдет его осподарь, выдати его осподарю в полницу» (гл. 29). Любопытно, что в Тих. 40 отсутствует аканье в тех случаях, где оно проявляется в старшей рукописи, так что севернорусское происхождение памятника нельзя считать опровергнутым (в других текстах Син. 687 имеются единичные «новгородизмы», см. Вершинин 2021: 81). Фраза «А се есть правосудие митрополичье», помещенная в Син. 687 на поле (М.В. Корогодина считает ее не заглавием, а глоссой), в Тих. 40 вставлена в основной текст.

Хотя «координирующее влияние составителя», о котором писал И. В. Ипатов (Ипатов 1991: 204), прослеживается лишь в некоторых статьях сборника, скопированного в Син. 687 и Тих. 40 (а подбор текстов отличается хаотичностью), нужно признать, что сама эта рукопись, не дошедшая до нас, должна была считаться авторитетной. Поиски следов ее связи с одним из русских митрополитов (Киприаном?) должны быть продолжены в будущих исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вершинин К.В.* Заметки о «Правосудии митрополичьем» // Труды Института российской истории РАН. М., 2021. Вып. 16. С. 76–83.
- Ипатов И.В.* «Правосудие митрополичье» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Т. XXII. С. 194–204.
- Корогодина М.В.* «Правосудие митрополичье» // Православная энциклопедия. М., 2020. Т. 58. С. 25–26.
- Тихомиров М.Н.* Правосудие митрополичье // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 32–41.
- Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

П.В. ГАВРИЛОВ

ПИСЦОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЕРЕВСКОЙ ПЯТИНЫ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ НОВГОРОДСКИХ БОЯР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

В основе настоящей работы лежит анализ поземельных описаний Деревской пятины и иных писцовых материалов, связанных с территорией Новгородской земли и датируемых концом XV–XVI в. (НПК 1859, 1862, 1910; ПКОП; ПKNЗ 1999). Эти документы содержат информацию о землевладельцах указанного времени, среди которых, как установил В.Л. Янин (Янин, 1981, 1991, 1994), имеются лица боярского происхождения. Историко-географическая информация писцовых книг включает сведения о вотчинах, связывая селения с погостом-местом (далее — п.), что позволяет реконструировать расположение деревень, принадлежавших представителям прусско-плотницкой боярской группировки Новгорода — одного из ключевых кланов, «организующего» подавляющую часть сторон жизни как сельских, так и городской общин Новгорода. Результат исследования может быть значим и для понимания структур, формирующих пространство средневекового человека.

Метод исследования заключается в создании перечня бояр, владевших землями в п. Деревской пятины, с последующей классификацией персонажей по их кончанской принадлежности. В то же время реконструкция чувствительна к генеалогическим и историко-географическим подробностям, уже известным исследователям: в реконструкции ис-

пользованы результаты работ, выполненных в русле двух историографических линий — пространственного изучения расположения п. Деревской пятины (Неволин 1853; Бассалыго, Янин 1998; Фролов 2008; Анкудинов, Фролов 2011) и семейных связей новгородских бояр (Мятлев 1909; Бернадский 1961: 159; Янин 1981, 1991, 1994; Носов 1989; Молчанов 2011; Васильев 2013). В результате исследования будет создана карта-схема поземельного уклада, сложившегося к моменту боярского вывода.

Вотчины прусско-плотницкого боярства располагались от берегов р. Мсты до восточного берега р. Ловать, концентрируясь и редая в зависимости от погоста. Так, на восточном побережье р. Садва располагались деревни, с одной стороны, неревлян Григория и Ивана, Михайловых детей Казимировых сестричей, с другой, прусско-плотницких бояр, потомков Есифа и Андреана Захарьевичей — Богдана Есипова и Офимьи Горошковой, Оксиньи Микитины жены Есипова и Андрея Посохнова, соответственно (НПК. Т. 1: 18, 20, 23–24, 27, 29, 36). Уже в Жабенском п., восточнее Заборовского (~56 км) находилась волость Березовец Марфы Борецкой, также восходящей происхождением к Есифу (НПК. Т. 1: 639). Таким образом, в юго-восточных погостах Деревской пятины концентрировались земли потомков Есифа Марфы и Богдана, с одной стороны, и Андреана — Офимьи Горошковой, Оксиньи Микитины жены Есипова и Андрея Посохнова, с другой. На противоположном берегу р. Мсты, преобладало землевладение потомков Дмитрия Ивановича (Гаврилов 2025).

Земли по левому берегу срединного течения р. Мсты принадлежали представителям прусско-плотницкого боярства. Здешние владельцы относились к двум ветвям единого рода — потомки Андреана располагали участками по берегу р. Мсты, в долине р. Шегрино и в округе села Боровичи. Потомки Есифа — Марфа и Богдан — распоряжались землями в Дмитриевском, Кострецком и Боровичском п. Деревской пятины (НПК. Т. 1: 446, 515; НПК. Т. 2: 198; Петрова 1980: 260, 262–263). Цельность разделённой волости не столь яркая, как в верховьях р. Мсты, но микрорегион лишён какого-либо присутствия представителей других кланов.

Землевладельцы Плотницкого, Загородского и Людина концов, а также неревского клана владели вотчинами в долине р. Полы. Здесь располагались деревни Кузьмы Фефилатова и Федора Берденева, и неревлян Федора Селезнева и Ивана Лошинского. Кузьма являлся потомком Дмитрия, а неревляне происхождением восходили к Ивану Сокире, как и все остальные лица, связанные с этим концом Новгорода и учтённые составителем писцовой книги Деревской пятины, за исключением Казимеровых сестричей, чьё происхождение неизвестно, и Ивана Александровича Самсонова с его обособленной вотчиной на берегу оз. Пирос. Федор Берденев генеалогически обособлен от прусско-плотницкой группы (НПК. Т. 1: 539, 550, 753; НПК. Т. 2: 499, 638, 666).

Боярскую долю земельных владений на берегах р. Холова образовывали деревни Марфы Борецкой, Оксиньи Микитины жены Василистина и Федора Селезнева (НПК. Т. 2: 430-431, 434). Если к западу от п., на побережье оз. Ильмень и в устье р. Мсты можно обнаружить две обособленные вотчины Ивана Овинова и Богдана Есипова, потомков Андреана и Есифа соответственно, то к юго-востоку концентрировались владения Секириных и Селезневых (НПК. Т. 2: 132, 356, 380, 452). Владевшие вотчинами в округе Холовского п. происходили из тех же ветвей, что позволяет видеть в здешней округе один из «пунктов» в землевладениях двух родов.

Совокупность земель тех же кланов располагалась северо-восточнее р. Полы. Сети вотчин Якова и Федора Селезневых, Ивана Лошинского и потомков Дмитрия Ивановича переплетались в среднем течении р. Полометь. К востоку и северо-востоку (~ 19 км, ~ 12 км, ~ 7 км) может быть выявлена сложная комбинация наследственных долей представителей иных ветвей прусско-плотницкого боярского клана. Так, в Неретцком п. соседствовали вотчины потомства, восходящего к Есифу и Дмитрию, Марьи Федоровской жены Исаковой и Якова Федорова соответственно. (НПК. Т. 1: 635, 866). Среди деревень Ужинского п. — Фалюшино, принадлежавшее Ивану Кузьмину, потомку Андреана. К северу (~ 10 км) в Ситенском п. находилась вотчина прусско-плотницких бояр. Помимо Ивана, здесь располагались деревни представи-

телей той же генеалогической ветви: Захара Овинова и Орины Кузьминской жены Григорьева. Соседом вотчинников по землевладению среди погостских деревень являлся потомок Дмитрия Яков Федоров. В Туреньском п., к востоку от Ситенского (~ 10 км) находилась волость Ивановская Кузмина, видимо ещё одна совокупность селений из его владений. Таким образом, в окружности, диаметром ~45-55 км с центром в оз. Валдай концентрировались земли потомков различных ветвей единого генеалогического древа: к северо-востоку Андреана, к северо-западу Дмитрия и к югу Есифа (НПК. Т. 1: 385, 394, 574, 576, 600; НПК. Т. 2: 203, 481).

Городенский п. Деревской пятины — место «соседства» вотчин представителей всех боярских группировок: от славенской Иван Немиров и Олфер Офоносов, от неревской Михаил Селезнев и от прусско-плотницкой Марья Федорова жена Исакова (НПК. Т. 1: 206, 251, 291; ПКНЗ. Т. 1: 71). К востоку (~ 25 км) в Михайловском п. имела место комбинация собственников из славенских бояр, генеалогически восходивших к разным ветвям единого рода, как и в Городенском, что, позволяет предполагать связь при наследственном разделе между селениями (НПК. Т. 1: 193, 204).

Сходная ситуация в Холыньском п., неподалёку от устья р. Мсты: Казимировы сестричи, Олфер Офоносов и Богдан Есипов по жеребьям владели участками в здешней деревне «...на устье Русские реки...» (ПКНЗ. Т. 1: 80). Микрорегионы, где наблюдается подобное «соседство», очевидно, были обжиты достаточно давно, коль скоро каждая группировка за время своего существования смогла обзавестись здесь земельными отношениями с крестьянами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бассалыго Л.А., Янин В.Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // *Янин В.Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 198–202.
- Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.

- Васильев Ю.С.* К вопросу о двинских боярах XIV–XV вв. // *Васильев Ю.С. Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков.* Вологда, 2013. С. 86–97.
- Гаврилов П.В.* Микрорегионы Бежецкой пятины Новгородской земли // *Историческая география* / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2025. Т. 7 (в печати).
- Молчанов А.А.* Новгородское боярство в X–XI вв.: славянский и скандинавский компоненты // *Висы дружбы. Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон* / Под ред. Н.Ю. Гвоздецкой, И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова. М., 2011. С. 269–275.
- Мятлев Н.* Родство Квашниных с новгородцами // *Известия Русского генеалогического общества.* СПб., 1909. Вып. 3. С. 36–60.
- Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты // *Записки Императорского русского географического общества.* СПб., 1853. Кн. VIII.
- Носов Е.Н.* Огнищане и проблема формирования новгородского боярства // *История и культура древнерусского города* / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 1989. С. 44–52.
- НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Имп. Археографической комиссией. СПб., 1859, 1862, 1910. Т. 1, 2.
- Петрова Р.Г.* Отрывок из писцовой книги конца XV в. // *Источниковедение отечественной истории.* М., 1980. С. 242–275.
- ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К.В. Баранов.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.: Материалы по истории народов СССР. Л., 1930. Вып. 1.
- Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошрины») / Сост. И.Ю. Анкудинов, А.А. Фролов. М.; СПб., 2011.
- Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли. М.; СПб., 2008. Т. 1–3.
- Янин В.Л.* Генеалогия боярских родов Великого Новгорода. Ч. 1: прусско-плотницкая группа // *Историческая генеалогия.* 1994. Т. 4. С. 30–47.
- Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.
- Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

У.А. ГАФАРОВА

ИСТОРИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОММЕНТАРИЯ АТ-ТАБАРИ И ЕГО ПЕРСИДСКОГО ПЕРЕВОДА

Изучение памятников истории и культуры представляется одной из актуальных и фундаментальных проблем современного востоковедения и филологии и ставят новые задачи перед современным литературоведением, а также определяют особые направления в исследовании уникальных памятников мировой культуры.

Актуальность историко-сопоставительного исследования Комментария ат-Табари и «Тарджумаи «Тафсири Табари»» с позиций литературоведения диктуется необходимостью составления более полного представления о художественных особенностях тафсиров, которые являются неотъемлемой частью наследия арабской и персидско-таджикской прозы. Тафсиры, сыгравшие важнейшую роль в становлении мусульманской религиозной доктрины, представляют собой сочинения, связанные с комментированием и толкованием Корана (Гафарова 2004: 8).

По классификации видов арабской и персидско-таджикской прозы, тафсиры относятся к памятникам религиозной прозы. Однако наличие огромного количества легенд, коранических сказаний и сюжетов, богатство и разнообразие материала, художественные и стилистические особенности тафсиров превращают их в важный историко-культурный феномен, заслуживающий внимательного и заинтересованного научного исследования. Именно в связи с этим определяются задачи аналитического исследования проблемы,

имея в виду изучение историческое, литературоведческое и лингвистическое.

В ряду произведений персидско-таджикской прозы X в. «Тарджумай “Тафсири Табари”» по своим идейным и художественным достоинствам занимает особое место. Этот уникальный памятник переводной письменности эпохи Саманидов привлекал внимание отечественных и зарубежных исследователей, которые отмечали его особое место в истории научной и художественно-эстетической мысли таджикского народа.

«Тарджумай “Тафсири Табари”» является многоплановым источником — это по существу первый подстрочный перевод Корана с комментариями, представляющий собой памятник переводной письменности X в. и содержащий большой фольклорный материал (древнеиранские мифы и легенды), коранические сказания, сюжеты и образы, а также исторические сведения, касающиеся ранних веков ислама. В этом произведении отражается и начальный этап развития таджикско-персидского языка, и установление его грамматических норм. «Тарджумай “Тафсири Табари”» — оригинальный труд, относящийся к числу произведений, способствовавших выработке и культивированию национальных форм и традиций литературы средневековья, возникновению научно-художественной прозы (Гафарова 2018: 225).

Исследователь, анализирующий особенности конкретного произведения, привносит посредством своего анализа и нечто свое — результат сопереживания и оценки. В любом аспекте этот анализ будет, прежде всего, концепцией исследователя, а не описанием или формированием едва уловимой ассоциативной сущности художественного произведения. Несмотря на неизбежную условность и субъективность подобного анализа, он совершенно необходим в своей совокупности, ибо такой анализ в значительно большей степени приближает нас к относительной истине о специфике данного художественного произведения, которая наряду с особенностями и сложностью своей природы является результатом внутреннего взаимоотношения компонентов системы произведения (оригинала и его тафсира). Но чтобы сделать ви-

димой всю сложность этого «механизма», необходимы, прежде всего, попытки подробного описания и проникновения в феномен художественной природы Комментария ат-Табари и «Тарджумаи “Тафсири Табари”», выявления специфики его идейных, языковых проявлений и их нюансов:

а) привлечение внимания к неразработанной проблеме литературной науки — изучению сказаний Корана в персидском переводе «Тафсири Табари»;

б) раскрытие внутреннего взаимоотношения компонентов системы творения и его перевода;

в) определение стилового и языкового реквизита памятника;

г) исследование стилистических особенностей «Тарджумаи “Тафсири Табари”»;

д) проникновение в уникально гибкий и нераздельно связанный с сентенциями Корана идейный мир произведения;

е) создание целостной картины функционирования языковых средств, характеризующих художественные детали, стиль, особенности языковых средств, участвующих в моделировании прозаического стиля перевода.

Все это, на наш взгляд, составляет один из наиболее важных компонентов исследования проблемы, поскольку при изучении творений средневековой культуры следует не упускать из вида, что долгое время не осознавалось четкое различие между вымыслом и истиной, а, как известно, к эпосу категории выдумки и правды не применимы. Но и в историографии был очень силен баснословный и легендарный элемент. «Поэзия» и «проза» ещё не разошлись между собой, так же как не отделилась чётко литература сакральная от светской». Именно эти проблемы составляют необходимость и сущность нашего исследования, имеющего ориентацию и на раскрытие теоретических взглядов ученых и переводоведов на соотношение между исторической и художественной правдой, в которых авторы порою приходят к диаметрально своеобразным выводам.

По словам А.Я. Гуревича, наличие «баснословного и легендарного элементов» как в историографии, так и в экзегезе

тике, говорило о синкретичности жанров средневековой прозы, характеризуя общую художественную и идейную систему того времени. В связи с этим сопоставительно-историческая интерпретация коранических сказаний «Тарджумаи “Тафсири Табари”» должна быть дополнена анализом эстетических и идеологических принципов литературы той эпохи.

Исследование всего этого комплекса проблем, средоточие концепций философских, социальных, нравственных концепций и величайших религиозно-этических идей произведений творцов художественной мысли, наполняя чашу интеллектуальных богатств и посвящая нас в удивительный мир восточной классики, открывая возможность посредством полновзвучных строф и страстных строк постичь и познать мир восприятий авторов «Тарджумаи “Тафсири Табари”», вместе с тем представляют полнокровные образы давно отживших культур.

Методологическую основу исследования составляют принципы исторической и социальной, историко-литературной и лингвокультурной детерминированности литературных процессов, проблем и вопросов. Эти принципы доказали свою научно-теоретическую и практическую значимость в процессе научной интерпретации актуальных вопросов формирования, становления или эволюции своеобразных форм и способов использования тех или иных этических норм и постулатов религиозной культуры в художественных горизонтах произведений

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гафарова У.А.* Сказания Корана в «Тарджумаи “Тафсири Табари”» (историко-сопоставительное исследование). Худжанд: Нури маърифат, 2004 (на тадж.яз.).
- Гафарова У.А.* Мухаммад ибн Джарир ат-Табари и диалог культур. Худжанд: Ношир, 2018 (на тадж.яз.).
- Тарджумаи тафсири Табари. Худжанд: Нури маърифат, 2007. Т. 1–2 (на тадж.яз.).

Т.В. ГИМОН

К ПРЕДЫСТОРИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ КАДАСТРОВ НА РУСИ И В АНГЛИИ

В фундаментальной монографии Алексея Анатольевича Фролова о новгородских писцовых книгах конца XV–XVI в. небольшая глава посвящена истории изучения знаменитой английской «Книги Страшного суда» 1086 года. Появление такой главы было обусловлено стремлением изучить исследовательский опыт, который мог бы оказаться полезным при работе с русскими источниками. Ученым был составлен полезный очерк того, как изучали «Книгу Страшного суда», с особенным вниманием к таким вопросам, как цели проведения кадастровых работ, процесс сбора информации и создания самих документов, соотношение взаимосвязанных текстов (Большой и Малой «Книг Страшного суда» и так называемых сателлитов «Книги», отражающих разные этапы сбора и переработки информации), палеография и кодикология этих памятников (Фролов 2017: 60–70).

Идея проводить параллели между «Книгой Страшного суда» и русскими писцовыми книгами появилась достаточно давно. А.А. Фролов (2017: 60–61, примеч. 1) ссылается на работу К.А. Неволина, указавшего на английскую «Книгу Страшного суда» как на полезную для исследователей писцовых книг аналогию (Неволин 1853: 32–34), и на статью А.А. Селина, где автор, делая ряд наблюдений сравнительного и историографического плана, склоняется к мысли о едином — древнеримском — источнике идеи государственного земельного кадастра (в случае с Русью — через византийское посредство) (Селин 2002). К этим историографическим ссылкам я бы добавил еще статью С.М. Каштанова о перспективах компаративного источниковедения, где также ставится во-

прос о возможном типологическом сходстве писцовых описаний с «Книгой Страшного суда» (Каштанов 2001: 162).

Действительно, параллель между кадастрами, созданными при Вильгельме Завоевателе и Иване III, напрашивается. До «Книги Страшного суда» в Англии и до писцовых описаний конца XV в. на Руси мы не знаем о существовании столь масштабных кадастров. Очевидно сходство исторической ситуации. В результате Нормандского завоевания Англии (1066 г.) Вильгельм стал правителем уже не относительно небольшого герцогства Нормандия, но обширной державы. В результате присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. держава Ивана III увеличилась более чем вдвое. В обоих случаях за завоеванием последовало масштабное перераспределение земельного фонда, что и потребовало документирования (ср. Селин 2002: 258: «В европейской истории известен прецедент, когда сходные задачи оценки новоприобретенного огромного земельного фонда встали перед другим государем»).

Думаю, что сравнительное исследование «Книги Страшного суда» и русских писцовых книг является весьма перспективным направлением. И, помимо прочего, в обоих случаях интересен вопрос о предыстории: как эволюционировало делопроизводство в Англии и на Руси в предшествующие столетия, существовали ли более ранние земельные и налоговые кадастры? В обоих случаях информации у нас удручающе мало, хотя вопрос этот исследователями, конечно, ставился, и отмечались упоминания либо косвенные данные источников о существовании в более ранний период кадастровых практик (см. отсылки: Гимон 2015: 51–52, 71–72; см. также: Фролов 2013; Фролов 2014: 77–78 и сл.).

Мною публиковалась статья (Гимон 2015), где я пытался собрать данные о деловых реестрах в Англии до 1066 г. и на Руси до эпохи писцовых книг. Хотя обзор получился достаточно обширным, английские и древнерусские данные всё-таки не вполне сопоставимы. Для Англии мы можем говорить почти исключительно о текстах второй половины IX–XI в., то есть относительно поздних, к тому же малочисленных (сохранившихся, как правило, в картуляриях либо в виде припи-

сок в богослужебных книгах). Большинство из этих документов отражают делопроизводство монастырей. На Руси же основной корпус источников составляют берестяные грамоты, одна из категорий которых, причем присутствующая на всем протяжении существования берестяной письменности, с XI по XV в., — реестры долгов, повинностей и т.п., то есть примитивные формы учетной документации, как правило, в частном хозяйстве.

В настоящем докладе хотелось бы несколько дополнить наблюдения и выводы, сделанные мною в статье 2015 г., а именно:

1) уточнить данные о берестяных реестрах с учетом новых находок берестяных грамот;

2) выявить сравнительно ранние русские учетные документы, сохранившиеся в составе монастырских копийных книг среди актов, и тем самым попытаться получить данные, сопоставимые упомянутыми английскими документами второй половины IX–XI в.;

3) еще раз сопоставить английские и русские ранние тексты, относящиеся к перечислению владений и доходов епископских кафедр;

4) еще раз проанализировать те (крайне немногочисленные) ранние документы, которые относятся к учету повинностей в пользу светской власти.

На основании всего этого задача доклада — попытаться (неизбежно пунктирно и гипотетично) порассуждать о ранних этапах становления учетной документации в Англии и на Руси на разных уровнях: частного хозяйства, монастыря, епископской кафедры, светской власти, наконец, взаимоотношений последней с внешними получателями дани (данами, Ордой).

БИБЛИОГРАФИЯ

Гимон Т.В. Деловые реестры в Англо-Саксонской Англии и Древней Руси // Письмо и повседневность. М., 2015. Вып. 2. С. 37–77.

Каштанов С.М. К теории и практике сравнительного источниковедения // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь

- Елены Александровны Мельниковой / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2001. С. 158–168.
- Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853.
- Селин А.А.* О некоторых сходных тенденциях в русской и британской историографии массовых письменных источников // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры XVI–XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной памяти В.В. Крестинина (1729–1795), Архангельск, 19–23 июня 2001 г. Архангельск, 2002. С. 257–260.
- Фролов А.А.* Волости Буйцы и Лопастцы: опыт соотнесения топонимов обыскной книги 1562 г. со сведениями письма 1495–1496 гг. и проблема «домосковского» земельного кадастра // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2013. Вып. 16. С. 153–201.
- Фролов А.А.* Некоторые итоги и перспективы историко-географического изучения средневековых волостей Буйцы и Лопастцы // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. Т. 2. С. 54–104.
- Фролов А.А.* Новгородские писцовые книги: Источники и методы исследования. М.; СПб., 2017.

А.О. Гуляева

КИМРСКАЯ ДВОРЦОВАЯ ВОЛОСТЬ КАШИНСКОГО УЕЗДА

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕРРИТОРИИ ПО ПИСЦОВЫМ И МЕЖЕВЫМ КНИГАМ XVII ВЕКА

История изучения писцовых книг и их разновидностей насчитывает порядка двух столетий. Уже в XIX в. исследователи предпринимали попытки картографировать описываемое этими источниками пространство (например: Неволлин 1853: карта). Я.Е. Водарским была отмечена «опасность» писцовых и переписных книг как источника: «Внешне законченная переписная книга может обмануть исследователя: население могло в одном и том же уезде находиться в ведении разных приказов, которые производили перепись независимо друг от друга» (Водарский 1977: 21–22). Эта особенность хорошо заметна при изучении дворцового хозяйства, т.к. отложившиеся в архиве Поместного приказа писцовые книги зачастую лишены сведений о дворцовых волостях, которые подчинялись дворцовым приказам.

До сих пор наиболее полной картой размещения дворцовых земель «около середины XVII в.» является карта Ю.В. Готье (Готье 1906: карта). При ближайшем рассмотрении оказывается, что изображенные на ней территории являлись дворцовыми не синхронно. Границы небольшой по площади Инальцевской дворцовой волости Кашинского уезда историком не были обозначены. Ранее нами была предпринята попытка очертить ядро этой волости и его изменения в XVII в. (Гуляева 2022). Показанные на карте Ю.В. Готье границы Кимрской дворцовой волости также нуждаются в уточнении.

Сохранившиеся писцовые и переписные книги Кашинского уезда XVII в. содержат очень ограниченный объем информации о дворцовых владениях. Критически подойти к полноте источников позволяет ретроспективное картографирование и анализ данных, полученных о территории уезда на основании планов А.И. Менде середины XIX в., материалов и планов Генерального межевания конца XVIII в., карты Кашинского уезда 1733 г. из собрания БАН, чертежей отдельных местностей конца XVII века. Таким образом, карты становятся не только продуктом работы с писцовыми книгами, но и инструментом их исследования.

Писцовая книга Кашинского уезда 1627–1629 гг. не содержит сведений о дворцовом землевладении. При этом при картографировании восточной части уезда на карте образуются лакуны, на первый взгляд в общих чертах соответствующие расположению Кашинских дворцовых волостей на карте Ю.В. Готье. Межевая книга Кашинского уезда 1628–1630 гг. фрагментарно описывает границы отдельных владений внутри уезда, она сохранилась не полностью. Нами не было обнаружено межевого описания Хотческого стана, межевое описание Гостунского стана было выявлено только в не вполне исправной копии XVIII в. Между тем, в книге частично описаны межи «государева дворцового села Кимры деревень и пустошей», «государевой Инальцевской волости деревень и пустошей» и «государевой пустоты пустошей» (не включенных в категорию «порозжих» по писцовой книге 1627–1629 гг.). Нужно отметить, что согласно этим источникам «государевы» земли в начале XVII в. значительно выходили за рамки, обрисованные Ю.В. Готье. Например, деревни и пустоши Кимрской волости вклинивались в Белгородский стан, заходя за речку Кердобашку (Кербушку) и приближаясь к границам Жабенского стана, в Пудицком стане земли Кимрской волости доходили вдоль реки Волги до устьев рек Малой Пудицы и Медведицы. «Государевы пустоши» лежали не только по реке Кимрке и речке Куньеме (Куйминке), но и вблизи речек Омутенки, Шибалки, Сити (Ситмежа) и в других местах.

В 1635 г. Кимрская волость была пожалована в вотчину кн. А.М. Львову, при передаче от волости были отделены примыкавшие к ней «государевы пустошные земли». Известно, что вскоре кн. А.М. Львов выкупил часть этих пустошей себе в вотчину (Павлов 2018: 395). Писцовая и раздельная книга 1635 г. сохранилась не полностью: в ней отсутствует окончание, в том числе до нас дошел только отрывок перечня отделенных в ведение Приказа Большого дворца пустошей. С.В. Богдановым была проведена работа по нанесению на карту Кашинских писцовых материалов XVII в. (Богданов 2021), опубликованных директором Кимрского краеведческого музея В.П. Покудиным (Покудин 2006). В их числе С.В. Богдановым были намечены границы Кимрской волости по писцовой и раздельной книге 1635 г. Результаты этой работы могут быть скорректированы при помощи картографирования сведений из пока неопубликованных описаний Белгородского и Хотческого станов 1627–1629 гг. и межевой книги 1628–1630 гг. В частности, стоит заметить, что территория волости перемежалась поместными и вотчинными владениями.

Не вошедшие в вотчину кн. А.М. Львова и обозначенные на карте Ю.В. Готье как «дворцовые» территории в районе запустевшего села Талдом (по межевой книге 1628–1630 гг. — «государевы пустоши» Гостунского стана) не позднее 1651 г. вошли в число духовных вотчин. Село Кимры с деревнями и пустошами оставались во владении кн. Львовых до 1660-х гг.: в 1660 г. после смерти кн. Д.П. Львова во дворец отошла принадлежавшая ему четверть вотчины, остальные три четверти были выменаны у кн. М.В. Львова в 1665 году. Таким образом, около середины XVII века Кимрская волость имела совсем иную конфигурацию, чем это показано на карте Ю.В. Готье. В ведении Приказа Большого дворца волость оставалась до 1684 г., после чего была передана в вотчину Ф.П. Салтыкову.

Кимрскую дворцовую волость во второй половине XVII в. описывает недавно выявленная и опубликованная выписка из писцовой книги 1674–1678 гг., сохранившаяся в копии XVIII в. (Гуляева 2023). Насколько можно судить, межевая

часть книги была приведена в выписи с минимальными изменениями и так же воспроизведена в копии. Однако, что характерно для межевых книг XVII в. — границы дворцовой волости с соседями были описаны неравномерно.

Нанесение на карту поддающихся локализации топонимов Кимрской волости и ее окружения позволило сделать несколько выводов. В XVII в. «государево село Кимра с деревнями и пустошами» не представляли собой сплошного пространственного массива, волость имела анклавов и эксклавов, уголья тянулись от устья реки Сози на границе с Тверским уездом до устья реки Медведицы. В периоды исключения волости из дворцового ведомства она относилась переписными книгами к нескольким станам одновременно. В течение XVII в. происходили сокращения и приращения ее площади. Это заставляет критически относиться к интерпретации дворцовой волости и деревенских десятков внутри нее как особых административно-территориальных единиц. На наш взгляд, в основе устройства и организации пространства дворцовой волости лежал не земельный участок как таковой, а некие отношения. Для уточнения характера этих отношений должна быть поставлена задача дальнейшего изучения и внесения в ГИС сведений о хозяйстве дворцовой волости в XVII веке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Богданов С.В.* Кашинский уезд в первой четверти XVII века: территория // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2021. № 4 (60). С. 114–127.
- Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
- Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в.: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.
- Гуляева А.О.* Изменение границ и состава Инальцевской дворцовой конюшенной волости Кашинского уезда в XVII веке // Никольские чтения 2021–2022. Калязин; М., 2023. С. 227–240.
- Гуляева А.О.* Материалы описания Кимрской дворцовой волости 70-х годов XVII века // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2023. Вып. 22. С. 379–525.

Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853.

Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб., 2018. Т. 2.

Покудин В.П. Кашинская писцовая книга 1628–1629 гг. Кимры, 2006. Вып. 1. Станы Дубенский, Пудицкий, Гостунский, Кимрская дворцовая волость.

А.В. ГУСАКОВА

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ВАЛЛИЙСКАЯ АГИОГРАФИЯ

**«ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС»
НА АНГЛО-ВАЛЛИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ
В КОНЦЕ XI–XII ВВ.**

Нормандское завоевание и последовавшие за ним попытки ставленника Вильгельма I архиепископа Кентерберийского Ланфранка реформировать британское духовенство стали угрозой положению валлийских религиозных центров, связанных с культурами местночтимых святых.

В конце XI – начале XII в. восточная граница владений валлийских правителей постоянно менялась из-за затяжного военного противостояния с нормандской знатью. Земли, переходящие под власть нормандцев, присоединялись к их владениям или передавались находившимся под их покровительством религиозным центрам — как старым реформированным монастырям, так и новообразованным, принадлежавшим активно распространявшимся в Британии европейским церковным орденам (Dugdale 1819: 65, 67; Lloyd 1912: 457). Между 1080 и 1130 гг. было зафиксировано массовое обеднение валлийской церкви (Cubitt 2009: 389).

Местные религиозные общины, терявшие существенную долю доходов, были вынуждены вырабатывать нарратив, предназначенный обосновать как правомерность существования самого локального культа, так и статус и материальное состояние общины, представлявшей святого. Показательный пример — житие св. Беуно, составленное в интересах одной из таких общин, Клинног Ваура, «сердца» культа святого, стоявшего во главе одного из крупнейших «монастырских объединений» северного Уэльса.

Этот текст дошел до наших дней в переводе на средневаллийский язык, выполненном во второй половине XIII – середине XIV века. Латинский оригинал, с которого был сделан перевод, не сохранился (Sims-Williams 2018: 15). На основании реконструкции языка первоначального текста было высказано предположение, что он был составлен около первой трети XII в., хотя отдельные части могли существовать и раньше (Sims-Williams 2018: 19–20). Мы полагаем, что утраченный оригинал должен был нести на себе следы последней актуализации.

Целью создания текста должна была быть защита материального благосостояния Клиннога. К такому выводу мы пришли, проследив перемещения святого по землям валлийских королевств. Топонимы, встречающиеся в житии, отмечают путь праведника по широкой дуге с юго-востока Уэльса вдоль восточной границы на северо-запад. Почти все они упоминаются в связи с земельными дарениями от местных правителей и знати (Sims-Williams 2018: 143–149).

Сравнивая список жития с реальным расположением церквей, освященных в честь св. Беуно, можно отметить высокую степень совпадения. Однако это далеко не все владения Клиннога: М. Миллер упоминает ряд религиозных центров, расположенных на севере Уэльса и переданных местными династиями общине, представляющей святого, с середины IX по начало X в. (Miller 1979: 22–38); также существует вероятность, что владения Клиннога включали часть североваллийских поселений, перечисленных в недатированной конфирмационной хартии Эдуарда IV (XV в.) (*Registrum vulgariter nuncupatum «The Record of Caernarvon»* 1838: 257–258). Хартия содержит формулы, не свойственные английской королевской канцелярии, что привело к предположению, что ее источником послужили утраченные документы местного происхождения, хранившиеся в Клинноге (Sims-Williams 1996: 230). Список церквей, приведенный Миллером, за единственным исключением повторяется в хартии Эдуарда, в то время как со списком жития наблюдается только одно совпадение — сам Клинног.

На основании этого можно предположить, что земельные дарения, упоминаемые в житии, к концу XI–XII вв. не имели документального подтверждения, а значит, должны были быть закреплены за общиной, представлявшей Беуно, каким-либо другим образом. В таком случае включение рассказа об их получении в агиографический нарратив приобретает смысл — таким образом житие превращалось в своего рода картулярий. Необходимо также отметить, что часть упоминаемых владений располагалась почти у самой границы валлийских земель. Эти территории традиционно первыми принимали на себя удар с востока, поэтому и потеряны они могли быть одними из первых.

Так как необходимость закрепления списка владений была прямым следствием опасения их потерять из-за активных действий нормандской знати на востоке Уэльса, житие св. Беуно, актуализированное общиной Клиннога в начале XII в., можно в полной мере считать «продуктом» политического и церковно-административного противостояния Англии и валлийских королевств в конце XI–XII вв.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Cubitt C.* The Institutional Church // A companion to the early Middle Ages: Britain and Ireland c. 500–1100 / Ed. P. Stafford. Oxford; Malden; Chichester, 2009. P. 376–394.
- Dugdale W.* Monasticon Anglicanum: a history of the abbies and other monasteries, hospitals, frieries, and cathedral and collegiate churches, with their dependencies, in England and Wales. L., 1819. Vol. 2.
- Lloyd J.E.* A History of Wales from the Earliest Times to the Edwardian Conquest. L., 1912. Vol. 2.
- Miller M.* The saints of Gwynedd. Woodbridge, 1979.
- Registrum vulgariter nuncupatum «The Record of Caernarvon»; e codice MSto Harleiano 696 decriptum / Ed. H. Ellis. L., 1838.
- Sims-Williams P.* Buchedd Beuno: the Middle Welsh Life of St Beuno. Dublin, 2018.
- Sims-Williams P.* Edward IV's confirmation charter for Clynnog Fawr // Recognitions: essays presented to Edmund Fryde / Ed. C. Richmond, I. Harvey. Aberystwyth, 1996. P. 229–241.

А.В. Дедук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ «КНИГИ БОЛЬШОМУ ЧЕРТЕЖУ»

«Книга большому чертежу» (далее — КБЧ) является самым масштабным географическим описанием Русского государства XVII столетия. Историков и по сей день привлекает не только сам факт глобальности этого труда, но и то, что она описывает несохранившийся чертеж. Отметим, что после работ К.Н. Сербиной исследователи, за редким исключением, не обращались к проблемам соотношения текстов редакций памятника, их датировки и к ряду иных источниковедческих моментов (Красникова 2010: 74–85; Полевой 1967: 213–227; Тимошенко 1961: 35–40; Ураносов 1957: 188–190; Ураносов 1962: 272–275; Фролов 2016: 50–59; Фролов 2017: 448–453; Ястребов 1969: 119–122; и др.).

Среди списков КБЧ выделяется список из собр. Ундольского № 1330 (ОР РГБ). Во-первых, он содержит, начальный протокол, указывающий, что КБЧ была создана в 1626/27 г. на основе «старого чертежа». В других списках подобного указания нет. Во-вторых, в конце книги помещена масштабная линейка, которая отсутствует в большинстве списков. На сохранившихся чертежах Поместного приказа XVII в. она появляется только в 80-х гг. и речь идет о единичных случаях (Фролов 2017: 452–453; и др.).

А.Е. Викторов, который первым описал сборник 1330, датировал его временем правления царя Михаила Федоровича и указал на наличие в рукописи позднейших дополнений (Викторов 1870: 24).

В работе 1945 г. К.Н. Сербина отнесла список 1330 к «первоначальной основной редакции» (Сербина 1945: 137).

В 1950 г. И.П. Старостин подверг критике построения К.Н. Сербиной. Исследователь сравнил текст 1330 с публикацией Г.И. Спасского и показал, что список является более информативным, тексты списков не совпадают. Это позволило И.П. Старостину усомниться в отнесении текста памятника «основной редакции» и «считать особой редакцией». (Старостин 1950: 227–230).

В предисловии к публикации 1950 г. К.Н. Сербина уже пересмотрела свои выводы и перестала относить его к основной редакции. Она отнесла сборник по «бумаге» ко второй половине XVII в., не приведя при этом отсылок на аналогичные филигранные. Кроме этого, историк обратила внимания на «дополнения о монастырях, написанные почерком редактора и переписчика лл. 140–147, могут быть датированы лишь 80-ми годами XVII в., так как среди перечисленных монастырей упоминаются Дивногорский, основанный ростовским митрополитом Ионой (1652–1691), и Ивановский в Астрахани, основанный в 1688 г.».

В итоге, К.Н. Сербина учла текст Ундольского 1330 в своей публикации, подведя различия двух разных текстов посредством выделения уникальной и «основной» информации об одних и тех же географических объектах: «Извлекаемые из текста его различия и дополнения не могут быть помещены среди вариантов основных списков Книги Большому Чертежу. Напечатать текст этого списка целиком, поместив его в „Приложения“, нецелесообразно не только потому, что три четверти его дословно совпадают (как?! — А. Д.) с текстом Основной редакции...» (Книга 1950: 44).

Такой археографический подход сложно назвать удачным — получается, что различия подводятся по тематическому признаку, то есть когда речь в основном тексте идет о географическом объекте, то в комментарии из списка 1330 приводятся дополнительные сведения об этом же объекте, при этом тексты редакций не совпадают.

Разница текстов «основной редакции» и Ундольского 1330 не получило объяснения в трудах К.Н. Сербиной.

Отметим, что также не совпадают названия и порядок глав Ундольского 1330 и основной редакции КБЧ. Описания

ряда объектов в списке 1330 явно полнее, чем в «основной редакции».

Сборник Ундольского 1330 был переписан сотрудниками ОРГБЛ им. Ленина (Н.Б. Тихомиров, Е.Н. Ошанина, Л.В. Тиганова и т. д.) в 70-х гг. прошлого столетия, и был датирован по филиграням 20-ми гг. XVII века.

Проведенное нами кодикологическое исследование подтвердило, что большая часть рукописи написана на бумаге с филигранями 20-х гг. XVII столетия. Как же быть с упоминаниями поздних монастырей?

Дело в том, что рукопись была дополнена тетрадью (л. 140–145), которая имеют филигрань «Герб города Амстердама», аналоги которой датированы Т.В. Диановой началом XVIII века. На этой тетради были как раз дописаны главы «О Углече» и «о монастырях». Часть же текста вставки была дописана на листах с филигранями 20-х гг. XVII века. Такое дополнение находит параллель во владельческой истории рукописи, на которой есть запись «Сия книга Углецкой бумажной фабрики содержателя Максима Григорьева сына Переславцова 1743 году» (л. 51 об.).

Как же мог возникнуть памятник, называющийся «Книга большому чертежу», созданный фактически в те же годы, что и большой чертеж, но при этом не совпадающий по тексту с основной редакцией?

Афанасий Мезенцев, составитель «Большого Чертежа» и книги к нему, писал в своей челобитной в сентябре 1627 г.: «По твоему, государь, указу в нынешнем во 136-м году сентября в 12 день в Разряде я, холоп твой, болшой чертеж зделал и мне, холопу твоему, в Разряде твои государевы дьяки велели чертежей, что я, холоп твой, **зделал против старого чертежу** морю и рекам и городам **зделати роспись и по росписи чертежи справить** (здесь и далее выделено нами. — А. Д.). ...вели мне дать корм покаместо напишу всему **чертежу роспись...**» (Ураносов 1957: 190). Таким образом, мы можем примерно реконструировать ход работ над «Большим чертежом». С более ранних чертежей составлялись «росписи», их текст подлежал поновлению и редактированию. Затем с росписи составлялся новый чертеж. Указание

на то, что существовали росписи, которые «деланы против чертежей», содержит опись Разрядного приказа 1626 г. (Описи архива 2001: 38).

Интересно, что по наблюдениям Д.А. Хитрова подобная практика существовала и при создании копий ландкарт петровских геодезистов в XVIII в.: координаты населенных пунктов записывались с карты в «журнал», а затем уже переносились на копии карты (Хитров 2022: 732).

Таким образом, мы имеем дело с еще одним текстовым описанием «Большого чертежа», созданным во второй половине 1620-х годов. Позднее, уже на рубеже XVII и XVIII столетий рукопись была дополнена двумя тетрадами. Думается, что список 1330 нужно полноценно ввести в научный оборот в формате публикации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Викторов А.Е.* Собрание славяно-русских рукописей В.М. Ундольского. М., 1870.
- Книга Большому Чертежу / Подг. к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950.
- Красникова О.А.* Карта северного берега России 1612 г. Исаака Массы и Книга Большому Чертежу Московского государства // Наука из первых рук. 2010. № 1 (31). С. 74–86.
- Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001.
- Полевой Б.П.* Сибирская картография XVII в. и проблема большого чертежа // Страны и народы Востока. М., 1967. Вып. 18. С. 213–227.
- Сербина К.Н.* «Книга большому чертежу» и ее редакции // Исторические записки. М., 1945. Вып. 14. С. 129–147.
- Старостин И.И.* О рукописи «Книги большого чертежа» № 1330 из собрания Ундольского // Вопросы географии. М., 1950. Сб. 17. С. 227–230.
- Тимошенко А.А.* Ещё один рукописный список «Книги большому чертежу» // Вестник МГУ. Сер. V: География. 1961. № 5. С. 35–40.
- Ураносов А.А.* К истории картографических работ в Русском государстве в нач. XVII в. // История геолого-географических наук. М., 1962. Вып. 3. С. 272–275.

- Ураносов А.А.* К истории составления «Книги большому чертежу» // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1957. Вып. 4. С. 188–190.
- Фролов А.А.* Возникновение русского картографического чертежа и восприятие пространства в Московской Руси в XV–XVI вв. // Российская история. 2016. № 3. С. 50–59.
- Фролов А.А.* Средневековое картографирование русских земель // *Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., Фролов А.А.* Северная Евразия в картографии Античности и Средних веков. М., 2017. С. 429–523.
- Хитров Д.А.* Уездные ландкарты и каталоги поселений первой половины XVIII в.: К вопросу о методах работы «петровских геодезистов» // Петр Великий: Исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 г. / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.; СПб, 2022. С. 727–733.
- Ястребов Е.В.* О времени составления одного из ранних чертежей Русского государства // Изв. АН СССР. Сер. Географическая. 1969. № 3. С. 199–122.

Т.Н. ДЖАКСОН

НОВГОРОД, ГОРОДИЩЕ, ХОЛЬМГАРД

О СООТНОШЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ И СВЕДЕНИЙ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Исследователи древнерусских городов не раз обращали внимание на то, что сведения письменных источников значительно расходятся с данными археологии. Весьма показательно соотношение датировки ранних слоев Новгорода и тех дат, под которыми он фигурирует в летописи. О Новгороде читаем в недатированной части ПВЛ, что «словѣни... съдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ», и что там у них было свое «княженъе». Первое датированное упоминание Новгорода относится к 862 г.: в рассказе о приглашении конфедерацией племен севера Восточной Европы варяжских правителей говорится, что пришли три брата «и старѣйший, Рюрикъ, съде Новѣгородъ» (ПВЛ: 8, 10, 13). Да и дальше Новгород не уходит со страниц летописи: целый ряд известий о деяниях времен Рюрика, Олега, Ольги, Владимира и Ярослава упоминает Новгород. И тут получается весьма любопытное противоречие, поскольку слоев ранее третьей четверти X в. на территории новгородского детинца не найдено, нет их и на Торговой стороне Новгорода.

В попытке разрешить эту загадку исследователи обратились к источникам древнескандинавским, в которых активно используется топоним *Hólmgarðr*, выступающий обозначением столицы Руси, носящей здесь имя *Garðaríki*.

Первой на «возможную близость» между названиями *Hólmgarðr* и *Холм* (древний топоним в Славенском конце средневекового Новгорода) указала Е.А. Рыдзевская (1922), заключившая в свете археологических данных, что имя

«Холм» древнее названия «Новгород». По свидетельству А.В. Арциховского (1956: 10), ее статья послужила стимулом к тому, что раскопки Новгородской археологической экспедиции ГАИМК в 1932 г. велись на Славенском холме. Впрочем, результат не оправдал ожиданий.

В своей статье о происхождении Новгорода В.Л. Янин и М.Х. Алешковский высказали предположение, что в древнескандинавском языке используется «древнейшее самоназвание Новгорода, вернее одной из его составляющих, восходящее к той эпохе, когда самый феномен Новгорода в виде политической федерации поселков с общей для них цитаделью еще не возник» (1971: 41). Холмгород, по их мнению, — «один из тех предшественников Новгорода, по отношению к которому он и стал называться “Новым городом”». В другой своей работе В.Л. Янин, отмечая, что «Холм» (то есть Славно) созвучно древнескандинавскому наименованию Новгорода, еще раз задался вопросом, «не был ли этот Холмгород (то есть крепость Холм) тем “старым” городом, которому как новообразование противостоит Новый город?» (1982: 83).

Обратившись к топониму *Hólmgarðr*, традиционно воспринимавшемуся как обозначение Новгорода (1984), я указала на существование четырех предположений относительно его возникновения и значения, а именно — трактовки топонима как «Ильменского города» (где «Ильмень» перешел в *Holm*), как «города на острове, островного города» (от *hólmr* «остров»), как поселения в островной (во время паводка на Волхове) местности и как Холм-города (то есть укрепленного поселения с названием «Холм»). Мне представлялась единственно справедливой последняя трактовка по двум причинам. Во-первых, полагала я, данный топоним должен был, как и прочие географические названия скандинавов за пределами их ойкумены, быть отражением названия местного, приспособленного ими к своему языку (имелся в виду широко распространенный при межэтнических контактах механизм «народной этимологии»). Во-вторых, на мой взгляд, в двуязычных топонимах, которые нередко возникают при подобных контактах, местным всегда оказывается начальный (смысловой) элемент, и только вторая (словообразова-

тельная) часть может быть иностранной, но не наоборот. Композит, состоящий из древнескандинавского *hólmr* (как первого элемента) и древнерусского *городъ* (как второго), просто невозможен в рассматриваемой нами исторической ситуации; топоним, составленный из древнерусского *хълмъ* и древнескандинавского *garðr*, мог бы возникнуть, если бы *garðr* выступал в качестве словообразовательного элемента со значением укрепленного поселения, но этого в действительности не было. Таким образом, единственным способом появления древнескандинавского топонима виделось мне заимствование скандинавами местного имени *Хълмъ-городъ.

Несколько позднее в совместной работе с А.А. Молчановым (1989) мы добавили еще один существенный аргумент в поддержку этой точки зрения. Рассмотрев компактную группу топонимов, представлявших собой названия трех главных пунктов на пути «из варяг в греки» — Новгорода (*Hólmgarðr*), Киева (*Kænugarðr*) и Константинополя (*Miklagarðr*), — мы продемонстрировали, что второе и третье из них были ориентированы на фонетический облик географического самоназвания, и это лишний раз указывало на аналогичное происхождение имени *Hólmgarðr*.

В заключительной части работы мы высказали предположение, что искомый топоним вовсе не обязательно возник как обозначение Новгорода. Мы отметили, что не исключена возможность того, что «Холмгородом» называлось сначала (во второй половине IX в.) поселение на территории нынешнего Городища под Новгородом, и лишь впоследствии, с переселением его обитателей на территорию будущего Славенского конца, туда был перенесен ими и привычный топоним, благо к этому могло располагать сходство в рельефе покинутого и вновь обживаемого мест. На сегодня эту точку зрения разделяют А.Е. Мусин (2020) и А.С. Щавелев (2023).

Е.Н. Носов, многолетний бессменный руководитель раскопок на Городище, изначально объявивший *Hólmgarðr* обозначением «поселения в островной местности» и даже «странной островных хуторов» (1984), постепенно, от статьи к статье, пересматривал свои взгляды. Сначала он признал суще-

ствование иной точки зрения, с оговоркой, что однозначных лингвистических доказательств в пользу какого-то одного решения нет (1997), а далее согласился с моим пониманием происхождения топонима *Hólmgarðr* (1998). В монографии, посвященной новым этапам исследования Рюрикова городища (2017), он недвусмысленно признал *Hólmgarðr* на момент его возникновения отражением названия «древнейшего поселения словен Холмъгород». По его мнению, на следующем этапе — в середине IX в. — имело место строительство Рюриком новых укреплений на этом месте и, соответственно, появление топонима «Новый город», охватившего впоследствии значительную территорию. Таким образом, упоминая «Новгород» при описании событий IX–X вв., летописцы имели в виду то укрепление, которое впоследствии стало называться «Городище».

К сожалению, это была последняя крупная работа Е.Н. Носова (1949–2019). Отрадно, что в своей затянувшейся полемике мы успели прийти к взаимопониманию.

Е.С. Евдокимова, А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский

РАСХОДНЫЕ ПАТРИАРШИЕ КНИГИ В СВЕТЕ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Расходные и приходные книги Патриаршего приказа — памятник целиком до сих пор не опубликованный и во многих аспектах явно недооцененный исследователями. Эти материалы напоминают своеобразную книгу бухгалтерского учета — здесь под каждым днем того или иного года зафиксированы поступления в патриаршую казну или, напротив, трата средств из нее. Одной из постоянных расходных статей Патриаршего приказа являлось дарение икон. Благословение иконами всегда происходило по каким-то поводам, которые надежно фиксировались в расходной книге. Замечательным образом, одним из таких поводов оказывался именованный день визитеров Патриаршего двора.

На страницах расходных книг «о домовых образах, окладах и прочих принадлежностях» (РГАДА Ф.235. Оп. 2. Ед. хр. 70; РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 85). можно встретить записи о многочисленных именованных, приходивших за благословением к патриарху. Вопреки современным представлениям, именованный пирог, упоминаемый в этом источнике, не предназначался виновнику торжества. Напротив, это именованный одаривал своим пирогом патриарха, а в ответ получал благословение и иконописный образ, что и являлось причиной занесения этих данных в расходные книги. Что именно представлял собой именованный пирог, к сожалению, сказать трудно. В словаре XI–XVII вв. на слово «пирог» найдем следующее определение: «пирог с начинкой, а также сдобный хлеб». При этом один из примеров словоупотребления связан как

раз с именованным днем: «Велѣти обтекарей и лекарей въ государеве жалованье въ праздничных и въ государевых имениныхъ столах и в пирогахъ справить». (Словарь 1989: 49.). Именинник мог принести пирог сам или прислать от себя людей. Чаще всего визитеры проявляли заметную пунктуальность и приходили к патриарху непосредственно в свой именованный день. Впрочем, в некоторых ситуациях именинники являлись накануне торжества или после него, но не позднее трех дней.

Случаи, когда именинники не проявили заметной пунктуальности, могут порождать дополнительные вопросы. Например, 4 октября 1674 г. к патриарху приходил с пирогом Денис, тогда как день памяти Дионисия Ареопажита празднуется 3 октября (РГАДА Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 85. Л. 11об.), но 5 октября празднуется день Дионисия Александрийского. В этой ситуации трудно ответить на вопрос: пришел ли Денис накануне своих именин или на день позднее. Другой случай — 20 февраля 1675 г. именинные пироги приносили дьяки Лев и Федор (РГАДА Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 85. Л. 28). Если с дьяком Львом ситуация ясна — он пришел в день памяти Льва, епископа Катанского, то ситуация с Федором более трудная: день памяти ближайшего св. Федора — Федора Тирона — приходится на 17 февраля. Можно предположить, что наш герой пришел на третий день после своих именин, или же здесь мы сталкиваемся с другим антропонимическим явлением — христианской двуименностью.

Известно, что у русского средневекового человека могло быть одновременно несколько христианских имен. Одно — публичное, под которым он фигурирует во многих официальных источниках, и второе — крестильное. В случае, когда человек принимал иноческий постриг, он получал еще одно христианское имя — монашеское, которое, как правило, отнюдь не вытесняло из его антропонимического досье остальные имена.

Фиксация празднования именин в книгах патриаршего приказа позволяет глубже проникнуть в упомянутую ономастическую традицию. Для этого следует обратиться к случаям, когда день визита именинника не совпадает с днем памя-

ти его патронального святого. Так, согласно сведениям расходной книги, Лев Александрович Салтыков пришел с именинным пирогом к патриарху 29 апреля 1685 г. Ни один из святых под именем *Лев* не почитается 29 апреля. Нет памяти этого святого в календаре ни 28 или 30 апреля, ни 1 или 2 мая. Все дело в том, что Лев Александрович обладал двумя христианскими именами. Здесь нам приходят на помощь уже ранее выявленные сведения. Из ряда независимых друг от друга источников известно крестильное имя этого человека — Мемнон. Об этом свидетельствует надпись на задней стороне золотой круглой панагии из ризницы Троицкого собора во Пскове (Окулич-Казарин 1911: 98; Князев 1858: 69 <Д/№ 2>; Василев 1898: 237; Покровский 1914: 18 <№ 5, табл. VII>). В Синодике Псковского Троицкого собора Салтыков также упомянут как Мемнон (Окулич-Казарин 1910а: 65 <л. 43>; Шляпкин 1879: 27). Теперь нет ничего удивительного в том, что Лев/Мемнон Салтыков пришел с именинным пирогом именно 29 апреля, ведь в этот день — память святого Мемнона Чудотворца.

Встречаются и другие примеры. Визит известного иконописца Симона Ушакова 27 августа 1675 г. с именинным пирогом к патриарху: «Августа в 28 день приходил ко святейшему патриарху с ымяниным пирогом иконописец великого государя Пимен Ушаков, и святейший патриарх благословил ево образом штилистовым окладом басемным» (РГАДА Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 85. Л. 58).

Именованье иконописца Пименом не удивительно. Наличие второго христианского имени у этого исторического лица прослеживается по многочисленным источникам. Хорошо известны, к примеру, подписи Ушакова, содержащие оба его имени. (Леонид Кавелин 1881: 3 <№ 2 (9)>; Олсуфьев 1920: 16–17). К сожалению, запись о приходе иконописца с именинным пирогом 27 августа не позволяет нам с уверенностью говорить о его патрональном святом — на этот день приходится память нескольких Пименов (Пимена Великого и Пимена Палестинского), однако эти сведения проясняют данные о дне рождения Симона Ушакова.

Еще один пример. В записи от 6 мая 1675 г. читаем: «Приходили ко святейшему патриарху с ымянинными пирогами, и святейший патриарх благословил иконами, от боярина и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово» (РГАДА Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 85. Л. 40). Богдан Хитрово — яркий пример двуименности, но уже некалендарной. Дело в том, что имя Богдан, хоть и обладает благочестивой семантикой, не внесено в месяцесловы и не могло быть дано в крещении, а значит носители этого имени автоматически могут признаваться двуименными, ведь у них не могло не быть какого-то другого — собственно христианского — имени, почерпнутого из церковного календаря.

Богдан Хитрово был крещен под именем Иов, о чем надежно известно из других источников (Например, Леонид Кавелин 1862: 115, № 24), поэтому он празднует свои именины 6 мая на память Иова Многострадального. В данном случае публичное имя оказалось важнее крестильного в качестве идентифицирующего элемента для внесения в расходную книгу.

Все приведенные примеры являются надежными случаями двуименности, однако на листах расходной книги встречаются и персоналии, причисление которых к данной антропонимической традиции является зыбким, требует привлечения сторонних источников и дополнительного исследования.

В числе таких лиц можно назвать подъячего Ивана Светикова, который 15 июня 1685 г. приходил с именинным пирогом вместе с сыном боярским Амосом. Ровно на 15 июня приходится память святого пророка Амоса, тогда как ближайšie именины Иоанна — 24 июня. Напрашивается предположение о том, что Иоанн Светиков имел второе, собственно крестильное, имя — Амос. Это предположение становится более надежным после сверки с расходной книгой 7179 г. В записи от 15 июня 1671 г. нам снова встречается дворцового приказа подъячий Иван Светиков, но пришедший с именинным пирогом уже в одиночку (РГАДА. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 41).

Итак, сведения из патриаршего казенного приказа могут выступать в качестве важного источника обнаружения христианской двуименности. Основным преимуществом этих материалов является их точная хронологическая приуроченность. Определив границы возможного срока для принесения именинного пирога, достаточно просто вычислить прошедших «не к сроку». Проблемой является гипотетичность такого рода кандидатов и невозможность установления точного второго имени без обращения к дополнительным источникам.

БИБЛИОГРАФИЯ

РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 70.

РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 85.

Василев И.И. Археологический указатель г. Пскова // Записки имп. Русского археологического общества. СПб., 1898. Т. X. Вып. первый и второй. Новая серия. С. 211–309 (Труды отделения славянской и русской археологии. Кн. третья).

Князев А. Историко-статистическое описание псковского кафедрального Троицкого собора. М., 1858.

Леонид (Кавелин). Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Калуга, 1862 [Оттиск из «Калужских епархиальных ведомостей. 1862. № 13–15, 17, 19, 22–23.].

Леонид (Кавелин). Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1881.

Олсуфьев Ю.А. Опись икон Троице-Сергиевой Лавры до XVIII века и наиболее типичных XVIII и XIX веков. [Б. м.], 1920.

Покровский Н.В. Заметки о памятниках псковской церковной старины. М., 1914.

Окулич-Казарин Н.Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15.

Шляпкин И. Опись рукописей и книг музея Археологической комиссии при Псковском губернском статистическом комитете. Псков, 1879.

М.В. ЗЕМЛЯКОВ

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ В ОБЛАСТИ СОЗДАНИЯ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИХ ТРЕНАЖЕРОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 30 ЛЕТ

Распознавание печатного и рукописного текста технологиями *OCR (Optical Character Recognition)* и *HTR (Handwriting Text Recognition)* применяется начиная с 1980-х годов, однако в настоящий момент происходит бум исследований в области применения AI и машинного обучения распознавания почерка на примере разных стран и исторических эпох: каролингского минускула (Hawk, Karaisl, White 2019), византийского курсивного письма (Perdiki 2023: 1–13), французского готического книжного и курсивного письма (Aguilar, Jolivet 2023: 1–13), немецкой бастарды (Reul, Tomasek, Langhanki, Springmann 2022: 414–428) и др.

Проекты по распознаванию средневековых манускриптов существуют во всех крупных университетах и научных институтах Западной Европы, таких как Сорбонна и Лионский университет, Национальная школа хартий и Национальный центр научных исследований, Университеты Кембриджа и Лидса, Вюрцбургский университет и др. В Интернете публикуется большое количество обучающих моделей для распознавания самых сложных почерков и снижения доли ошибок до 2–6 % (Reul, Tomasek, Langhanki, Springmann 2022: 424).

Однако процесс обучения AI на материалах средневековых рукописей изначально строится на постоянном контроле со стороны исследователя, который должен проверять

корреляцию полученных результатов с исходной рукописью. В свою очередь, оператор сам должен ориентироваться в средневековых почерках и типах письма для того, чтобы иметь возможность исправить допущенные AI ошибки. Если на рубеже XIX–XX вв. появлялись первые издания учебников по палеографии с фототипическими воспроизведениями латинского и греческого письма и параллельной транскрипцией текста (например: Thompson 1893; Steffens 1909), то в начале XXI в. оцифровка огромного массива рукописей и актового материала позволила перенести процесс обучения палеографии в виртуальное пространство и значительно расширила его возможности. Целью моего сообщения выступает краткий обзор сайтов и интернет-ресурсов, предназначенных для обучения студентов и исследователей чтению и транскрибированию средневековых рукописей IV–XVII вв.

Первый подобный проект был задуман Джоном Тиллотсоном и его женой Дианой (Канберра) еще в середине 1990-х годов. Выйдя на пенсию, они создали сайт *Medieval Writing* (<https://medievalwritings.atillo.com.au/writing.htm>, сайт перестал обновляться в 2016 г.), где в популярной форме изложена краткая история рукописной и первопечатной книги, представлены материалы для письма, форма и украшения рукописей, многочисленные образцы транскрипции почерков от Античности до эпохи гуманизма (с особым вниманием к латинским, в меньшей степени — английским и немецким текстам). Посетителю сайта предлагалось самому попытаться расшифровать отдельные строки и фрагменты 47 манускриптов (от «Энеиды» Вергилия из Ватикана IV в. до молитв из английской книги часов XVI в.) и 37 документов (в основном из Англии XII–XVI вв.).

На основе технологии *HTR* работают многие специализированные английские палеографические онлайн-ресурсы. На сайте масштабного проекта Королевского колледжа в Лондоне *DigiPal* уже собрано более 2,5 тыс. европейских рукописных книг и документальных материалов VII–XIII вв. с возможностью распознавания и комментирования отдельных графов (<https://www.digipal.eu/about/the-project/>). Национальный архив Великобритании выставил в сети виртуаль-

ную библиотеку из 10 рукописей и свитков XI–XV вв. с возможностью интерактивного транскрибирования, составления глоссария и списка сокращений (<https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20210802133705/https://www.nationalarchives.gov.uk/help-with-your-research/reading-old-documents/>), а проект Кембриджского университета *English Handwriting online* предлагает возможность расшифровки 28 фрагментов из книг и частной переписки английских авторов XVI–XVII вв. (<https://www.english.cam.ac.uk/ceres/ehoc/>). Два последних сайта содержат обширный глоссарий по палеографии и кодикологии, библиографию, образцы почерков и подробные инструкции по расшифровке отдельных графов, тогда как *DigiPal* позиционирует себя скорее как исследовательская платформа, аккумулирующая электронные публикации и конференции.

Немецкие и швейцарские онлайн-тренажеры в моем докладе представлены двумя ресурсами. Функционал сайта Центра семейной истории Университета Бригема Янга (<https://script.byu.edu/german-handwriting/introduction>) ограничивается выполнением упражнений по транскрибированию отдельных имен и записей о рождении и смерти, выполненных беглым готическим курсивом. Гораздо более обширный сайт *Ad fontes*, созданный на базе Университета Цюриха, (<https://www.adfontes.uzh.ch/en/tutorium/schriften-lesen/schriftgeschichte>) содержит фрагменты памятников из библиотек и архивов Швейцарии IX–XVIII вв. на латыни, французском, итальянском, немецком и скандинавских языках. На их основе представлена история западноевропейского письма, начиная с капитального дукта и заканчивая беглым курсивом, даны основные правила транскрибирования и упражнения на чтение (с возможностью пословной проверки правильности варианта, предлагаемого пользователем), датировку средневековых актов, определение типа почерка и даже сопоставление слов средневековой латыни с «золотой».

Среди французских медиаресурсов выделю интерактивный альбом, созданный интернациональной командой под руководством Маржори Бургар (Национальный центр научных исследований, Франция). Он не является заменой

систематическому изучению палеографии, но призван улучшить практический навык чтения у профессиональных исследователей и любителей (<https://paleographie.humanum.fr/index.php?l=en>). База охватывает изображения 35 рукописей IX–XV вв. на латыни, итальянском, французском и арабском языках, которые разделены на 3 уровня сложности. Ввод транскрипции пользователем сходен со швейцарским сайтом *Ad fontes*.

Некоторые палеографические ресурсы сети Интернет предлагают исследователю не самостоятельный ввод текста, а уже готовый, созданный при помощи *HTR*, например, сайт Национальной школы хартий, где представлены результаты автоматического распознавания более 100 факсимиле фрагментов манускриптов и актов V–XVIII вв. с транскрипцией, палеографическим и дипломатическим комментарием, библиографией (<http://theleme.enc.sorbonne.fr/>). Подобный механизм использует также сайт Доминиканского исследовательского института, на котором размещен 41 испаноязычный документ из Вест-Индии XVI–XVII вв. (<http://spanish-paleographytool.org/>; транскрипция загружается только в виде отдельного PDF-файла).

В завершении этого обзора необходимо отметить, что онлайн-тренажеры по транскрипции рукописного текста выполняют важную функцию в *Digital Humanities*. С одной стороны, они позволяют начинающему палеографу получить практику в расшифровке различных видов и типов письма, дают общее представление о развитии письма, системе сокращений, формируют навыки палеографического и кодикологического анализа. С другой стороны, на основе этих знаний и умений можно начать самостоятельную работу на одном из ресурсов (*Tesseract*, *Zenodo*, *Transkribus* и др.), использующих технологию *HTR* для обучения *AI* расшифровке рукописного почерка, и тем самым пополнять базу машиночитаемых средневековых рукописей в сети Интернет. Хочется верить, что российские архивы и библиотеки не ограничатся сайтами *Digital Pěmp* (Базарова, Проскуракова 2022: 179–190) и *Codex Sinaiticus* (<https://www.codexsinaiticus.org/en/>) и запустят новые проекты машинного чтения славян-

ских и западноевропейских рукописных книг и грамот в своих фондах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Базарова Т.А., Проскурякова М.Е.* Автографы Петра I: чтение технологиями искусственного интеллекта и создание электронного архива // Историческая информатика. 2022. № 4. С. 179–190.
- Aguilar S.T., Jolivet V.* Handwritten Text Recognition for Documentary Medieval Manuscripts // Journal of Data Mining and Digital Humanities. 2023. — Электронный ресурс [URL: <https://jdmhdh.episciences.org/12732>, дата обращения — 30.01.2025].
- Hawk B.W., Karaisl A., Whit N.* Modelling Medieval Hands: Practical OCR for Caroline Minuscule // Digital Humanities Quarterly. 2019. Vol. 13. № 1. — Электронный ресурс [URL: <http://digitalhumanities.org:8081/dhq/vol/13/1/000412/000412.html>, дата обращения — 30.01.2025].
- Perdiki E.* Preparing Big Manuscript Data for Hierarchical Clustering with Minimal HTR Training // Journal of Data Mining and Digital Humanities. 2023. — Электронный ресурс [URL: <https://jdmhdh.episciences.org/12664>, дата обращения — 30.01.2025].
- ReulCh., Tomasek S., Langhanki F., Springmann U.* Open Source Handwritten Text Recognition on Medieval Manuscripts Using Mixed Models and Document-Specific Finetuning // Proceedings of the 15th IARP International Workshop on Documents Analysis Systems. Springer, 2022. P. 414–428 (Lecture Notes in Computer Science. Vol. 13237). DOI 10.1007/978-3-031-06555-2_28 — Электронный ресурс [URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-06555-2_28, дата обращения — 30.01.2025].
- Steffens F.* Lateinische Paläographie. 2. Aufl. Trier, 1909.
- Thompson E.M.* Handbook of Greek and Latin Palaeography. N. Y., 1893.

Т.М. КАЛИНИНА

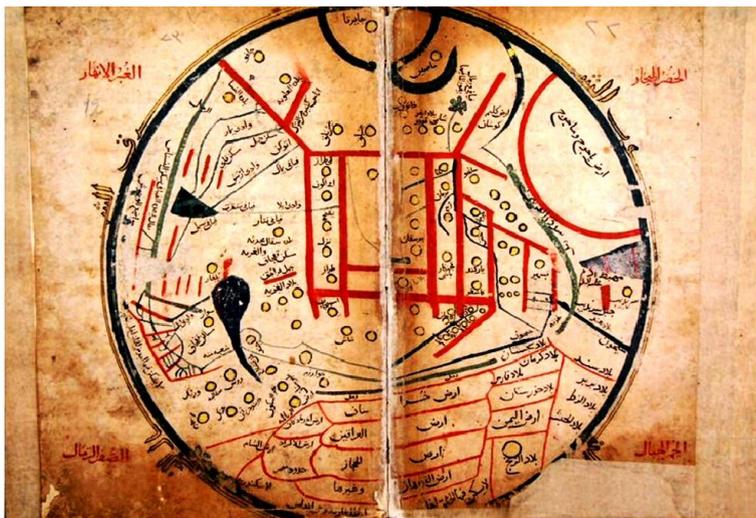
КИПЧАКИ НА КАРТЕ И В ТЕКСТЕ «ДИВАНА» МАХМУДА КАШГАРСКОГО (XI В.)

О Махмуде ибн ал-Хусейне ибн Мухаммаде ал-Кашгари известно очень мало, и только из его произведения «Диван лугат ат-турк». Махмуд Кашгарский родился в 1028 или 1037 г. и принадлежал к клану правящей династии Караханидов. В связи с борьбой за власть в государстве в 1056–1057 гг. он покинул родину. После странствий, давших ему возможность познакомиться с языками тюркских народов, Махмуд прибыл в Багдад. Здесь или в Кашгаре в 1072 г. он начал создавать свой труд о тюркских языках, который он завершил около 1074 или 1084 г. и посвятил тогдашнему халифу ал-Муктади (1075–1094) (Кононов 1972: 3–6; Диван лугат ат-турк 2010: 24–32; Dunkoff 1982: 6; Golden 2015: 505). Оригинал сочинения не сохранился, уцелела копия 1266 г. (Dunkoff 1982: 8–9).

Труд Махмуда Кашгарского, посвященный тюркским языкам, был создан на арабском языке по канону арабских лингвистических школ. Ученый сгруппировал в сочинении 6800 тюркских слов, 110 названий земель и рек, 40 народностей и племен и дал пояснения к ним на арабском языке. Махмуд считал, что «тюркские слова [успешно] соперничают [со словами] арабского языка, подобно двум бегущим вровень скакунам» (Диван лугат ат-турк 2010: 57).

К книге прилагалась круглая карта мира (Илл. 1). О ней Махмуд писал: ««Каждое из (упомянутых племен) показано на данной сфере» (Диван лугат ат-турк 2010: 73). А перечислив различные тюркские наречия и диалекты, он говорил:

«Я обозначил их всех в круге — на карте земли для того, чтобы знали их» (Диван лугат ат-турк 2010: 77).

Илл. 1

Карта мира Махмуда Кашгарского
(по: Махмуд ал-Кашгари 2005, вкладка в конце книги)

На карте Землю окружал Океан, как у всех восточных географов. Ориентация карты не вполне традиционна: вверху находится восток, внизу — запад, справа — юг и слева — север. На легендах карты слева вверху написано, что серым цветом обозначены реки, справа вверху — что зеленым показаны моря, справа внизу — что красным цветом выделены горы, а слева внизу — что желтый цвет указывает на пустыни. Желтые кружки — это названия местностей или городов.

Середину карты занимают Кашгар и Семиречье с городом Баласагун, что отличается от прочих арабских карт, где в центре находились земли ислама. Вокруг основной части располагаются названия тюркских племен и местностей. Пограничной страной, откуда начинались земли тюрков, был назван Рум: «Я обозначил... местоположение каждого племени

восточной земли, как языческого, так и мусульманского, по порядку на восток, начиная от ближайших к Руму. Первое [племя вблизи Рума] — печенеги..., затем следуют кыпчаки..., затем — огузы..., затем — емеки..., затем — башкиры..., затем — басмылы..., затем — кайы..., затем — ябаку..., затем — татары...» (Диван лугат ат-турк 2010: 73). Рум не фигурирует на карте мира, а упоминается только в тексте «Дивана»¹. Было также отмечено, что кроме Рума, восточной границей (по ориентации карты Махмуда — северной) была и область русов (Диван лугат ат-турк 2010: 78, 447), помеченная на карте.

Кипчаки (*кифджак*) показаны на карте мира в двух местах. Одна область их обитания указана в восточной (по ориентации карты Махмуда — в северной) части карты, в стороне Рума, русов, сакалиба и варангов, ниже притока Итиля, который впадал в Каспий («Море болгар»). Сочетание этнонимов *рус*, *сакалиба*, *варанг* встречается в трудах ал-Бируни, где на его карте морей они располагались в областях, примерно соответствующих Восточной Европе (Беруни 1975: 101). Не исключено, что именно у него Махмуд ал-Кашгари заимствовал эти названия, поскольку он хорошо знал сочинения ал-Бируни, в частности, «Фармакогнозию». Но расположение кипчаков вблизи Рума и указанных народов, по информации Махмуда, отображает реальную действительность и относится ко времени после их появления в восточноевропейских степях (Golden 2015: 520–521). В одном из фрагментов «Дивана» указано, что Итилем называется река в стране кипчаков, а ее приток протекает по территории русов (Диван лугат ат-турк 2010: 107). На карте кипчаки располагаются несколько ниже изображения течения Итиля и вблизи этого притока, значит, имеется в виду именно восточноевропейская область их расселения.

Выше этого района вдоль побережья Каспия показан на карте город Сувар, еще выше — река Итиль, а сверху «Моря болгар» виден город Булгар. Правее же расположен другой район проживания кипчаков вместе с огузами. Это — второе

---

¹ А. Каплони полагает, что значок для Рума на карте был удален переписчиком (Carlony 2008. P. 149).

указание на расселение кипчаков на карте. Еще правее и ниже указана гора Караджук (Каратау?), а еще ниже — место-пребывание другой ветви огузов. Следовательно, здесь подразумевается основная область расселения кипчаков Центральной Азии.

Кроме карты, автор уделял внимание этому народу и их языку в тексте «Дивана», где отмечал, что кипчаки относятся к тюркам (Диван лугат ат-турк 2010: 382). Кипчаки также упомянуты среди тех племен, у кого, как считал Махмуд Кашгарский, самый чистый тюркский язык, имеющий, однако, особое наречие (Диван лугат ат-турк 2010: 447). В разделах о ряде особенностей языков автор называл в одном ряду говор кипчаков, суваров, болгар и печенегов, «расселившихся до русов» (Диван лугат ат-турк 2010: 47, 458). Значит, здесь он имел в виду «восточноевропейских» кипчаков.

В одном из разделов книги пограничным для кипчаков назван город Кинжак Сангир недалеко от Тараза (Диван лугат ат-турк 2010: 382). На карте этого пункта нет, но Тараз показан. Еще одна отдельная местность «кипчак» (*кифджак*) близ Кашгара упомянута в тексте, но не выделена на карте (Диван лугат ат-турк 2010: 382). Вероятно, данные о кипчаках около Тараза и Кашгара относятся к современному Махмуду расположению народа или к оставшейся в этой области его части. Во многих случаях Махмуд отмечал также близость кипчакских и огузских слов или языков, что относится к «азиатским» (или, по выражению Д. Насилова, «дальним») кипчакам (Насилов 2009: 289).

Некоторые исследователи полагали, на основании анализа высказываний Махмуда о тюркских языках, что автор не посещал земель к востоку от Каспия, в частности, он не бывал у болгар, суваров и тамошних кипчаков, а имена русов, славян (*сакалиба*) и варангов он знал понаслышке (Насилов 2009: 290; Pritzak 1953: 101). Судя же по неоднократным указаниям на близость языков огузов и кипчаков, размещенная на карте часть этого народа в азиатском регионе мира, далеко от Итиля и Каспия (по ориентации карты Махмуда — южнее), была известна ему достаточно хорошо либо вследствие посещения им этого региона, либо по причине тесного зна-

комства с носителями огузско-кипчакского языка (Насилов 2009: 290). На основании высказываний Махмуда о словах, диалектах и языках был также сделан вывод, что его познания могли быть связаны только с регионом, ограниченным территориями Караханидов и их соседей огузов-сельджуков (Golden 2015: 508).

В целом карта и текст «Дивана» Махмуда Кашгарского отражает реальное положение дел, сложившееся как до-, так и после передвижения части кипчакских племен в Восточную Европу, вне зависимости от того, как и где он получил информацию об этом народе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беруни Абу Рейхан*. Книга вразумления начаткам науки о звездах / Пер. и прим. Б.А. Розенфельда, А. Ахмедова // *Беруни Абу Рейхан*. Избранные произведения. Ташкент, 1975. Т. VI.
- Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) / Пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. И.В. Кормушина, прим. И.В. Кормушина, Е.А. Понцелуевского, А.Р. Рустамова. М., 2010. Т. 1.
- Кононов А.Н.* Махмуд Кашгарский и его «Дивану луғат ит-түрк» // Советская тюркология. 1972, № С. 3–17.
- Махмуд ибн ал-Хусейн ибн Мухаммад ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы, 2005.
- Насилов Д.М.* Кыпчаки в «Диване» Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник. 2007–2008. М., 2009. С. 284–294.
- Caplony A.* Chapter Seven: Comparing al-Kāshgharī's Map to his Text: On the Visual Language, Purpose, and Transmission of Arabic-Islamic Maps // *The Journey of Maps and Images on the Silk Road*. Leiden, 2008. P. 137–154.
- Golden P.* The Turkish World in Maḥmūd al-Kāshgharī // *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millenium CE*. Bonn, 2015. P. 503–556.
- Maḥmūd al-Kāšgarī*. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk) / Ed. and Transl. with Introd. and Indices by R. Dankoff in coll. with J. Kelly. Cambridge, MA, 1982. Pt I.
- Pritsak O.* Kāšgarī's Angaben uber die Sprache der Bolgaren // *ZDMG*. 1959. Bd. 109 (N.F. Bd. 34). S. 92–116.

Е.Н. Кириллова

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ РЕМЕСЛЕННЫХ И ТОРГОВЫХ УСТАВОВ

НА ПРИМЕРЕ РЕЙМСА XIII–XVIII ВЕКОВ

Последовательность изложения предписаний в законе или нормативном акте имеет значение как в отношении сути и содержания предписаний, так и в плане их восприятия. К ремесленным и торговым регламентам эпохи Средневековья и Нового времени это также относится, однако специалисты практически не уделяли внимания такому аспекту. В известной серии «Типология источников западного Средневековья», которую с 1972 г. выпускает издательство *Brepols* (<https://www.brepols.net/series/typ#publications>), ремесленные и торговые уставы, самый известный и изучаемый тип источников по истории средневекового ремесла, также пока не представлены. На примере корпораций одного из крупнейших политических и экономических центров Французского королевства — Реймса XIII–XVIII вв. — структура уставов будет рассмотрена в этой работе.

Порядок перечисления требований в них не был задан предписаниями на общегосударственном уровне, как и содержание регламентов, хотя общее представление о необходимых предписаниях, разумеется, существовало. Например, в мартовском эдикте 1691 г. упомянуты следующие: сроки обучения, стоимость и качество шедевров, правила приема мастеров, включая вступительные взносы, правила о выборах управлявших своими сотоварищами должностных лиц — присяжных, о досмотрах изделий (*Les métiers et corporations*: 124). В XVI в. реймские регламенты обычно начинали с правил о приеме в корпорацию или о присяжных, а во второй половине XVII–XVIII вв. — с правил о ежегодной

общей торжественной мессы и службе за упокой душ умерших членов корпорации (Кириллова 2007: 29, Кириллова 2019: 83). Эти тенденции не зависели от профессиональной сферы или от того, являлся ли регламент первым в истории данного профессионального сообщества или вторым/третьим.

Более пристальное изучение последовательности предписаний дает более объемную картину, позволяя рассматривать историю конкретных профессиональных сообществ, преимущество принятых ими практик и их модификации, взаимодействие между разными корпорациями и их взаимоотношения с городскими властями, а также влияние общегосударственного законодательства, прежде всего, связанного с мануфактурным производством. Эти и другие проблемы истории корпораций предстают по-разному, если их а) выстроить в общем хронологическом порядке или б) объединить для близких специальностей.

Одной из самых типичных особенностей уставов оказалось то, их что составители многократно возвращаются к одному и тому же сюжету — но не к одному наиболее болезненному в период создания устава (и даже послужившему причиной для его создания) или в целом для корпорации (например, утверждение своего монопольного права на ремесло), а к самым разным. Это свойственно самым разным ремеслам и относится к требованиям, которые предъявляли к желавшему вступить в корпорацию, к правилам обучения, качеству изделий, их досмотрам, монопольным правам на ремесло, предписаниям о похоронах мастеров и мастериц и другим. Один «сюжет» рассматривают не в нескольких последовательных статьях или одной объемной статье, а иным образом: когда логическим продолжением оказывается, например, статья, записанная через несколько других (по теме) статей. Такие смысловые разрывы и потребность в повторах могут быть объяснены иной логикой составителей уставов и, прежде всего, конкретикой их мышления, их несклонностью к обобщениям, в которых они, вероятно, усматривали опасность недопонимания со стороны действующих лиц: полагая свои положение или обстоятельства иными, те могли считать, что правила на них не распространяются.

Например, в уставе уксусоваров и изготовителей горчицы Реймса 1582 г. (AL 2: 315–320) трижды сказано о монопольном праве на это ремесло: отдельно об исключительном праве мастеров делать и продавать горчицу (X ст.), отдельно — о монополии на изготовление и продажу уксуса оптом и в розницу (XV ст.) и отдельно о монопольном праве мастеров покупать осадок, уксус и виноградный напиток, чтобы делать уксус (XVIII ст.). К обязательным досмотрам имеющих отношение к этому ремеслу изделий, товаров и сырья в уставе возвращаются пять раз: никто не может привезти в город и выставить на продажу горчичное семя, если его не досмотрят присяжные мастера (IV ст.); ни мастера этого ремесла, ни прочие не могут покупать горчичное семя, если прежде оно не было досмотрено присяжными, которые убедились бы в его качестве (V ст.); мастера должны предъявлять присяжным для досмотра всю свою работу, изделия, товары, инструменты (XI ст.); никто не может привезти в город золу от сожженного винного осадка (*cendres gravellés*, сырой поташ) и выставлять ее на продажу или везти в свой дом, если предварительно она не была досмотрена присяжными (XVI ст.); никакой торговец из этого города или другого места не может покупать такую золу, привезенную в Реймс, если она не была досмотрена присяжными (XVII ст.).

Всякое новое обращение к той же теме имеет другой объект рассмотрения и адресовано другим лицам, однако все эти предписания могут быть логично объединены в одно правило или два (что встречается чаще): присяжные досматривают все изделия и товары этого ремесла, как сделанные местными мастерами, так и привезенные в город для продажи. Подобные формулировки в реймских регламентах встречаются. Например, в XXIII ст. устава обивщиков мебели 1616 г. (AL 2: 449) или в XVI ст. устава купцов-мерсье 1639 г. (AL 2: 578–579; *marchands merciers* — влиятельные негоцианты, оптом торговавшие тканями, предметами роскоши и многими другими товарами). Однако обобщение не устроило до конца ни ту, ни другую корпорацию, и, соответственно, в XXVII и XXI статьях их уставов (AL 2: 450, 580) еще раз сказано об обязательном досмотре всех привозных товаров.

Объединение изделий, произведенных местными мастерами, и тех, которые привозят из других мест Французского королевства и из-за границы, в одну категорию удалось, как свидетельствуют источники, благодаря развитию мануфактурного производства. В новом уставе изготовителей шерстяной кисеи Реймса 1710 г. в одном предписании были объединены все ткани — «привезенные или отправленные чужаками в этот город, чтобы быть там проданными или выставленными на продажу, а также те, которые изготовлены в этом городе» (AL 2: 230. XXIII ст.).

Отдельного внимания заслуживают также разнообразные способы соединять разные правила в одной статье, когда те же самые предписания в других регламентах могут быть изложены в нескольких статьях, и необязательно в последовательных. Например, в отдельную IX статью вынесено правило о плате присяжным за оценку шедевра в уставе медников 1701 г. (AL 4: 106–107), в то время как самому шедевру посвящена V ст., а между V и IX статьями находятся предписания о правилах обучения (VI–VII ст.) и запрете примешивать железо к бронзе и меди (VIII ст.).

Изучение порядка предписаний позволяет заключить, что о последовательности представления норм и обычаев в регламентах можно говорить лишь с известной долей условности, но это может послужить еще одним аргументом в пользу самостоятельности ремесленников при составлении статей, которые они обсуждали на своих собраниях и представляли затем на утверждение властей, как это и сказано в преамбулах постановлений об утверждении уставов и в сохранившихся прошениях ремесленников и торговцев.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кириллова Е.Н.* История ремесла во Франции XIII–XVIII веков: статья мастером. СПб., 2019.
- Кириллова Е.Н.* Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках. М., 2007.
- AL 2 — Archives législatives de la ville de Reims / Publ. par P. Varin. 4 vol. P., 1847. Pt. 2. Statuts. Vol. 2.

AL 4 — Archives législatives de la ville de Reims / Publ. par P. Varin.
4 vol. P., 1852. Pt. 2. Statuts. Vol. 4.

Les métiers et corporations de la ville de Paris / Publ. par R. de Lespinasse. 3 vols. P., 1886. T. I: Ordonnances générales. Métiers de l'alimentation.

И.Г. КОНОВАЛОВА

СОСТАВ СООБЩЕНИЙ АЛ-ИДРИСИ О ХАЗАРИИ

Сообщения о Хазарии — ее физической географии, городах, населении — являются неотъемлемой частью описания восточноевропейских стран и народов у арабского географа XII в. ал-Идриси. В своем сочинении «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак*, 1154) ал-Идриси говорит о Хазарии как о современной ему стране, несмотря на то, что как государство Хазария прекратила свое существование в X веке.

Интерес ал-Идриси к Хазарии был вызван несколькими причинами. Во-первых, и после падения Хазарии на территории Восточной Европы — главным образом, в Крыму и на Тамани — сохранялось хазарское население, в связи с чем этноним «хазары» мог восприниматься как актуальный. К примеру, хазары как составная часть населения древнерусского Тмутараканского княжества упоминаются в «Повести временных лет» вплоть до 1083 г. (ПСРЛ 1997. Стб. 205). Об иудеях, проживавших в Крыму и вообще на юге Восточной Европы, писали многие средневековые авторы (Вихнович 1996: 196–208; Карпов 1997: 7–16). Во-вторых, помимо этнонима, продолжал употребляться — применительно к Восточному Крыму — и хороним «Хазария», чему есть свидетельства в ряде византийских и еврейских источников (Dunlop 1954: 254–256; Soloviev 1960: 572). Кроме того, в распоряжении ал-Идриси были весьма многочисленные данные о городах Крыма, восходящие к информации итальянских мореплавателей XII века. Возможно, что наименование «Хазария» (итал. *Gazaria*) ал-Идриси мог услышать именно от них. Наконец, нельзя забывать, что ал-Идриси жил и рабо-

тал в западных областях исламского мира¹, где испанские иудеи, состоявшие в X в. в переписке с хазарским царем (Кокковцов 1932), накопили много данных о Хазарии. Интерес к хазарам не угас в Испании и в XII в.: в 1141 г. там появилось написанное по-арабски сочинение Иегуды Галеви, посвященное хазарам (Das Buch al-Chazari 1887; Рабби Иегуда Галеви 1990). Сведения о Хазарии циркулировали и в ближайшем окружении ал-Идриси. Известно, например, что ученый грек Нил Доксопатр, работавший, как и ал-Идриси, при дворе норманнского короля Сицилии Рожера II, в своем труде говорил о Хазарии как о территории, входившей в состав Константинопольской патриархии (Каждан 1963: 95). Таким образом, можно полагать, что внимание ал-Идриси к сообщениям о хазарах и Хазарии было связано, с одной стороны, с сохранением самого имени Хазарии в составе актуальной географической номенклатуры, а с другой — с определенным интересом, который вызывала эта страна и ее история в ученых кругах Западного Средиземноморья.

Из относящегося к хазарам материала различных разделов сочинения ал-Идриси ясно, что приводимая им информация о Хазарии восходит к двум группам источников — устным, более или менее современным географу, и книжным, отражающим реалии IX–X вв. Соответственно, и описываемые ал-Идриси хазарские земли отчетливо локализуются в двух разных районах: в Северо-Восточном Причерноморье и Нижнем Поволжье.

О Хазарии, расположенной на побережье Черного моря, говорится в авторском предисловии к сочинению, где ал-Идриси определяет ее приморские границы, простиравшиеся, по утверждению географа, от Алании на юге до Тмутаракани на севере (Al-Idrisi 1978: 12; Коновалова 2006: 108). К этой части Хазарии следует отнести и город *ал-Хазариййа* (т.е. «Хазарский»), который ал-Идриси упоминает в составе маршрута, связывавшего Трапезунд с городами Восточного и Северо-Восточного Причерноморья и далее ведшего в Кума-

---

¹ Ал-Идриси получил образование в испанской Кордове, провел много лет в Палермо при дворе норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154), где и составил свое сочинение.

нию: «От города ал-Ланиййа до города Хазариййа, по которому именуются хазары, 45 миль. Это большой, цветущий город, обильно орошаемый водами. Он стоит на реке. От города ал-Хазариййа до города Кира 25 миль» (далее следует описание городов Кумании, см.: Al-Idrisi 1978: 914–915; Коновалова 2006: 118).

По всей вероятности, здесь идет речь о каком-то городе Северного Кавказа, не слишком хорошо известном информатору ал-Идриси, коль скоро само название города он связывал с этнонимом. Название города *ал-Хазариййа* ал-Идриси мог взять из сочинений более ранних арабских географов, где ему имеются аналогии. Так, у ал-Хваризми (IX в.) отмечены город *ал-Хазар* и пункт *Баб ал-Хазар ва-л-Лан* («Ворота хазар и алан») (Калинина 1988: 20, 25, 40, 42, 74–77, 96), а у переработавшего его труд Сухраба (первая половина X в.) — *Баб ал-хазар* («Ворота хазар») (Калинина 1988: 111–112, 115, 122). Указание ал-Идриси на то, что ближайшими к *ал-Хазариййи* пунктами являются, с одной стороны, аланский, а с другой — куманский (половецкий) город, позволяет локализовать город *ал-Хазариййа* где-то в западной части Северного Кавказа. В подтверждение данного предположения можно сослаться на статью Лаврентьевской летописи, отмечающей под 1083 г. хазар в районе Тмутаракани (ПСРЛ 1997. Стб. 205).

Иной характер имеют приводимые ал-Идриси данные об исторической Хазарии на Нижней Волге. Ал-Идриси называет пять городов Хазарии — ее столицу *Итил*, а также *Самандар*, *Баланджар*, *ал-Байда* и *Хамлидж*. И сами названия городов, и маршруты, их соединяющие, ал-Идриси заимствовал из сочинений арабских географов IX–X вв. Ибн Хордадбега, ал-Истахри и Ибн Хаукала (Al-Idrisi 1978: 833–835, 918–919; Коновалова 2006: 110–111, 120; ср. сведения более ранних авторов: Заходер 1962: 171, 179–182). Описание Итиля составлено по данным Ибн Хаукала (Al-Idrisi 1978: 833–834; ср. Заходер 1962: 140–141; Заходер 1961: 32–45). Этнографические данные о хазарах (религия, одежда, язык) также были заимствованы ал-Идриси из трудов ал-Истахри и Ибн Хаукала (Al-Idrisi 1978: 918, 920; ср. Заходер 1962: 137–138 и др.).

На включение целого комплекса старых сведений о Хазарии в сочинение ал-Идриси, возможно, оказали влияние бытовавшие в мусульманской Испании во времена ал-Идриси рассказы о существовании страны хазар в устье Волги. Например, испанский ученый XII в., Абу Хамид ал-Гарнати, отправляясь из Дербента на Нижнюю Волгу, был совершенно уверен, что плывет в «страну хазар» (Путешествие 1971: 27; ср. Al-Idrisi 1978: 12).

Ал-Идриси также сообщает о том, что в стране хазар есть гора *Батира* («Острая»), где добывают серебро и олово, отправляемое затем во все земли (Al-Idrisi 1978: 920), — это известие не встречается в предшествующей арабской географической литературе. Сообщение о горе *Батира* могло войти в состав сочинения ал-Идриси под влиянием современных географу данных, основанных на рассказах купцов и путешественников наподобие рассказа Абу Хамида ал-Гарнати о распространенности торговли оловом в низовьях Атила (Путешествие 1971: 28). Что касается наименования горы, то оно, возможно, связано с оронимом *Бадинун*, который встречается у ал-Хваризми среди названий гор, окружающих седьмой климат, и соответствует горе *Бодин* у Птолемея (Калинина 1988: 23, 43, 85, 105).

Таким образом, в описании Хазарии у ал-Идриси тесно переплетаются книжные материалы и современные географу сведения. При этом имевшиеся в распоряжении ал-Идриси современные данные о хазарах в Восточной Европе были отрывочны и неопределенны, что и заставило географа актуализировать топонимы, употреблявшиеся еще арабскими географами IX–X веков.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вихнович В.Л.* Евреи страны Кедар (К вопросу о славяноязычных евреях Восточной Европы в домонгольский период) // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1996. Вып. 10. С. 196–208.
- Заходер Б.Н.* Итиль (Три рассказа) // Международные связи России до конца XVII в. М., 1961. С. 32–45.

- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Ч. 1.
- Каждан А.П.* Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 93–101.
- Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, перевод, комментарий. М., 1988.
- Карпов А.Ю.* Несколько замечаний к Слову о преподобном Евстратии Постнике // Россия и христианский Восток. М., 1997. Вып. I. С. 7–16.
- Кожовцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
- Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1151 гг.) / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М., 1971.
- Рабби Иегуда Галеви.* Кузари. Иерусалим, 1990.
- Das Buch al-Chazari des Abu'l-Hasan Jehuda Hallewi / Ed. H. Hirschfeld. Leipzig, 1887.
- Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.
- Al-Idrisi.* Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant» / Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Una cum aliis ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae, 1978. Fasc. I–IX.
- Soloviev A.V.* La domination Byzantine au russe au nord de la Mer Noire a l'époque des Comnènes // Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses. München, 1960. P. 569–580.

Н.Л. Конюшихина

DIGITAL HUMANITIES
В РЕКОНСТРУКЦИИ РАННЕЙ
КОЛОНИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МЕКСИКИ
ОБЗОР ПРОЕКТОВ

Проект финансируется в рамках исследовательской и инновационной программы Европейского союза «Горизонт 2020» по гранту Марии Склодовской-Кюри № 101034371

This project has received funding from the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme under the Marie Skłodowska-Curie grant agreement No 101034371

В настоящее время применение цифровых технологий и искусственного интеллекта является одним из наиболее эффективных способов анализа массивных документальных корпусов, содержащих геоисторическую информацию. После завершения архивной и источниковедческой работы, включающей сбор, транскрибирование и публикацию корпуса источников, следующим этапом становится визуализация содержащихся в нем данных. Различные методы цифровых гуманитарных наук позволяют повысить научную значимость таких источников и сделать их более доступными для исследователей и широкой аудитории.

На примере обзора проектов, посвященных ранней колониальной истории Мексики, мы продемонстрируем возможности цифровых инструментов и технологий, применяемых для геоинформационного анализа, обработки текстов и машинного обучения. Все рассматриваемые проекты строятся на анализе корпуса «Географических донесений» из Новой Испании (*Relaciones geográficas de Nueva España*), ключевого источника для изучения природы и общества этого ре-

гиона в 70–80 годах XVI в. (Jiménez de la Espada 1881–1897, Cline 1964). Речь идет об ответах, полученных в 1577–1585 гг. на королевскую анкету 1577 и ее последующую редакцию 1584 года (Solano, Ponce 1988: 80–87, 94). Стандартизированная структура документов, а также значительный объем корпуса делают их идеальным материалом для применения различных методов *digital humanities*.

Проект Альберта Паласиоса «Географические донесения Мексики и Гватемалы», 1577–1585, на основе собрания Латиноамериканской коллекции Бенсона Техасского университета в Остине (<https://ut-austin.maps.arcgis.com/apps/Cascade/index.html?appid=b43ddf4e011646a58404162d4cddc1c8>) представляет собой интерактивный сайт с общими сведениями о документальном корпусе, включая его историю создания и исторический контекст. Он дополнен картой, на которой визуализированы населенные пункты, подробно ответившие на вопросы анкеты. Текст наложен на красочные оцифрованные изображения, среди которых большинство составляют *pinturas* — пиктографические карты, созданные в европейской, индейской или смешанной традиции, сопровождавшие большое число донесений из Новой Испании (Mundy 1997). Графический интерфейс сайта реализован при помощи *ArcGIS* и *StoryMaps*.

Населенные пункты на современной карте Мексики и Центральной Америки обозначены разноцветными точками в зависимости от диоцеза, к которому они относились: Оахака, Мехико, Тлакскала, Гвадалахара, Мичоакан и Гватемала. Пользователи могут фильтровать визуальный ряд по церковно-административной принадлежности, местному языку и типу контента. При клике на любой населенный пункт открывается всплывающее окно. В нем отображаются среди прочей информации историческое и современное название места, диоцез, местный язык, дата создания донесения, имя его составителя, а также создателя карты.

Анна Лоуренс и Кирти Арора отмечают, что Альберт Паласиос разработал интерактивный архивный инструмент, позволяющий изучать формирование колониальных нарративов и распространение испанского экономического и рели-

гиозного влияния (Lawrence, Arora 2021). Материалы сайта находятся в открытом доступе с требованием обязательного указания источника в случае использования. Набор геопространственных данных также доступен онлайн по ссылке: https://geodata.lib.utexas.edu/catalog/utaustin_18887.

Проект под руководством Патрисии Муррьеты-Флорес «Погружаясь в раннеколониальную Мексику» (*Digging into Early Colonial Mexico* — <https://www.lancaster.ac.uk/digging-escm/>) запущен в 2018 г. при поддержке Трансатлантической платформы социальных и гуманитарных наук. Для его реализации потребовалась междисциплинарная команда, состоящая из историков, географов, археологов и специалистов в области информатики из Ланкастерского университета, Института инженерии систем и компьютеров в Лиссабоне и Мексиканского национального института антропологии и истории. Цель проекта состояла в разработке методов для автоматического или полуавтоматического поиска, извлечения, сопоставления и анализа данных из корпуса Географических донесений.

На первом этапе работы была создана цифровая версия корпуса в текстовом формате, необходимая для его последующей автоматической обработки. Она включала только оригинальный текст донесений в транскрибированном виде, без редакторских примечаний, комментариев и дополнительных исторических исследований. При ее создании использовались издания Мерседес де ла Гарса (Garza, Izquierdo 1983), Рене Акуньи (Асиña 1982–1988), Пасо и Тронкосы (Paso y Troncoso 1905–1906).

Следующий этап заключался в автоматическом аннотировании текста с помощью методов обработки естественного языка (*NLP*). *NLP* применяет алгоритмы машинного обучения для обучения компьютера решению сложных задач, таких как выявление семантических категорий в крупных массивах письменного и устного естественного языка (Belinkov, Glass 2019). В данном случае методы *NLP* были применены для распознавания и маркирования сущностей в текстовом корпусе, среди которых имена собственные, в том числе имена людей, названия мест и учреждений, а также другие важные

для исторического исследования категории (названия растений, животных, обиходных вещей, архитектурных сооружений) (Murrieta-Flores, Jiménez-Badillo, Martins 2022: 14–15).

Далее аннотированные сущности при помощи методов машинного обучения были объединены в группы или категории. Всего 21 группа, некоторые из которых включали подгруппы (например, человек (мужчина/женщина), титул, занятие, юрисдикция (церковная/гражданская), животные (млекопитающие, птицы, насекомые, рептилии, амфибии, водные, домашние) и др). Тем самым, каждая аннотированная сущность была отнесена к одной из выделенных групп и помечена цветом, соответствующим этой группе. Это необходимо для того, чтобы исследователь мог легко находить интересующую его информацию в корпусе. Например, помечив слова, относящиеся к категории «болезнь», можно быстро извлечь данные о конкретных заболеваниях и эпидемиях (Murrieta-Flores, Jiménez-Badillo, Martins 2022: 15–16, 22).

После классификации меток исследовательская группа приступила к геопарсингу (*Geoparsing*) (Gregory, Donaldson, Murrieta-Flores, Rayson 2015), в ходе которого идентифицированные в корпусе географические названия были сопоставлены с географическими координатами, полученными в ходе составления исторического номенклатора (*gazetteer*). Под номенклатором в данном случае понимается цифровой географический словарь — база данных, включающая тысячи топонимов, извлеченных как из «Географических донесений», так и из вторичных источников (специализированных географических исследований по географии Новой Испании в XVI в.), а также их координаты (Murrieta-Flores, Jiménez-Badillo, Martins, Liceras-Garrido, Favila-Vázquez, Bellamy 2023). Такое сопоставление было необходимо для того, чтобы привязать топонимы к современным географическим координатам, а также для повышения точности географических данных, поскольку в донесениях содержатся ошибки и неточности. Заключительный этап включал в себя визуализацию аннотированных, геопривязанных и сопоставленных данных, используя ГИС технологии.

Данные, полученные в ходе работы над проектом, открыты для общего доступа с условием обязательного указания источника при цитировании и размещены в репозиториях Github (<https://github.com/patymurrieta/Digging-into-Early-Colonial-Mexico>) и Института антропологических исследований Национального автономного университета Мексики (<http://ru.ia.unam.mx:8080/handle/10684/68>).

Результаты работы исследовательской группы Патрисио Муррьеты-Флорес были использованы при создании сайта под эгидой Национального института антропологии и истории Мексики (<https://relacionesgeograficas.inah.gob.mx/>). Данный сайт является специализированным инструментом для визуализации населённых пунктов Новой Испании, от которых сохранились донесения, а также для систематического извлечения и анализа тематической информации из этих источников. Каждому донесению соответствует топоним, визуализированный на ГИС-карте. В случаях, когда к документам прилагалась пиктографическая карта, она отображается в высоком разрешении. На сайте также представлены оцифрованные оригиналы донесений, которые сопровождаются транскрибированным текстом. Более того, функциональные возможности интерфейса позволяют извлекать тематическую информацию, что значительно упрощает исследовательский процесс и расширяет аналитические перспективы.

Создание инструмента для автоматического извлечения информации из корпуса «Географических донесений», а также визуализация пространственных данных облегчает работу исследователей, занимающихся раннеколониальной историей Мексики, позволяя моментально обрабатывать большие массивы данных по самым разным темам и быстро находить интересующие сведения. Этот инструмент может быть использован для изучения территориальной организации Новой Испании в XVI в., ландшафта, климата, флоры и фауны, культуры, обычаев, экономики и хозяйства, обыденных представлений и повседневности, лингвистического анализа топонимов и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Belinkov Y., Glass J.* Analysis Methods in Neural Language Processing: A Survey // Transactions of the Association for Computational Linguistics, 7, 2019. P. 49–72.
- Cline H. F.* The Relaciones Geográficas of the Spanish Indies, 1577–1586 // The Hispanic American Historical Review. 1964. Vol. 44, 3. P. 341–374.
- Questionarios para la formación de las relaciones Geográficas de Indias siglos XVI–XIX / Ed. por F. de Solano, M. Ponce. Madrid, 1988.
- Digging into Early Colonial Mexico — Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.lancaster.ac.uk/digging-ecm/>, дата обращения — 15.12.2024]
- Digging into Early Colonial Mexico Project (repository) — Электронный ресурс [режим доступа: <https://github.com/patymurrieta/Digging-into-Early-Colonial-Mexico>, дата обращения: 16.12.2024]
- Gregory I. N., Donaldson C., Murrieta-Flores P., Rayson P.* Geoparsing, GIS and textual analysis: Current developments in Spatial Humanities research // International Journal of Humanities and Arts Computing, 9(1), 2015. P. 1–14. DOI: 10.3366/ijhac.2015.0135
- Lawrence A., Arora, K.* Review: Relaciones Geográficas // Reviews in Digital Humanities, II (2), 2021 — Электронный ресурс [режим доступа: <https://reviewsindh.pubpub.org/pub/relacionesgeograficas/relea/se/1>, дата обращения — 12.12.2024]. DOI: [10.21428/3e88f64f.58a66cbb](https://doi.org/10.21428/3e88f64f.58a66cbb)
- Mundy B.E.* The mapping of New Spain. Indigenous cartography and the maps of the Relaciones Geográficas. Chicago, 1997.
- Murrieta-Flores P., Jiménez-Badillo D., Martins B.* Artificial Intelligence, Computational Approaches, and Geographical Text Analysis to Investigate Early Colonial Mexico // Oxford Research Encyclopedia of Latin American History, 2022. DOI: 10.1093/acrefore/9780199366439.013.977.
- Murrieta-Flores P., Jiménez-Badillo D., Martins B., Licerias-Garrido R., Favila-Vázquez M., and Bellamy K.* Digging into Early Colonial Mexico Historical Gazetteer. Figshare, Dataset. 2023. DOI: 10.6084/m9.figshare.12301682
- Papeles de Nueva España / Ed. por F. del Paso y Troncoso. Madrid; París, 1905–1906. Vol. 1–8.
- Relaciones Geograficas (dataset) — Электронный ресурс [режим доступа: <https://geodata.lib.utexas.edu/catalog/utaustin18887>, дата обращения — 13.12.2024].

- Relaciones Geográficas de Indias / Ed. por M. Jiménez de la Espada. Madrid, 1881-1897. Vol. 1-4.
- Relaciones Geográficas de la Nueva España (1577-1585) — Электронный ресурс [режим доступа: <https://relacionesgeograficas.inah.gob.mx/>, дата обращения — 18.12.2024].
- Relaciones Geográficas del siglo XVI / Ed. por R. Acuña. México, 1982-1988. Vol. 1-10.
- Relaciones Geográficas Siglo XVI. Edición René Acuña (repository) — Электронный ресурс [режим доступа: <http://ru.ia.unam.mx:8080/handle/10684/68>, дата обращения — 17.12.2024].
- Relaciones Geográficas. LLILAS Benson Latin American Studies and Collections — Электронный ресурс [режим доступа: <https://ut-austin.maps.arcgis.com/apps/Cascade/index.html?appid=b43ddf4e011646a58404162d4cddc1c8>, дата обращения — 10.01.2025].
- Relaciones histórico-geográficas de la gobernación de Yucatán (Mérida, Valladolid y Tabasco) / Ed. por M. de la Garza. México, 1983.

Ю.П. КРЫЛОВА

«LES ETATS DE FRANCE» ЭЛЕОНОРЫ ДЕ ПУАТЬЕ

ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ И БЫТОВАНИЯ ТЕКСТА

Сочинение Элеоноры де Пуатье, придворной дамы бургундских герцогинь, опубликованное современным издателем под названием «Les etats de France», считается на сегодняшний день самым ранним из сохранившихся источников о французском придворном церемониале. По упоминаемым историческим персонам время составления текста определяется промежутком между 1483 и 1487 гг. Авторского названия мы не знаем, но очевидно, что текст предназначался женщинам, поскольку он практически весь посвящен как публичной, так и относительной закрытой жизни женской половины двора. Она повествует в первую очередь о знаках уважения (*honneurs*), которые должны были оказывать друг другу придворные согласно их рангу.

Элеонора де Пуатье родилась около 1445 года и попала ко двору в семь лет. В 1458 г. она стала фрейлиной графини де Шароле Изабеллы Бурбонской, а затем всех последующих герцогинь. Воспоминания о придворном церемониале прежних лет она писала в своих землях, а не при дворе, поскольку в это время не было действующей герцогини Бургундской — Мария Бургундская умерла в 1482 г., а ее сын Филипп Красивый женился лишь в 1496 г., когда Элеонора возвратилась ко двору уже в свиту Хуаны Безумной.

Авторского списка ее сочинения не сохранилось. Мы не знаем ни обстоятельств создания текста, ни его заказчика, ни путей распространения. До наших дней текст дошел в двух копиях XVII в.: это Fr. 14353 из Национальной библиотеки Франции и coll. Chiff(f)let. Ms. 65 из Муниципальной биб-

лиотеки Безансона. Обе сохранившиеся рукописи содержат практически идентичный текст и восходят к одному протографу. Его обнаружение связано с именем известного антиквара Жан-Жака Шиффле (1588–1673). Уроженец Безансона во Франш-Конте, он происходил из семьи врачей, эрудитов и управляющих городом и пошел по семейным стопам. Став врачом, он в то же время участвовал в управлении городом, занимался историей, ботаникой, выполнял дипломатические миссии. Парижская рукопись имеет надпись, в которой упоминается, что она «происходила от доктора Шиффле» (f. 1). Проследить происхождение рукописей помогает упоминание в первом издании текста, опубликованном безансонским юристом и историком Ф.И. Дюно де Шарнажем в 1740 г. и озаглавленном «Церемониал Бургундского двора, извлеченный из манускрипта Эскориала». Состоя с 1623 г. на службе у инфанты Изабеллы-Клары-Евгении, штатхальтера Испанских Нидерландов, а после — короля Филиппа IV, Шиффле мог обнаружить в книгах королевской библиотеки старинную рукопись XV в. То, что рукопись осела в Эскориале, представляется вполне логичным, учитывая, что ее автор служила при бургундском дворе. Как известно, последняя прямая наследница герцогства Мария Бургундская вышла замуж за Максимилиана Габсбурга. Им наследовал их сын Филипп Красивый, женившийся в свою очередь на испанской инфанте, впоследствии королеве Хуане Безумной, а уже их внук Филипп II стал основателем Эскориала.

Намеченная линия провенанса, а также отсутствие оригинала текста и других списков позволяет сделать вывод, что текст, написанный Элеонорой де Пуатье, не получил в дальнейшем широкого распространения, а осел в придворных архивах. В этой связи возникает вопрос: кто мог быть заказчиком подобного текста? Современный издатель Жак Павью предполагает, что перед автором были поставлены вопросы, на которые она давала соответствующие ответы, поскольку текст не имеет четкой структуры. Продолжая эту мысль, добавим, что текст написан неофициальным стилем и больше похож на письмо адресату, интересовавшемуся придворным церемониалом прошлых времен, нежели

на трактат, заказанный вышестоящими персонами и составленный ради служебных целей. Она пишет от первого лица и сообщает источник своей информации: «я видела», «как я слышала от своей матери», «как говорят».

Кого же могли заинтересовать повседневные придворные церемонии, в первую очередь женские? Заказчиком текста Элеоноры определенно была женщина (или кто-то ответственный за нее), поскольку мельчайшие вопросы обстановки комнаты роженицы и прочие подобные вопросы не входили в сферу интересов мужчин. В тексте Элеоноры нет упоминаний о церемониях свадьбы и браке. Вероятно, заказчица уже была замужем, но еще не имела детей — значит, она была молода. Возможно, дама была далека от двора, поскольку Элеонора иногда употребляет выражения вроде «при дворе делается так-то», или «при дворе это называют так». Не исключено, что заказчицей была иностранка, которая не знала традиций французского двора и рангов. В пользу того, что дама могла быть иностранкой, не знакомой с французской терминологией убранства комнаты высокопоставленной придворной дамы, говорит тот факт, что Элеонора периодически поясняет, как называется та или иная часть интерьера. В роли этой дамы соблазнительно было бы увидеть новую герцогиню-иностранку Хуану Безумную, полностью подходящую под это описание, но, к сожалению, имеющаяся датировка на несколько лет предшествует браку Филиппа Красивого (основательное изучение этой версии еще только предстоит).

Однако, если манускрипт с трактатом предположительно сохранялся при герцогском дворе (раз он позже осел в Эскориале), то, по-видимому, он там и использовался со своими целями. Рукопись, хранящаяся в библиотеке герцогов, могла быть унаследована детьми Хуаны Безумной, соответственно Карлом V, а впоследствии его сыном Филиппом II, основателем Эскориала, где она и была обнаружена Жан-Жаком Шиффле.

Парижская рукопись содержит несколько владельческих надписей. Одна из них наводит на мысль, что рукопись Элеоноры де Пуатье могла пригодиться еще одной иностранной

принцессе. Владельческая подпись гласит, что книга принадлежит некой «мадемуазель де Бовэ». Разумеется, по таким кратким данным сложно идентифицировать персону. Однако одна из «мадмуазель де Бовэ» видится весьма подходящей на эту роль. Речь идет об известной и влиятельной при дворе Катрин-Анриетт Белье, даме де Бовэ (около 1615–1690), первой даме опочивальни французской королевы Анны Австрийской — по рождению испанской инфанты, дочери Филиппа III (внучки Филиппа II). Супруг мадам де Бовэ не имел рыцарского звания, поэтому она могла зваться при дворе «мадемуазель». В то же время две ее дочери (с 1645 г. сначала одна — Жанна-Батиста — до своего замужества, на шумевшего при дворе, а с 1653 г. — вторая — Анжелика) также значатся в составе дома Анны Австрийской. Сведения Элеоноры де Пуатье об основах французского церемониала женской части двора могли пригодиться ближайшим дамам как супруги Людовика XIII, так и его невестки Марии Терезии, тоже испанской инфанте, не говорившей по-французски до замужества.

Две другие владельческие подписи свидетельствуют, что парижская рукопись, судя по всему, была продана библиофилам. Одна подпись принадлежит некоему «месье Жиберу из Академии [изящной словесности?]», другая — «Ex Lib. Aegidii Biard, Ebroi[censis]», по всей видимости, отсылала к Жилю Биару из Эврё, февдисту и королевскому землемеру середины XVIII века.

Безансонский список текста Элеоноры де Пуатье входит в большой конвюлт схожих сочинений, связанных с придворным церемониалом. Его составитель — Жюль Шиффле, сын Жан-Жака Шиффле, сообщает в предуведомлении читателю об идее создания подобной подборки. В Эскориале им была обнаружена рукопись «Ордонансов двора Педро IV Арагонского». От Шиффле, вращавшегося в кругу маркиза де Каштелу-Родригу, главного гофмейстера короля, новость дошла до Филиппа IV, пожелавшего иметь подобный сборник. Шиффле собрал в том различные исторические свидетельства о коронациях, браках, крестинах, приемах и прочих церемониях. Предваряющий сочинение Элеоноры испанский

перевод небольшой части текста, а также дополняющее ее текст письмо Маргариты Бургундской о королевском церемониале рождения наследников при дворе свидетельствует, что этот блок мог быть весьма важен в женском кругу Филиппа IV, в частности, для его дочери Марии Терезии, будущей королевы Франции.

А.В. Кузьмин

ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ И ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОЗЕЛЬСКА В XIV – НАЧАЛЕ XV ВЕКА

К началу XII в. города и волости Чернигово-Северской земли были опутаны надежной сетью дорог. Одна из них из Чернигова через Карачев шла на восток, минуя Новгород-Северский, Путивль, Севск и Болдыж (ПСРЛ 1998. Т. 2: 334–336, 645).

Летописи указывают, что уже в это время Карачев был центром пересечения ряда важных местных и общерусских путей. Один из них шел на север в волость «Ватичъ». Он пролегал через такие города Верхнего Поочья как Козельск, Серенск и Лобынск (Никольская 1981: 285–286). Последний из городов располагался на левобережье среднего течения р. Оки в устье ее притока р. Поротва; точнее — у места ее впадения в р. Ока (в пяти км от ставшего в конце XIII в. рязанским Колтеска) (Насонов 1951: 224, 225, 226; Темушев 2022: 54, 58). Двигаясь на север из Лобынска, купцы и путники могли попасть в Москву — важнейший пункт торговли и обороны в южных волостях Ростово-Суздальской земли (ПСРЛ 1998. Т. 2: 338–339).

В январе 1147 г. этим надежным путем воспользовался при отступлении из Карачева в Козельск, расположенный на левом берегу р. Жиздра (левый приток р. Ока), новгород-северский князь Святослав Ольгович, а в 50-е гг. XII в. во время борьбы за киевское наследие — князь Юрий Владимирович Долгорукий, двигавшийся со своими войсками в Черниговщину из Ростово-Суздальской земли. В 1154 г., ожидая подхода союзных половцев, одним из мест его остановки

в волости «Ватичъ» стали окрестности Козельска (ПСРЛ 1927. Т. 1. Вып. 2: 341).

Первым известным в роде Ольговичей правителем Козельского княжения стал Мстислав (Пантелеимон) Святославич (ок. 1194–1223) (ПСРЛ 1928. Т. 1. Вып. 3: 505; Т. 2: 741; ПСРЛ 2000. Т. 6. Вып. 1: 277). Он был одним из младших сыновей, рожденных в браке киевского великого князя Святослава (Михаил) Всеволодовича († 1194) и княгини Екатерины Васильковны. Мстислав стал основателем первой линии правителей Козельского княжения. Весной 1223 г., будучи уже старейшим в роде Ольговичей, черниговский князь Мстислав Святославич принимал участие в княжеском съезде в Киеве. Здесь решался вопрос о военной поддержке половцев против вторгнувшихся в южнорусские степи монгольских войск. Вместе со старшим сыном Дмитрием он погиб во время похода, попав в плен к захватчикам при отступлении на Русь после неудачной битвы на р. Калка (ПСРЛ 1927. Т. 1. Вып. 2: 446; ПСРЛ 1928. Т. 1. Вып. 3: 506–507, 509; ПСРЛ 1998. Т. 2: 741; ПСРЛ 2000. Т. 3: 63, 267; ПСРЛ 2000. Т. 6. Вып. 1: 277). Его 12-летний внук князь Василий Андреевич (?) погиб при обороне Козельска в мае 1238 г., а второй сын — черниговский князь Андрей Мстиславич — был убит в Орде в 1245 году.

Вопреки различным версиям родословных росписей конца XV–XVII вв. потомки черниговского князя Мстислава Святославича сохраняли свои права на Козельское княжение до конца XIII в. или, по крайней мере, до того момента пока в Орде ярлык на него не удалось получить князю Андрею Мстиславичу, внуку киевского и черниговского великого князя Михаила Всеволодовича, который был убит в Орде в 1246 году. Лишенные Козельского княжения потомки черниговского князя Мстислава Святославича сосредоточили усилия на сохранении ярлыка на Перемышльское княжение с центром в городе Перемышль на р. Ока (в 3,5 км от впадения в нее р. Жиздра). Это владение, как свидетельствуют некоторые синодики и родословная князей Горчаковых XVII в., они удерживали за собой вплоть до выезда на службу в Москву в июле 1408 г. (Кузьмин 2015: 162–168).

В первой половине XIV в. правление в Козельске князя Андрея Мстиславича не было простым. 23 июля 1339 г. в ожесточенной борьбе за власть со своим «братаничем» князем Василием Пантелеимовичем он погиб (ПСРЛ 2000. Т. 15. Вып. 1: 52).

В годы княжения Андрея Мстиславича произошло два важных события в истории Козельска: во-первых, из-за смены русла реки политический центр города был перенесен на новое место; а, во-вторых, несмотря на преждевременную гибель этого правителя, в XIV в. именно за его потомками (карачевскими династами) закрепился ярлык на Козельское княжение. Его размеры были серьезно изменены за счет размежевания волостей. Одна часть осталась за потомками князя Мстислава Святославича, а другая, включенная в первой трети XIV в. во владения князя Андрея Мстиславича, по-видимому, пополнилась за счет земель и городов удела (например, Брына, Мосальска и Серенска), выделенного ему отцом — карачевским князем Мстиславом Михайловичем.

Согласно последним археологическим исследованиям, в начале XIV в. детинец Козельска был перенесен с холма (его площадь — 0,8 га) в устье р. Другусны на современное место (Массалитина, Болдин 2015: 198–213; Болдин, Массалитина 2018: 93–100). Прежде район Белевской горки некоторые исследователи либо включали в состав окольного города (Археологическая карта 2006: 146–147), либо считали местом домонгольского Козельска (Никольская 1981: 128–130; Зайцев 2009: 146–147).

Исследование палеорельефа домонгольского Козельска приоткрывает тайну его героической обороны весной 1238 г. Оказывается, что изначально город возник на месте, где р. Жиздра делала петлю. Таким образом, во время половодья с трех сторон Козельск оказывался надежно защищен, а его захватчики имели возможность штурмовать город лишь с одного направления.

Такая особенность выбора места для строительства Козельска сближает его с такими городами Верхнего Поочья как Мышага и Новосиль, а также с древнерусским городищем

XII–XIII вв. у деревни Денисовка, расположенным на левом берегу р. Проня. В Верхневолжье к их числу следует отнести Ржев и Кашин (они возникли позже вятичских городов), а в Подольской земле — Дубно и Константинов (Колищенец).

Анализ письменных источников показывает, что к 1330-м годам Козельск постепенно перехватывает политическое первенство у Карачева. Эта важная перемена в его истории не была отмечена в родословцах и выясняется только благодаря анализу данных ряда других видов источников. До начала 50-х гг. XIV в. правители Карачева пытались отстоять свою независимость от власти литовского великого князя Ольгерда Гедиминовича. Между тем, правители Козельска, опираясь на военно-политическую поддержку рязанского великого князя Олега Ивановича, сумели сохранить свою автономию. Более того, осенью 1365 г. войска козельского князя Тита принимали участие в разгроме рати ордынского князя Тагая Бездежского в битве «подъ Шишевскимъ лѣсомъ, на Воинѣ», в Рязанской земле (ПСРЛ 2007. Т. 18: 104).

Однако в 1368 г. после военно-политических результатов первой «Литовщины» на землях Московского великого княжения козельский князь Иван был вынужден подчиниться власти правителя Великого княжества Литовского. Насколько она его тяготила показывают события 1370 г., когда князь Иван Козельский с разрешения киевского митрополита Алексия сложил свое крестное целование к великому князю Ольгерду и бежал на службу к владимирскому и московскому великому князю Дмитрию Ивановичу (РИБ 1908: 137–138). Возникший сюзеренитет над правителями Козельского княжения длился с перерывами до начала XV в., когда великий князь Василий I Дмитриевич пожаловал Козельск своему дяде боровско-серпуховскому князю Владимиру Андреевичу Храброму (ДДГ: 44), а его бывшего владельца князя Юрия Ивановича принял к себе на службу (ДДГ: 57). В декабре 1408 г. князь Ю.И. Козельский — один из руководителей обороны Москвы от войск ордынского темника Едигея (ПСРЛ 2000. Т. 15: 483; ПСРЛ 2007. Т. 18: 154). В 1410 г. Козельск по завещанию получил в удел серпуховской князь Иван Владимирович (ДДГ: 47).

Ранний переход потомков козельских Ольговичей под сюзеренитет правителей Москвы, а в 1445–1446 гг. — Вильно привел их к смене своей локации и утрате прямой связи с «местами памяти», которые, как в случае с Козельском, также перемещались. В первой половине XVI в. это негативно сказалось при воссоздании общей генеалогии потомков карачевских и козельских князей, родословная связь между различными ветвями которых нередко достоверно восстанавливается лишь за счет привлечения данных других видов письменных источников, так как версия Государева родословца 1555 г. в ряде случаев не соответствует исторической действительности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Археологическая карта России: Калужская область / Под ред. А.В. Кашкина. М., 2006.
- Болдин И.В., Массалитина Г.А.* Козельск накануне 1238 г.: археологическое изучение домонгольского города // Труды регионального конкурса научных проектов: Сборник статей. Калуга, 2018. С. 93–100.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин. Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л., 1950.
- Зайцев А.К.* Черниговское княжество X–XIII вв. (Избранные труды). М., 2009.
- Кузьмин А.В.* Территориальные изменения в левобережном Поочье в XIII — начале XV в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР ВТ. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2015. С. 162–168.
- Массалитина Г.А., Болдин И.В.* Летописный Козельск: Проблемы и этапы археологического исследования // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 198–213.
- Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Никольская Т.Н.* Земля вятичей. М., 1981.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РИБ — Русская историческая библиотека. Изд. 2-е. СПб., 1908.
- Темушев В.Н.* Московское великое княжество. М., 2022.

А.С. Литвинов

ПЕЧАТИ ЕПИСКОПОВ ЗЕККАУ XIII–XVI ВВ. КАК ИСТОЧНИК ПО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДУХОВНОГО КНЯЖЕСТВА

Епархия Зеккау возникла в 1218 г. после отделения от архиепископства Зальцбургского; в том же году епископы Зеккау, могущественные сеньоры Штирии, получили статус духовных князей, сохранив тесные связи с архиепископами Зальцбурга. Печати епископов Зеккау аналогичны по виду другим европейскими епископским печатям, однако имеют и свои характерные особенности.

С 1218 по 1584 г. епископскую кафедру Зеккау занимал 31 священнослужитель. От них до нас дошла суммарно 71 печать, считая также матрицы, перстни-печатки и их оттиски. 20 из числа этих печатей дошли с различными повреждениями (чуть больше 28%). Наибольшее количество поврежденных печатей, а именно 13 (18% от всех печатей и 65% поврежденных) пришлось на период с 1218 г. по 1337 г.

Изначально печати епископов Зеккау имели овальную (или чечевицевидную) форму. С XIV в. печать круглой формы постепенно получила большее распространение. 16 печатей из 71 являются овальными (22% от общего количества), 11 из них приходится на XIII в., четыре — на XIV в., и одна — на XV век. Л. Фрейдингер связывает это с тем, что к этому моменту уже сложилась традиция использования овальной формы лишь членами монашеских орденов или же их родственниками. Последним, кто использовал печать овальной формы, был в XIV в. епископ Августин, который принадлежал к августинцам.

Основные изображения на печатях епископов Зеккау хорошо известны: сама фигура епископа, элементы готической архитектуры, Дева Мария и младенец Иисус. Но существуют образы, которые можно было бы приписать именно иконографической традиции Зеккау: на главной печати в большинстве случаев изображался епископ на троне, а вот епископ, изображенный стоя, был характерен исключительно для печатей *secretum*. Вероятно, это связано с тем, что печать *secretum* была личной печатью и не претендовала на репрезентацию всей духовной и светской силы церковного княжества, и потому не нуждалась в таких властных атрибутах, как изображение трона. На печатях *secretum* изображался или стоящий епископ, или же герб — родовой или в сочетании с гербом епископства.

Епископы Зеккау не изображали на своих печатях каких-либо святых или апостолов, но исключительно Богородицу с Иисусом, при этом первое изображение Девы Марии относится ко второй половине XIV в. Такую иконографию нельзя назвать типичной: на печатях епископов если и присутствовали святые покровители, то чаще всего это покровители их епархии. И появлялись они обычно хронологически ранее возникновения геральдики. Дева Мария не являлась непосредственной покровительницей духовного княжества Зеккау; его святыми покровителями были св. Руперт и св. Виргилий. Однако старинное аббатство Зеккау, которое впоследствии стало духовным княжеством Зеккау, тем не менее, находилось под ее покровительством. Таким образом, становится понятно, почему ее изображение использовалось на печатях епископов. И связь Девы Марии с Зеккау была столь неразрывна и очевидна, что именно изображение Девы Марии занимало центральное место на печати администратора (местоблюстителя) Зеккау Кристофера III Рауера (1512–1536).

В XIV в. в иконографии печатей епископов Зеккау впервые появились гербы; они присутствуют на 49 печатях (69% от общего количества). Происходит это позднее по сравнению с другими регионами Германии. При этом они сразу же появились на главной печати епископа, что нельзя назвать стандартной практикой. Так, например, в Вестфалии гербы на

печатах епископов впервые начали изображать на печатах *secretum* еще в конце XIII в. Учитывая, что у различных членов клира гербы встречаются уже с самого начала XIV в., столь поздняя первая печать с гербом у епископа Зеккау выглядит несколько необычно, и какого-то очевидного объяснения этому нет. Самая же ранняя печать епископа Зеккау, на которой изображен герб, — это печать 1339 г., принадлежавшая Рудмару фон Хадеру. Весьма примечательным является не только то, что герб впервые изображается на печатах епископов Зеккау так поздно, но и то, что это не герб самого духовного княжества, а родовой герб фон Хадеров, что было достаточно необычным решением со стороны Рудмара, притом, что о существовании самого герба известно еще с XIII в. К 1343 г. для Рудмара изготовили новую печать, намного более детализированную. Поскольку и на ней присутствует лишь герб фон Хадеров, то можно сделать вывод, что отсутствие герба духовного княжества на печати было намеренным. Гербом Зеккау является изображение правой руки епископа в благословляющем жесте. Оно уже присутствовало на печатах Рудмара фон Хадера. Это же подтверждается и другими примерами визуализации.

На примере печатей епископа Кристофера III Рауера можно проследить то, что герб стал активным способом репрезентации клира. За свою жизнь Кристофер занимал епископскую кафедру Любляны, был комендатом аббатства Адмонд и местоблюстителем кафедры епископства Зеккау. Все это отображали его различные печати, но из пяти печатей лишь на одной изображены все его гербы.

С гербом духовного княжества связано еще одно наблюдение: это частое использование неправильного изображения данного герба. Точнее, на многих печатах можно встретить изображение не *правой* руки епископа в благословляющем жесте, а *левой*. Левая рука вместо правой изображена на десяти печатах (14% от общего количества печатей и 20% от количества печатей с гербами). Это встречается у трех разных епископов на протяжении XIII–XVI вв.; двое из них таким образом изображали герб духовного княжества на нескольких печатах подряд. При этом данное изображение встреча-

ется в качестве части личного герба и в качестве герба духовного княжества. То есть, судя по всему, было важно не то, как оно изображено, а что именно изображено. Личные гербы также активно изображались на печатях епископов. Как правило, они включали в себя и герб духовного княжества, но это не было строгим правилом.

Видно, что иконографически средневековые печати епископов Зеккау выделяются среди других епископских печатей. На протяжении XIII века печати были однотипными. Но в XIV в. появилось большее иконографическое разнообразие. Как визуализация духовного княжества ими использовался герб Зеккау (зачастую воспроизведенный зеркально) и изображение Девы Марии, которая была ассоциирована с духовным княжеством, несмотря на то, что не являлась его покровительницей напрямую. В качестве же личной репрезентации епископами использовались, в первую очередь, личные гербы. Существует и отчетливая тенденция характерной позы, используемой в иконографии: епископ, сидящий на троне, изображен исключительно на основных печатях, которые представляли всю сеньорию. А на печатях *secretum*, где не было необходимости в дополнительных атрибутах власти, так как это печать для личной переписки, использовалось изображение стоящей фигуры епископа, сближая ее с печатями «пешего» типа.

Е.В. ЛИТОВСКИХ

ПРАВИТЕЛИ TARTÁRARÍKI В «САГЕ О РЕМУНДЕ, КОРОЛЕВСКОМ СЫНЕ»

Как отмечает И.Г. Матюшина, терминологически обозначение «рыцарские саги» (*riddarasögur*) восходит к средневековью (Матюшина 2001: 309). Современные исследователи относят к ним как переводы придворных романов, лэ и жестов, так и саги, сочиненных в Исландии в XIV–XV вв. в стилистике переводных рыцарских романов (*Sif Ríkharðsdóttir* 2024: 436). Оригинальные исландские произведения в этой разновидности саг являются следующей стадией ее эволюции, продолжающей исландские переводы и переложения европейских сочинений (Barnes 2012: 208).

«Сага о Ремунде, королевском сыне» (*Rémundar saga keisarasonar*) — самая длинная из «оригинальных» рыцарских саг. Она была создана около 1350 года. М. Калинке выделяет 41 рукопись (написанных в разное время, от XIV до конца XIX в.), в составе которых сага дошла до нас (Kalinke 1988: 303; о рукописной традиции см. также: Halvorsen 1969), что свидетельствует о ее высокой популярности в исландской среде. При этом близкие иноязычные источники саги исследователями не находятся (Cook 1993), аналогии с «Рыцарем телеги» Кретьена де Труа (Прицак 2003: 452) нам кажутся чрезмерно натянутыми.

По сюжету «Саги о Ремунде», Ремунду, сыну короля Саксланда Ричарда, приснилась красивая девушка. Ремунд просыпается прежде, чем успевает заключить с ней брак, а на его пальце оказывается обручальное кольцо. Поэтому герой отправляется на ее поиски. После многих приключений он получает предсказание, что будет исцелен от мучавшей его раны только самой прекрасной женщиной в мире.

Ею оказывается Элина (*Elína*), дочь царя Индии Йоганнеса (в образе которого Дж. Барнес справедливо видит отсылки на легенду о пресвитере Иоанна: Barnes 2012: 212; а имя прекраснейшей Элины отсылает к Елене Троянской), та самая девушка, которая приснилась Ремунду. Вернувшись на родину, Ремунд обнаруживает, что его отец умер, а он сам должен защищать Саксланд и его столицу Магдебург (*Mágaðaborg*) от короля Тартарарики (*Tartáraríki*) Менилауса (*Meniláús*) и его вассалов — короля Каппадокии Клибануса (*Klibánús*) и воинов из Руси (*Rúzaland*). При этом советника Менилауса зовут Менон (*Ménon*, явная отсылка к греческому Агамемнону — *Rémundar saga* 1951: 274). Также от Менилауса защищает приграничный с Тартарарикой остров Хединсей (*Heðinsey*, отождествляется исследователями с островом Хиддензее, находящемся в Балтийском море, западнее острова Рюген: Джаксон 2012: 52) король Гардарики Эйрик. Однако Менелас побеждает и назначает на остров наместника Сотти, который по материнской линии родом с этого острова, а по отцовской линии — из Холмгардарики (Schlauch 1934: 50–53, 64–66; Cook 1993).

Сюжетные перипетии «Саги о Ремунде» чрезвычайно напоминают еще одну рыцарскую сагу, «Сагу о Гиббоне» (*Gibbons saga*), созданную в это же время или чуть позже. Однако в последней нет никакого упоминания Гардарики, Холмгардарики и Тартарарики, искомая девушка живет в Греции.

С правителями Тартарарики Ремунд встречается дважды: в самом начале саги он побеждает на рыцарском турнире в единоборстве «принца» (в саге он назван «сыном короля») Тартарарики Эскупарта (*Rémundar saga* 1951: 181–199), и, вернувшись из Индии, сражается с королем Тартарарики (*tartáragonung*) Менилаусом и его союзниками (*Rémundar saga* 1951: 225–313).

Антагонист по имени Эскупарт (правда, будучи великаном, *jötunn*) действует еще в нескольких рыцарских сагах: «Саге о Викторе и Блавусе» (*Viktors saga ok Blávus*), «Саге о Сигргарде Смелом» (*Sigrarðs saga frókna*) и «Саге о Бэринге Прекрасном» (*Bærings saga fagra*, считается основанной на «Саге о Ремунде»). Дж. Барнес полагает, что его имя было

заимствовано из «Саги о Бевере» (*Bevens saga*), переводе жесты о Беве из Амтона (Barnes 2012: 212). Аскапарт (*Ascapart*, варианты — *Ascupart*, *Ascapard*, *Ascopard*, *Ascopart*, *Asgapard*) был легендарным великаном из английского фольклора (особенно Хэмпшира, Нью-Фореста и Саутгемптона), побежденным Беве из Амтона (в английском варианте легенд — Бевисом из Хэмптона). В более поздних адаптациях легенды Аскапарт трансформируется в получеловека-полусобаку по имени Пелукан (*Pelucan*, варианты — *Pulicane*, *Pulican*, *Pelukan*, в русской версии [богатырская повесть и сказки о Бове Королевиче] — кентавр Полкан). Сохранение за антагонистом в «Саге о Ремунде» (вдобавок оказавшимся возлюбленным девушки, которую ищет главный герой) такого известного и знакового имени выглядит логичным, а вот выбор его «национальности» можно объяснить только тем, что Тартарарики, по представлениям исландцев, не только находилась на краю ойкумены, но и граничила со страной великанов, Рисаландом (*Rísaland*). По «Саге о Вальдимаре» (*Valdimars saga*), их даже связывали династические узы.

Известно исландцам было и античное имя «Менелай» (ко времени написания «Саги о Ремунде» уже была переведена «Сага о троянцах», *Trójumanna saga*). Т.Н. Джаксон полагает, что источником сведений о Менелаусе как правителе Тартарарики и о приграничном с Тартарарики острове Хединсей стала «Сага о Хрольве-Пешеходе» (*Göngu-Hrólfs saga*), созданная не позднее начала XIV в. (Джаксон 2012: 52), хотя конунга Менелая знает одно географическое сочинение второй половины XIII – начала XIV в. «Какие земли лежат в мире» (*Hversu lönd liggja í veröldinni*) (Джаксон 2012: 52). В «Саге о Хрольве-Пешеходе» также действует один из побочных героев — король Гардарики Эйрик.

Почему же Аскапарт и Менелаус оказались в «Саге о Ремунде» правителями именно Тартарарики? Тартарарики, Тартария, по представлениям исландцев, располагалась на краю Восточной части мира. «По восточному пути» до нее добираются в «Сага о Флоресе конунге и его сыновьях» (*Flóres saga konungs ok sona hans*), а в «Саге о Сигурде Молчаливом» (*Sigurðar saga þögla*) даже плывут под парусом (по-

этому лежащий около Тартарии остров Хединсей вполне вписывается в эту схему). Если раньше «на восточном пути» располагалась Гардарики, также соседствовавшая с Рисаландом (о династическом браке правителей Гардарики и Рисаланда упоминается в гл. 63 «Книги о занятии земли»), то с появлением на исландской ментальной карте Тартарии она «встроилась» рядом с ними.

Таким образом, автор «Саги о Ремунде» творчески переработал «бродячий» сюжет, актуализировав географические представления о краях ойкумены в соответствии с бытовавшими в исландском обществе того времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Джаксон Т.Н.* О плавании из Индиаланда в Данию и о Менелае, конунге Таттарарики (географические описания в исландско-норвежских хрониках и сагах) // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 45–56.
- Матюшина И.Г.* О жанровой эволюции рыцарской саги // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999 год: Восточная и Северная Европа в средневековье / Отв. ред. тома Г.В. Глазырина. М., 2001. С. 309–362.
- Прицак О.* Походження Русі. Київ, 2003. Т. 2.
- Barnes G.* Rémundar saga keisarasonar: Romance, Epic and the Legend of Prester John // Journal of English and Germanic Philology. 2012. Vol. 111 (2). P. 208–223.
- Cook R.* Rémundar saga keisarasonar // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. Ph. Pulsiano. N.Y., 1993. P. 526.
- Halvorsen E.F.* Rémundar saga // Kulturhistorisk leksikon för nordisk middelalder. Oslo, 1969. Т. 14. S. 64–65.
- Kalinke M.E.* Rémundar saga keisarasonar // Dictionary of the Middle Ages / Ed. by J.R. Strayer. N.Y., 1988. Pt. 10. P. 303–304.
- Rémundar saga keisarasonar // Riddarasögur / Bjarni Vilhjálmsson gaf út. Bd. V. Reykjavík, 1951. Bls. 161–339.
- Schlauch M.* Romance in Iceland. L., 1934.
- Sif Ríkharrðsdóttir.* Riddarasögur // The Cambridge History of Old Norse-Icelandic Literature / Ed. by H. O'Donoghue. Oxford, 2024. P. 435–451.

В.И. МАЖУГА

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ РУКОПИСИ

Хранящийся в Научном архиве СПбИИ РАН кодекс с комментарием Бартоло да Сассофerrато к последним двенадцати книгам Дигест императора Юстиниана I является уникальным памятником книжной культуры болонских юристов XIV в. и дает материал для все новых специальных исследований. Предметом настоящего исследования стали двенадцать изображений женских фигур, выполненных пером на его полях. Их автором был один из двух главных переписчиков рукописи, Карло де Баччакомари, о личной связи которого с Бартоло, возможно, свидетельствует написанное им в конце кодекса пожелание душе Бартоло упокоиться с миром. В юридической рукописи было бы естественно ожидать в таких фигурах выражение идеи правосудия, как и дань определенной иконографической традиции. Большинство других рисунков, выполненных в основном вторым главным переписчиком, который позднее приобрел рукопись для себя, рисунки применены как узнаваемые читателями символы, которые вместе со словесными глоссами указывали на общее содержание определенных частей текста Бартоло. В изображениях женских фигур мы не находим, однако, характерных атрибутов Юстиции или Фемиды, их можно лишь сблизить с получившей богатое развитие в итальянском искусстве XIII–XIV вв. традицией женских образов, представляющих свободные искусства и, скорее всего, в названных изображениях можно усмотреть символ юриспруденции, как особого искусства, родственного логике или риторике. Но трактовка этого символа настолько свободна в рассматриваемой рукописи, изображения передают столь различные психические со-

стояния, от меланхолического до горделивого, что в отношении них вернее будет говорить о художественном осмыслении живой мысли правоведа.

Сколь бы ни была свободна трактовка названных образов, внимательное прочтение параграфов комментария Бартоло, к которым изображения привязаны, убеждает нас в то же время, что они не были простым порождением мечты писца, который испытывал потребность немного развлечь себя во время трудной работы. Можно видеть связь душевных состояний, передаваемых в рукописи женскими образами, с конкретным содержанием текста Бартоло, а кроме того нетрудно заметить, что женскими образами в рукописи отмечены цепочки рассуждений Бартоло, подпадающие обычно под определение *Distinctio*, когда общий вопрос членится на частные с введением противопоставлений, либо под определение *Argumentum*, когда смысл правовой нормы или суждения раскрывался с помощью определенного набора последовательных вопросов, и надо помнить, что у средневековых итальянских юристов рассуждения в форме *Distinctio* могли получать значение самостоятельного литературного жанра. Карло де Баччакомари не оставил скольнибудь развернутых словесных глосс в петербургском кодексе, но соответствующие части текста Бартоло он во многих случаях отметил сокращенным написанием названных слов: *Dist* или *Arg*. Но еще чаще такие части текста он выделяет изображением виноградной лозы или гирлянды. В половине наших примеров изображения женских фигур вплетены у него в эти лозы или гирлянды, в других случаях они представлены самостоятельно. На страницах тетрадей, переписанных вторым основным писцом кодекса, который показывает себя в словесных глоссах преимущественно юристом-практиком, мы не находим таких вытянутых и выразительных глосс и гирлянд, как у Карло, ценившего, несомненно, более примеры ученого рассуждения, нежели конкретные суждения и формулы.

В зависимости от содержания иллюстрируемого текста и характера изображений примеры женских образов в нашей рукописи можно разделить на три основные группы. Одну

из этих групп составят изображения в тех местах рукописи, где речь идет о специальных вопросах юриспруденции относительно к возможной участи участников судебного процесса. В одном случае Бартоло верно исправляет сам текст Дигест, как бы оставляя с носом традиционную ее интерпретацию, выраженную в *Glossa ordinaria* Аккурсия, и здесь мы видим даму с загнутым вверх и вытянутым носом. В другом случае речь идет об определении момента, когда дело может считаться решенным по суду, здесь дама изображена исполненной достоинства и в полный рост, с прорисовкой продольных складок ее платья.

Самую многочисленную группу составляют, однако, изображения женских фигур там, где приводятся доводы к ограничению претензий к ответчику, говорится о процессуальных гарантиях для него. В двух случаях мы видим просто спокойные достойные фигуры. Там, где речь идет об особых процессуальных мерах защиты ответчика-арендатора от притеснений владельца земли или претензий третьих лиц, фигуре-символу приданы черты молодой, привлекательной женщины. Там, где комментируется давно установленная норма, согласно которой предмет судебного разбирательства должен полностью соответствовать содержанию заявленного иска, а время для суда быть назначенным с учетом возможностей ответчика, изображена немолодая женщина с крупноватым носом, но, возвращаясь ниже к этой теме в комментарии к параграфу из того же титула, наш писец и рисовальщик представляет по не вполне понятным причинам уже юную даму.

К этим изображениям как особую подгруппу можно присоединить примеры, где речь идет о более решительных мерах в пользу ответчика и где одновременно женские образы предстают в виде изящных силуэтов и достигают наибольшей степени выразительности. Мы видим молодую женщину с очаровательно склоненной головой там, где приводятся доводы к прекращению как бы на основе решения принцепса дальнейших исков в случае, если должник передал кредитору залог, причем приводится максима: «Обязанность действующего судьи состоит в том, чтобы полностью

полагать конец спорам» (*Officium iudicis exequentis sit totaliter finem imponere litibus*). Там, где обосновывается право на отказ от ранее сделанного собственного признания в суде, как ошибочного, и право на возражение против чужого признания, тоже как ошибочного, мы видим молодую даму с запрокинутой головой, будто бы произносящую слова признания и ожидающую понимания со стороны того, к кому они обращены. Энергичное лицо женщины в зрелом возрасте мы видим там, где речь идет о возмещении убытков тому, кто ранее был изгнан силою из своего владения.

Как самостоятельную группу изображений можно рассматривать примеры, где Бартоло лишь ищет аргументы к снятию дополнительного обвинения в преступлении или правонарушении, например, в содействии соучастнику преступления помимо обвинения в собственном наказуемом деянии. Однако аргументы, которые он находит, Бартоло признает недостаточными, хотя в одном случае даже приводит максимум: «Слова судебного определения должны толковаться в сторону смягчения» (*debent intelligi in benigniorem partem*). Особую непреклонность Бартоло выказывает там, где к основному обвинению, которое при известном условии само по себе могло быть снято, присоединяется подозрение в наличии злого умысла или обмана (*dolus*). Две внушительного вида женские полуфигуры вплетены в таких местах в гирлянды с богатым орнаментом и как бы поставлены на консоли. Там же, где рассматривается тема злого умысла, солидной фигуре с пышным бюстом придана нарочито гордая осанка, а волевое лицо немолодой полноватой женщины со складкой под подбородком тщательно моделировано. Очевидно, в представлении художника, с таким лицом должна была представать наука ученых юристов перед глазами тех, кто обвинялся в злом умысле.

В докладе представлен лишь один аспект прежде неизвестного науке творческого наследия Карло де Баччокомари, отпрыска патрицианского семейства и лицензиата по гражданскому праву, зарабатывавшего на жизнь перепиской книг для нужд Болонского университета. Но изложенный опыт раскрытия изображений одного тематического ряда в юри-

дической рукописи будет полезен, как можно надеяться, для дальнейшего более полного раскрытия этого памятника интеллектуальной и художественной культуры итальянского проторенессанса, как и других подобных ему памятников.

С.А. МАСЛОВА

О МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА ТЕКСТА ЯРЛЫКОВ, ВЫДАННЫХ ОРДЫНСКИМИ ПРАВИТЕЛЯМИ РУССКИМ МИТРОПОЛИТАМ

Ярлыки, выданные русским митрополитам ордынскими правителями, — важнейший источник по истории русско-ордынских отношений. Они предоставляют ценные сведения о системе ордынского властвования над русскими землями. Сохранилось шесть грамот ордынских правителей, выданных представителям русской церкви, — Менгу-Тимура 1267 г., Тайдулы 1347, 1351 г. и 1354 гг., Бердибека 1357 г., Тюляка 1379 г. Эти документы входят в состав так называемого «краткого собрания» ханских ярлыков русским митрополитам, созданного в конце XIV – начале XV вв. в московском митрополичьем доме. Пространное собрание сложилось в середине XVI в. за счет интерполяций, сделанных в тексте краткого собрания и добавления подложного ярлыка хана Узбека.

Традиционное именование всех документов собрания «ярлыками» не совсем корректно. Ярлык — письменный указ, приказ, повеление, предписание собственным подданным или главам зависимых стран, исходящий от хана. Документы, принадлежащие лицам не ханского происхождения, ярлыками не являются (Усманов 1979: 7–8). Таким образом, грамоты ханши Тайдулы ярлыками называться не могут (они остались за пределами доклада). Оригиналы ярлыков не сохранились. Документы существуют в виде перевода на русский язык, выполненного при московском митрополичьем доме в конце XIV – начале XV века.

Обращаясь к тексту ярлыков, специалисты не склонны критически рассматривать имеющиеся в них сведения. Так, например, историки считают термин «данщики», упомянутый в адресате ярлыка Менгу-Тимура, как обозначение особой, реально существовавшей, категории ханских должностных лиц, занимавшихся сбором с русских земель ордынского налога, дани (Насонов 1940: 77; Памятники русского права 1955: 476; Сафаргалиев 1960: 64; Федоров-Давыдов 1973: 94). Такой подход нельзя назвать оптимальным. Не стоит забывать о том, что исследователям доступен только перевод ярлыков, сделанный много позже времени создания грамот и с определенной целью — защитой церковного имущества. Эти обстоятельства не могли не повлиять на точность передачи оригинального текста документов. В перевод ярлыков были внесены элементы, не свойственные оригиналам грамот. Выявить эти элементы позволяет применение одного из основных методов исторического исследования — сравнительного. Для комплексного представления о системе монгольского управления русскими землями необходимо использовать весь массив доступных ярлыков правителей не только улуса Джучи, но разных частей Монгольской империи. В распоряжении исследователей имеются ярлыки правителей империи Юань, государства Хулагуидов, государства Чагатаидов XIII-XIV вв. Чрезвычайно полезно сравнение ярлыков, выданных русским митрополитам, с другими ярлыками ханов Золотой Орды середины-второй половины XIV в. — Узбека, Джанибека, Бердибека, а также Тохтамыша и Тимур-Кутлуга. Особое значение для анализа текста ханских ярлыков имеют источники русского происхождения, так как ярлыки во многом отражают русское понимание представленной в них административной и финансовой номенклатуры. Данные для сравнения содержатся в княжеских жалованных, духовных и договорных грамотах, летописном материале.

Сравнение данных всех доступных источников позволяет сделать выводы о наличии значительного количества вставок, внесенных в текст ярлыков, выданных представителям русского духовенства, при их переводе. Таковой, в ча-

стности, является термин «данщики», упомянутый выше. Эта должность не зафиксирована в монгольских документах, однако была известна на Руси еще с домонгольских времен. Термин «данщики» имеет очевидно русское происхождение — от обозначения основной подати, «дань». Данщики /данники занимались сбором поземельной подати. В ордынскую эпоху известны данщики русских князей. Договорные и жалованные грамоты XIV–XV вв. регулируют их деятельность: данщикам запрещалось взимать налог с оговоренных в документах территорий. Этот налог взимался в пользу князя, сбором ордынских выплат данщики не занимались. О деятельности на Руси данщиков ордынских ханов источники русского происхождения не сообщают.

Существенное вмешательство в текст ярлыков обнаруживается в перечне налогов, которые запрещалось взимать с представителей русского духовенства. При переводе в текст ярлыков ордынских ханов было добавлено значительное число налоговых терминов, которые не были прописаны в оригиналах документов. Некоторые из них обозначали реально взимавшиеся с русских земель ордынские выплаты — запрос, ям. Иные термины обозначали подати, известные в русских землях, но не собираемые в пользу Золотой Орды — дар, почестье. Такие термины как «война», «питье» и «поплужное» предстают искусственными налоговыми обозначениями. Эти подати реально не существовали. Дополнительные налоговые термины были добавлены в текст ханских ярлыков с целью увеличения перечня повинностей, от выплаты которых освобождались представители русской церкви.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940.
Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3.
Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

А.С. МАТВЕЕВА

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ВИЗАНТИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ-ЭПИСТОЛОГРАФА ВОЗМОЖНОСТИ И ЛИМИТЫ

На сегодняшний день насчитывается более 15 тысяч византийских писем, большинство из которых можно отнести к категории литературных частных писем, составленных интеллектуалами-мужчинами и адресованных мужчинам (Grünbart 2004: 345). Сохранившихся писем, где адресатом выступает женщина, очень немного, и они могут показаться случайным явлением на фоне всего византийского эпистолярного наследия. Например, за период VI–XII вв. М. Грюнбарт насчитывает только 68 женщин из общего числа адресатов (2037 человек). В коллекциях 19 византийских эпистолографов (из 100 эпистолографов) данного периода обнаруживается в общей сложности 106 писем, адресованных женщинам (около 5% от всей совокупности) (Grünbart 2005: 180, 186). Единственными сохранившимися письмами женского авторства являются восемь писем поздневизантийской писательницы Ирины Хумнены (ок. 1292 – после 1355), адресованных ее духовнику Григорию Акиндину (ок. 1300–1348) (Неро 1986).

Между тем обращение к женщине-адресату, хотя и редко фиксируемое, не является экстраординарным для византийской эпистолярной практики. Например, эпистолярный круг общения известного церковного деятеля и писателя Феодора Студита (759–826) включает 44 корреспондентки (Grünbart 2005: 180–181). Едва ли этот случай можно интерпретировать, как уникальный. Скорее, в нем отражается практика:

образованные женщины из числа монахинь, настоятельниц монастырей, аристократок и членов императорской фамилии часто состояли в переписке с образованными мужчинами. Свидетельства об эпистолярной активности женщин сохранились и в других источниках, например, в средневизантийских житиях (Νικολάου 1993: 175–180). Почему же ее следы практически не дошли до нас?

Эпистолярная практика требовала соблюдения законов эпистолярной теории, успешное овладение которыми было возможно лишь в результате длительного обучения. Получение полноценного образования и занятия интеллектуальной деятельностью не были уделом женщин. Помимо исключительных случаев, женщина в силу неполноты своего образования не могла соперничать с мужчиной в литературном мастерстве, и, значит, письмо, написанное женщиной, ценилось меньше, чем письмо образованного мужчины.

Эпистолярные коллекции византийских интеллектуалов в большинстве случаев являлись корпусами откопированных писем, сформированными в результате целенаправленного отбора. Отбор нередко сопровождался редактурой писем, улучшавшей их литературное качество. Составителями коллекций выступали сами писатели, их единомышленники и ученики (Riehle 2022: 213–214). Отсутствие писем женского авторства связано скорее с проблемами сохранения и передачи, нежели с недостатком авторской инициативы со стороны женщин (Riehle 2020: 4). Практика переписывания и сохранения женских писем не была актуальной для византийцев. Составители литературных эпистоляриев не были нацелены на включение писем, обращенных именно к женщинам, а тем более на собирание коллекций женщин-эпистографов. Доминирование мужчин в литературном дискурсе в Византии объясняет скудость доступных на сегодняшний день женских византийских писем.

Андроцентризм византийской интеллектуальной культуры сделал женщин-эпистографов на многие десятилетия невидимыми для византийцев. При реконструкции византийской эпистографии не происходило систематического обращения ни к образам самих женщин-эписто-

графов, ни к их предполагаемой авторской продукции. Игнорирование женщин в византийском эпистолярном пространстве создает для исследователей иллюзию четкой определенности границ византийской эпистолярной практики. При количественной оценке корпусов писем далеко не всегда происходит отдельный подсчет посланий, адресованных женщинам, и, соответственно, женщины редко учитываются как самостоятельные эпистолографы, даже если от их продукции ничего не сохранилось. При анализе эпистолярных связей внимание обычно уделяется взаимодействиям корреспондентов-мужчин, а при интерпретации интеллектуальных практик, связанных с написанием писем, фокус традиционно остается на тех же эпистолографах-мужчинах.

Какие источниковедческие стратегии возможно применить для реконструкции образа византийской женщины-эпистолографа и византийской женской эпистолярной практики в целом в ситуации практически полного отсутствия посланий женского авторства?

1) Реконструкция эпистолографических связей женщин (количественный подсчет всех известных писем, обращенных к женщинам; создание базы женщин-эпистолографов и их адресатов).

2) Изучение образов и ролей женщин-эпистолографов на основе сохранившихся женско-мужских корреспонденций (формирование коллекций из писем разных эпистолографов, обращенных к одной женщине, и их сравнительный анализ; анализ эпистолярных обращений; компаративный анализ свидетельств мужчин-эпистолографов об эпистолярной активности корреспонденток).

3) Изучение коммуникативных эпистолярных моделей, в рамках которых происходило эпистолярное общение мужчин и женщин («ученая дружба», духовное наставничество).

4) Привлечение других типов источников, содержащих упоминание об эпистолярной активности женщин (агиография, исторические сочинения, литературные сочинения).

5) Сопоставление комплекса сведений о византийской женской эпистолографии с изученными практиками грече-

ской женской эпистолографии позднеантичного, а также пост-византийского периодов.

Каковы ограничения в проведении подобного исследования?

Очевидным лимитом выступает косвенность данных о женской византийской эпистолярной практике, совокупность которых дает возможность лишь для частичной реконструкции. Голос женщин-эпистолографов и их роль в эпистолярной коммуникации могут быть в большинстве случаев зафиксированы и проанализированы только опосредовано, через призму мужского взгляда. Исходя из этого, наиболее пристального изучения заслуживают те письма, которые были составлены в режиме реальных переписок между мужчинами и женщинами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Grünbart M.* Formen der Anrede im byzantinischen Brief vom 6. bis zum 12. Jahrhundert. Vienna, 2005.
- Grünbart M.* L'epistolografia // Lo spazio letterario del medioevo. Le culture circostanti. Rome, 2004. Vol. 1: La cultura bizantina / A cura di G. Cavallo. P. 345–378.
- Hero A.C.* A Woman's Quest for Spiritual Guidance: the Correspondence of Princess Eulogia Choumnaina Palaiologina. Brookline (Mass.), 1986.
- Νικολάου Κ.* Γυναίκες ἐπιστολογράφοι στη μέση βυζαντινή περίοδο (8ος–10ος αι.) // Ἀνάτυπο ἀπὸ τὰ Πρακτικά του Β' διεθνούς / Ἐπιμέλεια Ν. Γ. Μοσχονάς. Αθήνα, 1993. Σ. 169–180.
- Riehle A.* Epistolography, Social Exchange and Intellectual Discourse (1261–1453) // A Companion to the Intellectual Life of the Palaeologan Period / Ed. S. Kotzabassi. Leiden; Boston, 2022. P. 211–251.
- Riehle A.* Introduction. Byzantine Epistolography: a Historical and Historiographical Sketch // A Companion to Byzantine Epistolography / Ed. A. Riehle. Leiden; Boston, 2020. P. 1–30.

Е.А. МЕЛЬНИКОВА

СКАНДИНАВСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Уже не раз я говорила и писала о том, что споры о норманнском вопросе оставили большое количество белых пятен в изучении русско-скандинавских отношений домонгольского времени. Одним из них является скандинавский антропонимикон в Древней Руси. Наличие в древнерусском языке большого числа скандинавских по происхождению личных имен — общее место в историографии русско-скандинавских отношений IX–XI веков. Однако и поныне нет не только ни одного их систематического исследования, но даже и сводного каталога всех зафиксированных в древнерусских и византийских источниках имен скандинавского происхождения.

До сих пор исследователи опираются на классический труд датского филолога Вильгельма Томсена, впервые опубликованный на английском языке в 1877 г. и переведенный с немецкого издания 1879 г. на русский язык (1891). Томсен сопроводил книгу списком из 97 имен (некоторые из них помечены вопросительным знаком), которые он считал древнескандинавскими. Эти имена были выявлены им в ПВЛ и «Киево-Печерском патерике», причем первая еще не имела в то время критического издания. Поэтому некоторые имена этимологизировались им на основе неточных чтений летописного текста. Ряд исправлений в список Томсена внес немало позднее шведский филолог Софус Бюгге (Bugge 1885).

Независимо от Томсена Вильгельм фон Гутцайт, немецкий филолог, обратился к изучению истории составления ПВЛ и, стремясь выделить в ней следы более раннего лето-

писания, специально рассмотрел личные имена в русско-византийских договорах Олега и Игоря (1880). Он, как и Томсен, установил этимологию большинства скандинавских имен и составил их список, почти полностью совпадающий с томсеновским.

После почти 50-летнего перерыва Е.А. Рыдзевская, уточняя исследование Макса Фасмера о скандинавских топонимах в России, обратила внимание на те личные имена скандинавского происхождения, которые отразились в древнерусской топонимии. Она подчеркнула, что лишь очень немногие из них закрепились в русском антропонимиконе, в их числе *Олег, Ольга, Игорь*. Особую ценность представляет ее указание на опасность использования поздних, XVII–XIX вв., источников для реконструкции ранних топонимов, содержащих скандинавские имена.

Важный и до сих пор непревзойденный вклад в исследование русско-скандинавских языковых взаимосвязей был внесен Кларой Тёрнквист в труде, посвященном скандинавским лексическим заимствованиям в русском языке (1948). Скандинавские имена в древнерусском именовании не были предметом ее изучения: но она обращалась к ним как наиболее надежному источнику для выявления фонетических корреляций при передаче скандинавских слов в древнерусском. Двадцатью годами позднее Астрид Бэклунд описала имена, встречающиеся в НПЛ. По ее подсчетам из около 800 имен — 19 скандинавских, 2,4% (Bæklund 1956: 32). При этом она обратила специальное внимание на высокий социальный статус большинства лиц, носивших эти имена.

Новый перечень имен скандинавского происхождения на Руси был составлен Юлиусом Форссманом (1879–1952), немецким германистом, славистом и скандинавистом, родившимся и учившимся в Петербурге (1967). Как и его предшественники, Форссман использовал исключительно летописные материалы, однако, расширил список имен до примерно 120, по большей части, неосновательно. Принципиально новых этимологий по сравнению с Томсеном он не внес.

Интерес к скандинавскому именованию в Древней Руси возрастает в конце 1980-х и в 1990-е годы. В работах по древ-

нерусской просопографии (Korpela 1995) и русско-скандинавским языковым связям (Svante 1989) в той или иной степени используются материалы антропонимии. Учитывается древнерусский антропонимикон и в общей работе о европейских личных именах (Thoma 1985). Существенный вклад в проблему был внесен Б. Струминьским (1996), который на фоне финно-скандинаво-восточнославянских языковых связей рассмотрел существующие и предложил новые этимологии скандинавских имен в ПВЛ. Важнейшим новшеством в его работе была реконструкция греческих написаний имен в договорах X века. Это позволило уточнить исходный облик ряда имен. В то же время Струминьский исходил из того, что **все** имена в договорах, кроме очевидных Святославъ, Предслава и Володиславъ, имеют скандинавское происхождение, что привело к ряду ошибочных этимологий.

Ценные конкретные наблюдения, касающиеся по преимуществу этимологии отдельных скандинавских имен, были сделаны в разное время в серии статей Е.А. Мельниковой, а также И.Э. Клейненбергом, Г. Шраммом, Ю.К. Кузьменко, А.В. Назаренко, Ф.Б. Успенским, А.В. Циммерлингом. В особое направление вылились исследования генеалогии лиц, носивших скандинавские имена, в том числе (А.А. Молчанов, А.А. Гиппиус). Новое направление в антропонимике открыли фундаментальные исследования А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского практик имянаречения в культуре и политической жизни Древней Руси и Скандинавии (2006). Рассматривая личное имя не столько как способ идентификации индивида — представление, доминировавшее в науке, — а как явление культуры, они показали его многогранную социокультурную роль в древнерусском и скандинавских обществах.

Единственная попытка систематического исследования скандинавских имен в древнерусских источниках принадлежит С.Л. Николаеву, который предложил гипотезу, переосмысляющую происхождение, этимологию и культурное значение скандинавских имен в Восточной Европе на материале антропонимикона русско-византийских договоров X века и — частично — ПВЛ (2012, 2014). Цель его исследования — обосновать существования «русско-варяжского диалекта»

(о «варяжском» языке на Руси писали еще А. Стендер-Петерсен и др.). Николаев опирается на реконструируемые им «первичные летописные формы» по Радзивилловской, Московско-Академической, Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородско-Карамзинской летописям. Из 68 имен, для которых он реконструирует древнерусские «первичные формы», 61 определяются им как «русско-варяжские», то есть «имеющие фонетику “русско-варяжского диалекта”». Однако методы его исследования и, соответственно, результаты вызывают серьёзные сомнения.

Во-первых, «русско-варяжский» диалект реконструируется на основании тех самых имен, которые «имеют фонетику “русско-варяжского” диалекта». Возникает классический порочный круг, в котором доказательство существования «русско-варяжского диалекта» основывается на этимологизации имен, которая исходит из существования этого диалекта. Других языковых явлений (в морфологии или синтаксисе), свидетельствующих о «варяжском» диалекте, не приводится.

Во-вторых, в лингвистических реконструкциях камнем преткновения была и остается проблема релевантности источников. Для восстановления «первичных летописных форм» имен С.Л. Николаев опирается на указанные выше летописные своды. Однако автор не учитывает уже установленное несколькими поколениями летописцев, начиная с А.А. Шахматова, соотношение летописных сводов, а, соответственно, и «ценность» их чтений. В противоположность принятой методике, Николаев выбирает то чтение, которое в наибольшей степени согласуется с фонетикой гипотетического «русско-варяжского диалекта». Так, при *Тудковъ* в ЛИ Николаев считает первичной форму *Студь-к-ов*, соответствующую чтением РА и НК *Студеков*, *Студьковъ*, *Студковъ*, при чтении *Тудковъ* в ЛИ.

В-третьих, возникают проблемы хронологии. Николаев пишет, что «речь идет о диалекте гораздо более ранних “варягов”, обособившихся от северогерманского ствола не позднее VI–VII вв. и не позднее VIII в. поселившихся в Восточной Европе». Но, «варягов», то есть скандинавов, оседавших или

временно находившихся в восточнославянском ареале, до середины – конца VIII в. просто не было.

Исследование скандинавского антропонимикона в Древней Руси, таким образом, чрезвычайно далеко от исчерпывающего. Между тем, древнерусские источники, в первую очередь русско-византийские договоры, но и другие памятники, сохранили древнейшие аутентичные фиксации древнескандинавских имен. Ныне изучение древнескандинавского антропонимикона в Древней Руси может основываться на несравненно большей источниковой базе, нежели во времена Томсена или даже Струминьского. Более 1200 берестяных грамот XI–XV вв., многочисленные граффити на стенах церквей, другие эпиграфические материалы содержат сотни личных имен, в числе которых встречаются и скандинавские по происхождению. С одной стороны, они позволяют судить о языковых процессах в Скандинавских странах X–XI вв., поскольку значительно число антропонимов в собственно скандинавских источниках появляется только в XI веке. С другой стороны, эти материалы позволяют расширить хронологию и топографию употребления скандинавских имен, в Древней Руси и тем самым проливают новый свет на историю русско-скандинавских отношений и на социально-политическую и этнокультурную историю самого Древнерусского государства.

А.А. МИТРОФАНОВ

ОТМЕНА ЦЕРКОВНОЙ ДЕСЯТИНЫ В НАПОЛЕОНОВСКОМ ПЬЕМОНТЕ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА ФРАНЦИИ

Одним из важных вопросов в историографии Италии и Франции раннего Нового времени является ликвидация сеньориального комплекса. Этот процесс в итальянских государствах растянулся на полтора века. Так, церковная десятина в объединенном Итальянском королевстве была отменена только законом от 14 июля 1887 г. В исторической литературе вопросы ликвидации сеньориальных платежей в послереволюционный период традиционно рассматриваются в рамках общей темы функционирования института земельной ренты в начале XIX в. (Massa-Gille 1975; Patault 1978). И только в последние годы итальянские историки анализируют их в ином ключе, подчеркивая, что реформизм в этой сфере был присущ не только французской оккупационной администрации и итальянским республиканцам, но и легитимным правительствам (Armando 2004). Сам вопрос об отмене десятины в итальянских государствах на материале конца XVIII – начала XIX в. все еще недостаточно изучен и составляет известную проблему.

В результате работы в фонде генеральной администрации Пьемонта в Национальном архиве Франции (Archives nationales de France (ANF). F 1e 79–80 (1, 2)) нами выявлен комплекс неопубликованных ранее источников по вопросу об отмене церковной десятины в этом регионе Италии в период французского господства. Все документы сохранились в рукописном варианте и относятся к 1800–1805 годам

(IX–XIII годы по республиканскому календарю), и в силу известных особенностей формирования фондов парижского архива не имеют сквозной пагинации. Документы не дублировались на итальянском языке, а сохранились только во французском варианте. Вместе с тем отметим, что документация по вопросу об отмене сеньориальных прав и десятин большей частью состоит из межведомственной переписки парижских инстанций между собой и из нее подчас трудно почерпнуть какую-либо конкретную информацию о положении дел на местах. Наиболее ценные сведения обнаружены в письмах генерального администратора Пьемонта генерала Журдана, министра юстиции Ренье, министров внутренних дел Шапталя и Шампаньи, префекта департамента Маренго генерала Кампана и в императорском декрете об отмене вечных рентных платежей и неоплаченных задолженностей в шести департаментах Пьемонта от 28 флореаля XIII года (18 мая 1805 г.).

В обстановке правового послереволюционного хаоса еще долго сохранялись местные правовые традиции и нормы, в том числе и в части соблюдения сеньориальных прав. Королевский эдикт Карла-Эммануила IV от 29 июля 1797 г. об отмене последних не был реализован в полной мере, еще более радикальные меры временного правительства 1799 г. также частично остались на бумаге (Бондарчук 1980: 201–202; Ruggiero 2018: 70–71, 83–102). Ни эдикт 1797 г., ни постановления 1799 г. не касались вопроса о церковной десятине. После 1800 г. в связи с отсутствием у местных властей полномочий для решения столь важных финансовых и юридических вопросов по каждому случаю народного недовольства тяжестью налогового бремени приходилось обращаться в Париж в разные ведомства, которые не имели представления о реальном положении дел в итальянских землях и раз за разом запрашивали новые справки и отчеты.

Из переписки Журдана с местными властями и парижскими инстанциями следует, что к осени 1802 г. в ряде провинций население выплачивало церковные десятины (*dixmes*) и платежи (*les droits féodaux*) светским сеньорам. Их размеры в документах нигде не указываются. Особенно

тяжелой была ситуация в долине Аосты (департамент Дора): часть населения платила десятины деньгами, а часть — продуктами аграрного производства. В связи с петициями мэра Аосты и префекта департамента Дора и плохими урожаями текущего года, Журдан предлагал разрешить выплату десятин деньгами, а впоследствии их и вовсе отменить. В сентябре 1802 г. в некоторых районах Пьемонта начались крестьянские волнения в связи с постановлением гражданского суда (*tribunal civil*) в г. Вогера, который выступил в поддержку бывшего маркиза Маласпина в его праве требования сеньориальных платежей от крестьян коммун долины Стафора, отказавшихся их выплачивать на основании того, что во всей Франции такие платежи давно отменены, и итальянское население теперь также выплачивает государственные налоги. Эта ситуация не нашла своего разрешения в 1802 г., в каждом частном случае последнее слово оставалось за судами.

Межведомственная переписка и за 1803 г. также свидетельствует, что и к осени этого года сеньориальный комплекс в Пьемонте все еще существовал. Так, в начале августа 1803 г. префект департамента Маренго генерал Кампана сообщал Наполеону обо всех видах сеньориальных платежей «еще существующих в департаменте Маренго и несовместимых с современной системой». А именно, граждане оплачивают: право «имботито» (*droit d'imbottito*, т.е. налог за разлив готового вина в сосуды), «феодальные чинши» (*les censi féodaux*), исключительные права сеньоров на разрешение деятельности постоялых дворов, кабаре, печей и хлебопекарен (*les droits exclusives des seigneurs de permettre exercice des auberges, cabarets, fours, boulangeries*), церковные десятины (*dixmes*).

Изучение фонда парижского архива позволяет утверждать, что вопрос о церковной десятине был урегулирован императорским декретом, подписанным Наполеоном в Милане 28 флореаля XIII г. (18 мая 1805 г.): ANF F 1e 79–80 (1, 2). 28 floreal an XIII. Décret impérial sur la liquidation des rentes perpétuelles et créances sur le ci-devant Piémont. Обращает на себя внимание тот факт, что миланский декрет от 28 флореаля не был своевременно опубликован в официальных

сборниках законов Французской империи. Весь комплекс сеньориальных платежей в Пьемонте был упразднен Наполеоном только в 1808 г. в рамках аналогичных реформ во всех присоединенных к тому времени к Франции итальянских департаментах (Bulletin des lois 1808: 349–352).

Порядок отмены десятины был установлен флореальским декретом специально для шести пьемонтских департаментов. Все «вечные рентные платежи и неоплаченные задолженности в бывшем Пьемонте, принадлежащие белому духовенству, церквям, религиозным корпорациям, богадельням, приютам, общинам и другим учреждениям подобного рода», подлежали отмене (ANF. F 1e 79–80 (1, 2). F. 1 r°).

Иными словами, даже в 1805 г. в правовом отношении эти присоединенные итальянские территории, входившие в состав 27-го военного округа, рассматривались правительством Франции как существующие «на особом положении», и французские законы распространялись на них только частично. Кроме того, такое «особое положение» было обусловлено прагматическими соображениями: предполагалось, что пьемонтское население приобретает национальные имущества, а поскольку десятина не может быть приравнена к земельным рентам и не может быть принята в оплату стоимости национальных имуществ, то она подлежит отмене. Такая мотивация заслуживает особого внимания, так как здесь вообще не ведется речи ни о Конкордате 1801 г., ни об Органических статьях к нему, ни о законодательстве Революции, ни даже о многочисленных требованиях пьемонтских администраторов, которые поступали в правительство Франции. Нет также ссылок на Гражданский кодекс. В этом случае, как и во многих других, Наполеон-законодатель действовал как настоящий революционер, устраняя многовековой институт росчерком пера, не заботясь о том, чтобы придать новому закону ореол легитимности. Не может служить критерием легитимности и статья вторая декрета, которая предусматривала, что за отменяемые «рентные платежи» и «недоимки» их держателям будут выплачены компенсации особыми «рескрипциями», то есть государственными расписками, дающими право на приобре-

тение земельных рент (ANF. F 1e 79–80 (1, 2). F. 1 v°). Таким образом, в декрете мы можем видеть не уступку церкви и духовенству, как это может казаться, но очередную радикальную меру борьбы со Старым порядком.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бондарчук В.С.* Итальянское крестьянство в XVIII в. Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980.
- Bulletin des lois de l'Empire français. 4-ème série. P., 1808. T. VII.
- Armando D.* La feudalità nello Stato pontificio alla fine del Settecento // Studi Storici. 2004. № 3. P. 751–784.
- Massa-Gille G.* Les rentes foncières sous le Consulat et l'Empire // Bibliothèque de l'école des chartes. 1975. T. 133 (Livraison 1). P. 59–91.
- Patault A.-M.* Un conflit entre la Cour de Cassation et le Conseil d'Etat: l'abolition des droits féodaux et le droit de propriété // Revue historique de droit français et étranger. 1978. 4-ème série. Vol. 56. № 3. P. 427–444.
- Ruggiero M.* La Carmagnola. La Rivoluzione Francese in Piemonte (1796–1799). Torino, 2018.

Д.Е. Мишин

ЕЩЁ ОДИН ФРАГМЕНТ ИЗ «КНИГИ ПУТЕЙ И ГОСУДАРСТВ» ДЖАЙХАНИ

В 2009 году автор этих строк опубликовал статью, где представил разбор имеющихся сведений о знаменитом, но, к сожалению, не дошедшем до нас географическом своде «Книга путей и государств» (*Kitāb al-masālik wa-l-mamālik*), который первоначально был создан сāmāнидским визирем Мухаммадом Джайхани (писал в 10-х гг. X в.), а впоследствии по-разному перерабатывался членами его рода. В этой же работе был представлен перевод сохранившихся фрагментов этого труда.

Последующие разыскания в области истории и географии средневекового исламского мира дали возможность дополнить изложенное в статье некоторыми новыми данными и соображениями. Ещё один фрагмент «Книги путей и государств» обнаруживается в географическом своде «Зерцало стран» (*Mir'āt al-buldān*) очень позднего автора Мухаммад-Хасан-хана Муқаддама Марāга'и (1843–1896), известного также под почётными именами *Ṣanī' ad-даула* и *И'тимād ас-салтана*. Вот каков этот текст в русском переводе:

«Джайхани в “Книге путей и государств” сообщает, что, когда Йа'қуб, сын Лайса, Саффāрид, явился в Керман, жители Джйрофта подняли мятеж. А рынок жителей Джйрофта был в той стороне, которую называют Кўх-и-Бāраджāн (гора Бāраджāн. — Д. М.). Там пребывал один предводитель с кўфичами (племя, обитавшее в горах Кермана. — Д. М.), разбойниками и большим количеством пехоты. Йа'қуб, сын Лайса, схватил его с помощью

тонких уловок и отослал в крепость Бам (где он и умер); посредством этого он сломил силу жителей Джйрофта.

Когда же Му'изз ад-даула Абӯ-л-Ҳасан (вернее — Абӯ-л-Ҳусайн. — *Д. М.*), дядя 'А гуд ад-даулы по отцу, явился в Керман, он направился в Джйрофт. Кўфичи давали ему продвигаться до тех пор, пока он не прибыл в ущелье Дилфāрд. Тогда они с двух сторон захватили проходы в горы, и, отрубив Му'изз ад-дауле одну руку, погубили бо́льшую часть его войска; он же с немногими вырвался и вернулся в Ирак.

Когда царь Қāвурд прибыл в Керман и утвердился в Сардсйре, ему стало известно о многочисленности и сплочённости кўфичей Джйрофта. Он не пошёл на них безрассудно, но послал лазутчика и искал неосторожности [с их стороны] и возможности [для себя]. И случилось так, что у предводителей кўфичей были пир и свадьба, и все племена должны были собраться. Лазутчик послал известие и точно назвал день, когда они должны были собраться. Когда известие дошло до царя Қāвурда, он произнёс “Молитесь за успех дел тайно”, не сказал о деле ни начальникам, ни воинам, сел на коня и уехал. Воины, узнав о его отъезде, последовали за ним. За две ночи и день он доехал до кўфичей вместе с несколькими молодыми слугами (*зулām*), имевшими красивых коней и спокойных запасных лошадей, накрыл все племена кўфичей в одном месте, где они собрались, и взял неисчислимыя богатства. Он искоренил их, и весь Гармсйр был очищен от них. Сейчас это слабая и немощная ватага, которая осталась на какой-то труднодоступной горе» (Мир'āt 1989. Т. 4: 2367).

«Зерцало стран» создано в период Нового времени, но его можно воспринимать как исторический источник. Автор во многом основывался на произведениях средневековой мусульманской географии, выписки из которых часто приводятся им. Главными источниками сведений были для него географическая энциклопедия «Справочник по странам и поселениям» (*Му'джам ал-булдāн*) Йāқұта (род. в 1178–1180, ум. в 1229 г.), взятая за образец в плане композиции произведения с размещением названий в алфавитном порядке (Мир'āt 1989. Т. 1: 4), и трактат Мустауфй Қазвйнй (род. ок. 1281/2 г., ум. после 1339/40 г.). Были использованы

и более ранние источники, в частности, географии X в. ал-Истахри и Ибн Хаукала.

И'тимад ас-салтана, по его собственным словам, стремился создать не чисто географический труд, а историческую географию, которая должна была представить читателю историю различных городов и областей (Мир'ат 1989. Т. 1: 4). Это объясняет характер приведённого фрагмента, который представляет собой не географическое описание, а рассказ об исторических событиях. Однако в рамках настоящей работы этот вопрос важен применительно не столько к своду И'тимад ас-салтаны, сколько к географии Джайхāнī. Прежде удалось найти только один отрывок с историческим содержанием, причём он касался разделения языков (Мишин 2009: 42) и мог, следовательно, быть частью и чисто географического трактата, например, его вступительной части. Теперь же есть основания считать, что «Книга путей и государств» (И'тимад ас-салтана ссылается именно на неё) содержала и сведения исторического характера, которые, судя по всему, дополняли географические описания.

В используемом издании все приведённые отрывки объединены в один фрагмент. Но не обязательно, чтобы все они входили в состав географии Джайхāнī. Подчинение кўфичей сельджукскому правителю Қавурду (Кавурт) и утверждение власти последнего на всей территории Кермана относится к 1050-51 гг. (Sevim, Merçil 1995: 300), то есть ко времени намного более позднему, чем то, когда Мухаммад Джайхāнī создал первоначальную версию своей географии (10-е гг. X в.) (Мишин 2009: 34). Разумеется, можно утверждать, что рассказ о Қавурде появился в одной из поздних переработок труда Джайхāнī. Из известных нам переработок одна, принадлежавшая Ахмаду ибн Мухаммаду Джайхāнī, была создана не позднее 987/8 г., когда о ней упомянул библиограф Ибн ан-Надим (Мишин 2009: 34), а другую, приписываемую Са'иду ибн Гāлибу Джайхāнī, использовал испаномусульманский географ ал-Бакри, который, по его собственным словам, писал в конце 440 г.х., то есть в 1068 г. (Китāб 1992: 818. 902). Крайне маловероятно, чтобы за 17 лет, то есть за период с 1050-51 по 1068 г. была создана, а затем

доставлена с востока в Испанию и попала к ал-Бакрй обновлённая версия трактата Джайхāнй.

Неудачный поход Му'изз ад-даулы относится к 935/6 г. (ал-Камил 1987: 124–125); известие о нём, следовательно, тоже не входило в изначальную версию «Книги путей и государств» и могло появиться только в одной из позднейших переработок. Известие о Йа'қубе ибн Лайсе, вероятно, относится к одержанной последним с помощью военной хитрости (притворного отвода войск с последующим внезапным ударом) победе над Тауқом ибн ал-Муғаллисом, одним из подчинённых мятежного полководца 'Алй ибн ал-Хусайна; это событие произошло в 869 г. (Annales 1883–1884: 1699–1700; Вафайāt 1977: 406–407). Собственно говоря, только это сообщение можно однозначно отнести к трактату Джайхāнй.

В своём обширном географическом своде И'тимād ас-салтана ссылается на Джайхāнй лишь один раз, в приведённом выше фрагменте. Это явно контрастирует с многочисленными заимствованиями из других источников. Трудно не задаться вопросом, почему знаменитый трактат цитируется всего однажды, причём в связи не с самым значительным городом. Предположительно ответ на этот вопрос состоит в том, что И'тимād ас-салтана не располагал полным текстом «Книги путей и государств» (она не дошла до него, как не дошла до нас) и использовал цитату из неё в каком-то другом, более позднем источнике, в котором появилось известие о Қāворде, а возможно — и о Му'изз ад-дауле.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Мишин Д.Е.* Джайхани и его «Книга путей и государств» // Восток (Oriens). 2009. №1. С. 33–45.
- Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari / Ed. M.J. De Goeje. Tertia series. Rec. V. Rosen, M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1883–1884.
- Sevim A., Merçil E.* Selçuklu devletleri tarihi. Siyaset, teşkilât ve kültür. Ankara: Türk tarih kurumu, 1995.
- Вафайāt ал-а'йāн ва анбā' абнā' аз-замāн ли ... Ибн Халликāн / Изд. И. 'Аббās. Бейрут: Дār Садир, 1977. Т. 6.

- ал-Кāмил фй-т-тārйх ли ... Ибн ал-Асйр / Изд. М.Й. ад-Даққāқ. Бей-
рут: Дār ал-кутуб ал-'илмиййа, 1987. Т. 7.
- Китāб ал-масāлик ва-л-мамāлик ли Абй 'Убайд ал-Бакрй /
Изд. А. Ferré, А.Р. Van Leeuwen. Тунис: ад-Дār ал-'арабиййа ли-л-
китāб, ал-Му'ассаса ал-вағаниййа ли-т-тарджама ва-т-таҳқйқ
ва-д-дирāсāt, 1992.
- Мир'āt ал-булдāн. Та'лиф Муҳаммад-Ҳасан-ҳāн И'тимād ас-салтана /
Изд. А. Навā'й, М.Х. Муҳдис. Тегеран: Му'ассаса-и-интишārāt ва
чāп-и-Дāнешгāх-и-Техрāн, 1989.

М.В. МОИСЕЕВ

ОТПИСКИ И.П. НОВОСИЛЬЦЕВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО РУССКО-ТУРЕЦКИМ ОТНОШЕНИЯМ XVI ВЕКА

Иван Петров сын Новосельцев был отправлен в Османскую империю 24 января 1570 года. Целью его поездки было урегулирование отношений между государствами после османского похода на Астрахань в 1569 году. Путешествие Новосильцева и сопровождавших его лиц оказалось длительным и довольно сложным. Сначала посольский караван прибыл в Рыльск, где находился до 10 марта, так как ожидал, когда приедут для сопровождения и охраны посольского каравана дети боярские и казаки Мишки Черкашенина и когда они получат снабжение (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 36–36об.). Дорога была крайне тяжелой. В степи лежали большие снега, которые были сверху подморожены и путь представлял собой каток. Однако лед под весом коней проваливался, поэтому было принято решение перегрузить на «саласки» весь запас и посольские дары, а члены посольства и их охрана, оставив коней, встали на лыжи и сами тащили весь этот груз (вместо ездовых животных). Таким способом они начали движение к Северскому Донцу (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 36об.).

По мере своего продвижения Иван Новосильцев отправлял к царю Ивану IV Васильевичу вестовые грамоты — краткие отчеты. Всего весь комплекс отчетных документов этой миссии насчитывает пять единиц. Из этого комплекса были опубликованы только два документа: итоговый список (статейный список) и отписка из Азова. Частично статейный спи-

сок был опубликован в приложении к статье П.А. Садикова (Садиков 1947: 164–166), а полностью в книге «Путешествия русских послов XVI–XVII вв.» (Путешествия 1954: 63–99). Азовская отписка была опубликована мною (Моисеев 2019: 60–66). Остальные три вестовые грамоты еще ждут своего часа. Однако их содержание весьма интересно и включает сведения по широкому кругу вопросов от истории климата до истории международных отношений и криминала.

Дадим краткую характеристику этим документам. Первая вестовая грамота (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 36–37) содержит информацию, объясняющую причины долгой задержке в Рыльске. В этом документе наиболее любопытны сведения, описывающие сложности степной дороги и поиски выхода из сложившейся ситуации. Во второй вестовой грамоте (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 37–39) описан путь посольского каравана: «...а шли есмя, господарь, до Донца на ртах пѣши. А твою господареву казну и свое запасишко везли на саласках сами...» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 37об.). Здесь, впрочем, интересно не только, что весь путь до Северского Донца они преодолели без лошадей на лыжах, но и то, что такая сложная снежная обстановка сохранялась вплоть до апреля. Всего на эту дорогу посольский караван затратил 28 дней (10 марта – 1 апреля). Прибыв на Донец, они продолжили путь по воде. Для этого использовались каюки — речные грузовые суда, род полубарки с двускатною крышей, загнутым носом и каюткою в корме. Интересно, что у сопровождавших посольство казаков каюки были уже сделаны и спрятаны и, дойдя до места, они их достали, но так было не у всех. Поэтому часть каюков пришлось делать на месте, на что была потрачена целая неделя. В путь на Азов (Азак) посольский караван отправился 13 апреля 1570 года.

В ходе этого длительного путешествия Иван Новосильцев обратил внимание, что степь обезлюдела. Нигде не было кочующих татар, что подтвердили и севрюки, встретившиеся ему по дороге. «А идучи есмя, господарь, от Рылска и до Донца на поле татар ни каких не исхаживали и не видали ещо и по ся мѣст никакова человека, а которых емя господарь севрюков путивлцов вотчинников изошли на Донцѣ, и яз тѣх

севрюков Васку Щербинина с товарищи про всяких людей воинских выпрашивал, которые татарове зимуют по полем изхаживали ли они их на поле? И тѣ севрюки нам сказали, что они татар на поле неизхаживали во всю зиму и не видали ни какова человека потому, что деи ныне на поле снѣги великие...» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 38об.–39). Как мне представляется, эти сведения могут использоваться при изучении климатических изменений в это время и их последствий.

Последняя четвертая отписка (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 47–51об.), посвящена обстоятельствам обратного пути посольского каравана. В этой вестовой грамоте Иван Новосильцев сообщает, что крымский хан договаривается с Казыевым улусом и Ногайской Ордой о совместном нападении на Астрахань. При этом, согласно его сведениям, османские войска в этом мероприятии не будут принимать участия (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 48об.).

Русского посла в Москву сопровождал купеческий караван, который возглавлял купец Бустан с двумя купцами и свитой в 17 человек, из Каффы ехали 9 торговых людей, греческий поп и еще 4 человека, а из Азова шел торговый человек бухарец. Также к посольству присоединились выкупленные купцами полоняники (дети боярские и их жены) 38 человек, 4 монаха из Иерусалима и афонского монастыря Святого Саввы, 12 греков-урумлян (так называли тюркоязычных греков, проживавших в Крыму и на Кавказе), выехавших на службу к царю Ивану IV и 21 бывший полоняник. Всего этих лиц, присоединившихся к посольскому каравану, было 111 человек.

Эта вестовая грамота содержит весьма интересную информацию по истории криминала, процветавшего в это время в степи. Иван Новосильцев сообщает, что за этим его разношерстным караваном из Азова вышли атаманы Сенка Ложник, казыевцы и крымцы. Всего их было около 400 человек (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 50). Преследователи планировали разгромить посольство «на Дону или на украине громити с обѣи сторон» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 50–50об.). Они планировали взять Новосильцева вместе с его свитой, купцами и всеми остальными в клещи.

Далее в вестовой грамоте описывается, как Иван Новосильцев и командиры его охраны выработали стратегию спасения. Они избрали путь на Ряжск вместо Донкова, но была другая сложность. Новосельцев отмечал, что провианта им хватит только до устья р. Медведицы. 14 ноября 1571 г. царь Иван IV Васильевич распорядился направить из Ряжска на Воронежское устье отряд из детей боярских и казаков с подводами для встречи посольского каравана и сопровождения его в Ряжск (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 50об.–52). История эта закончилась благополучно. Посольский караван вырвался из готовившихся для него клещей, а Иван Новосильцев предстал перед царем с докладом в Александровской слободе 19 декабря 1571 года.

Завершая наш краткий обзор неопубликованных вестовых грамот Ивана Новосельцева, входящих в комплекс отчетных документов его миссии, хотелось бы отметить следующее. Эти документы обладают самостоятельным значением. Дело в том, что статейный список — это итоговый документ, представляющий собой отчет миссии. Как правило, отписки послов более информативны и посвящены конкретному сюжету. Если сравнивать эти документы, то можно заметить, что в ряде случаев в список эти сведения попадали в сокращенном виде или же вообще оказывались «за бортом». Поэтому необходима полная публикация этого комплекса документов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Моисеев М.В.* Азов (Азак) в 1570 г. в донесении русского посланника Ивана Новосильцева // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2019. Вып. 11. С. 60–66.
- Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.
- Садиков П.А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. 1947. № 22. С. 164–166.

З.Е. ОБОРНЕВА, А.Г. БОНДАЧ

РАЗНОВИДНОСТИ ГРЕЧЕСКИХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

Работа по подготовке каталога греческих документов, отложившихся в фондах Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА), начатая Б.Л. Фонкичем и продолжаемая в настоящее время нами, предполагает не только исследование и описание конкретных документов, но и решение ряда теоретических вопросов, к которым относится выделение определенных типов документальных источников (с соответствующим распределением каталогизируемого материала).

Среди изучаемых и описываемых нами греческих документов РГАДА можно выделить две группы: это *грамоты*, в основном отложившиеся в описи 2 фонда 52 («Сношения России с Грецией») в виде самостоятельных «единиц хранения», и *мелкие документы* (расписки, челобитные и др.), отложившиеся в описи 1 фонда 52 и в иных фондах (ф. 89 «Сношения России с Турцией», ф. 110 «Сношения России с Грузией», ф. 68 «Сношения России с Молдавией и Валахией» и др.), как правило, в составе более крупных дел.

К самым ранним документам относятся грамота константинопольского патриарха Иоасафа II и собора Восточной церкви, утверждающая царский титул Ивана IV (Ф. 52. Оп. 2. № 2), грамота Константинопольского собора об основании Московского патриархата (Ф. 52. Оп. 2. № 5), грамота иерусалимского патриарха Феофана III об утверждении московским патриархом Филарета Никитича (Ф. 52. Оп. 2. № 9). Подобные документы зачастую причисляют к *уставным грамотам*,

однако это вряд ли соответствует их правовой природе; скорее их следует считать *учредительными грамотами*.

Основную часть грамот составляют *рекомендательные грамоты* тем или иным лицам, данные церковными иерархами (в том числе восточными патриархами) и адресованные российским властям (обычно царю или патриарху) с просьбой об оказании помощи (в основном материальной) или о повышении по службе, а также грамоты с информацией или советами относительно политической обстановки в Константинополе, на Балканах, Ближнем Востоке, в Европе (Фонкич 2004: 24). Вместе с тем среди грамот находятся документы, не имеющие определенного адресата, в том числе обращенные к светским и духовным властям в целом, без указания конкретных должностных лиц. Они могут именоваться «*окружными посланиями*», как, например, окружные послания константинопольского патриарха Кирилла I, данные выходцу из Фессалоники Димитрию Токмакову (Ф. 210. Оп. 13. № 29. Л. 84) или выходцу из России Стефану (Ф. 52. Оп. 2. № 39), и «*окружными грамотами*» — такова, например, окружная грамота Зографского монастыря (Ф. 52. Оп. 2. № 33).

Свидетельство о подлинности мандилиона и мира св. Димитрия, данное четырем афонскими монастырями царю Михаилу Федоровичу и московскому патриарху Филарету (Ф. 52. Оп. 2. № 34), представляет собой изложение истории обретения привозимой царю святыни, соединенное с просьбой о помощи монастырю.

Некоторые грамоты Б. Л. Фонкич именовал *письмами*. Во-первых, это документы, авторы и адресаты которых примерно равны по социальному статусу, например адресованные келарю Новоспасского монастыря Иоанникию письма священника Никифора Ксенакиоса (Ф. 52. Оп. 2. № 11) и архиепископа монастыря Честного и Животворящего Креста и Св. Голгофы Феодосия (Ф. 52. Оп. 2. № 12). Во-вторых, это письма Ивана Петрова, Антона Константинова и других малообразованных греков, написанные очень простым языком (Ф. 52. Оп. 2. № 153, 176 и др.). В ряде таких документов содержится важная политическая и военно-политическая информация; их можно назвать *вестовыми письмами*, напри-

мер вестовые письма севастиийского митрополита Иосифа (Ф. 52. Оп. 2. № 156), Константина Евстафьева (Ф. 52. Оп. 2. № 195), Ивана Петрова (Ф. 52. Оп. 2. № 219).

Челобитные встречаются в фонде 52 не только в составе больших дел описи 1, но и среди грамот описи 2. В пространной челобитной (Ф. 52. Оп. 2. № 27) Ласкарис Мавроматис Палеолог, экзарх Великой церкви, рассказывает о своих злоключениях и умоляет царя освободить его жену и троих детей из агарянского плена и послать им свою грамоту, чтобы они смогли прийти и поклониться царю. Нельзя не упомянуть челобитную палеопатрасского митрополита Феофана (Ф. 52. Оп. 2. № 237), написанную в Москве в 1645 г. Обращает на себя внимание и большая челобитная грузинского посла митрополита Никифора (Ф. 110. Оп. 2. № 4).

Челобитные в делах описи 1 фонда 52 часто образуют группы, *комплексы*, так как проситель был вынужден повторять свою просьбу. Это, например, комплексы челобитных верейского митрополита Аверкия конца 1638 г. (Ф. 52. Оп. 1. 1639 г. № 7) или Ивана Петрова начала 1642 г. об отпуске (Ф. 52. Оп. 1. 1642 г. № 11). В фонде «Сношения России с Грузией» обнаружен комплекс челобитных грузинского посла митрополита Никифора об отпуске (Ф. 110. Оп. 1. 1635 г. № 1), а в фонде «Сношения России с Турцией» — комплекс челобитных Антона Константинова конца 1644–1645 гг. об отпуске (Ф. 89. Оп. 1. 1644 г. № 2).

В экзаменационном деле Анастаса Селунского, которого приняли в штат Посольского приказа на должность переводчика в конце 1627 г., содержатся две челобитные на греческом языке, написанные экзаменуемым. Эти документы фактически представляют собой *образцы челобитных*, не предназначенные для реальной подачи (Оборнева 2020: 61–66).

К *запискам* прежде всего относятся небольшие документы, в основном собственноручно написанные патриархом Кириллом Лукарисом, представляющие собой рекомендации определенным лицам, направляющимся к русским послам. Среди таких документов — записки патриарха Кирилла к послам: с рекомендацией доставившего этот документ игумена монастыря Богоматери Мавромольской, направляющегося

за милостыней (Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 21. Л. 8), с рекомендацией афонского иеромонаха Даниила из монастыря св. Николая (Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 21. Л. 12), о милостыне игумену монастыря Панагии Халки (Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 21. Л. 72), с рекомендацией монахов монастыря Преображения на острове Принкипо (Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 21. Л. 75). Особо можно отметить записку о числе монахинь и клириков в монастыре Иоанна Предтечи у Адрианопольских ворот (Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 21. Л. 71), где поименно перечислены 21 насельница монастыря, а также монастырские священнослужители (Фонкич, Оборнева 2017). В записке о вещах монаха Митрофана (Ф. 52. Оп. 1. 1631 г. № 5. Л. 38), написанной архимандритом Кириллом, перечисляются вещи, не отданные монаху Митрофану, заключенному в Соловецкий монастырь, потому что они принадлежали архимандриту Кириллу. Записка Исаяи Остафьева о потраченных средствах (Ф. 68. Оп. 1. 1644 г. № 2. Л. 3) сообщает о том, сколько им было роздано соболей ради выполнения цели посольства.

Расписки греческих «духовных властей» в получении ими от послов С. Яковлева и П. Евдокимова царской и патриаршей милостыни содержатся в деле, озаглавленном «Расписки и переводы...» (Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 21). Прочие расписки обычно занимают лишь часть листа и не являются отдельными документами.

К самым простым, но вместе с тем и наиболее интересным относятся небольшие документы сыскного дела о монахе Митрофане, сосланном в Соловецкий монастырь в 1625 г. Это *список вещей* Митрофана (Ф. 52. Оп. 1. 1626 г. № 2. Л. 15) и *расписка* в получении им своих вещей (Ф. 52. Оп. 1. 1626 г. № 2. Л. 18) (Оборнева 2020: 145–148).

Особняком от прочих документов стоит *свидетельство о выкупе из плена и освобождении*, данное священнику Луке (Ф. 210. Оп. 13. № 131. Л. 303). Освобождение русского священника удостоверяется формулой «даю освобождение и свободу» и подписями 7 свидетелей, из которых пятеро являются клириками.

Весьма своеобразным документом предстает родословная выходца из Османской империи грека Ивана Альбертуса

(Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 1. Л. 40), переехавшего в Россию и претендовавшего на признание за ним княжеского достоинства (Опарина 2016: 147).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020.
- Опарина Т.А.* Алхимик, янычар и «родич византийских царей»: Палеологи в России конца XVI – первой половине XVII в // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские славянские и балканские исследования. 2016. № 1. С. 131–158.
- Фонкич Б.Л.* Формуляр грамот Константинопольского патриархата XVI–XVII вв. (По материалам московских архивов) // Вторые чтения памяти проф. Николая Федоровича Каптерева. Москва, 28–29 октября 2004 г. Материалы. М., 2004. С. 23–27.
- Фонкич Б.Л., Оборнева З.Е.* Кирилл Лукарис и Россия (Создание русским правительством системы материальной помощи Христианскому Востоку в 20-х годах XVII в.) // *Монфокопн.* М., 2017. Вып. 4. С. 135–155.

Д.М. ОМЕЛЬЧЕНКО

ГЕОГРАФИЯ И ВЛАСТЬ

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ КАРТЫ ЦЕРКОВНЫХ КАФЕДР, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА СОБОРЕ В АГАТЕ (506 Г.)

Церковный собор в Агате (совр. Агд) прошел в сентябре 506 г. под председательством митрополита Цезария Арелатского (502/503–543). Это был первый собор католического (никейского) духовенства в Вестготском (Тулузском) государстве, политическая элита которого исповедовала арианство. Мероприятие проходило, если и не по инициативе, то с разрешения короля Алариха II (484–507).

В материалах Агатского собора особый интерес вызывает список участников, поставивших подписи под канонами: указаны их имена, сан и представляемая церковная кафедра. На основании этого списка нами была составлена географическая карта «Участники собора в Агате» (Илл. 1). Она позволяет оценить масштабы этого события, составить представление о политических амбициях короля, четче обозначить границы территорий, находившихся под контролем вестготов. Кроме того, подписи участников дают возможность уточнить церковную географию начала VI в., поскольку некоторые епископские кафедры упомянуты здесь впервые. Наконец, карта позволяет выделить церковные кафедры, которые входили в состав Вестготского королевства (что известно из других источников), но не были представлены на соборе. Выяснение причин этого игнорирования — отдельная проблема, предполагающая обращение к биографии Цезария и истории возвышения Арелата в V веке.

Несомненно, Агатский собор был частью политического проекта короля по интеграции галло-римского населения в структуру вестготского государства. Другой значимой

Илл. 1
 Участники собора в Агате
 (впервые опубликовано в Омельченко 2024: 40)

частью этого проекта был обнародованный весной 506 г. свод римского права *Lex Romana Visigothorum*, или *Breviarium Alarici* («Бревиарий Алариха») (Barcellona 2017).

В деятельности Цезария Арелатского Агатский собор был самым представительным по числу участников: на него прибыли 24 епископа, 8 священников и 2 диакона (Сопс. Agath: 213-214). Делегаты съехались из большинства галльских церковных провинций, полностью или частично находившихся в Тулузском государстве. Четыре провинции представляли их митрополиты: Цезарий Арелатский — подконтрольную вестготам часть Вьеннской, Тетрадий Битуригский (Буржский) — Аквитанию I, Клар Элузский (Озский) — Новемпопуланию, Киприан Бурдигальский — Аквитанию II. Капрарий, митрополит Нарбоннской I провинции, на территории которой проходил собор, прислал вместо себя священника Авилия. Самой дальней из представленных кафедр был Турон (Тур), епископ которого Вер послал вместо себя диакона Льва.

Среди подписавших постановления собора — епископ Агаты Софроний. Это первое достоверное свидетельство источников о существовании в городе епископской кафедры. Вообще, выбор этого небольшого портового городка в качестве места проведения столь представительного собора вызывает немало вопросов. Вероятно, не последнюю роль в выборе Агаты сыграло географическое положение города между южными и западными провинциями королевства: сюда было удобно добираться как по морю, так и по суше. К тому же Агата могла казаться организаторам собора «нейтральной территорией»: она находилась на известном удалении от крупных городов, в которых местные церковные партии и политические элиты имели возможность вмешиваться в работу делегатов.

Особый интерес представляет подпись пресвитера Помпея, который замещал на соборе епископа Авенники (Авиньона). Это уникальное свидетельство того, что город в момент проведения собора фактически был под контролем вестготов. Такое положение дел, скорее всего, сложилось около 501 г. в результате участия Алариха в войне бургундского короля Гундобада с братом последнего Годегизилем. Гундобад после поражения, понесённого от объединённых войск брата и франкского короля Хлодвига, бежал в Авеннику. Однако вскоре, благодаря помощи вестготов, Гундобад сумел разгромить сторонников Годегизила и вернуть власть в Бургундском королевстве (Greg. Tur.: II.32–33). О том, что после победы Гундобада Авенника оказалась в государстве Алариха, в других источниках не упоминается.

Символично присутствие на соборе диакона Льва, представителя епископа Турона. Дело в том, что город, расположенный у самой границы с владениями франков, был постоянным объектом их притязаний. Есть мнение, что в конце 490-х гг. франкский король Хлодвиг на какое-то время захватил город (Mathisen 2012: 5). Незадолго до этого Аларих II сослал епископа Турона Волузиана (Greg. Tur.: II.26; X.31) по подозрению в связях с франками. Подпись диакона Льва свидетельствует о том, что город в 506 году всё ещё находился на территории вестготов. Однако то обстоятельство,

что вскоре после Агатского собора Аларих сослал преемника Волузиана, епископа Вера (Greg. Tur.: II.26; X.31), служит очевидным доказательством крайне уязвимого положения рода в государстве вестготов.

Не менее символично отсутствие на соборе представителей двух кафедр, нахождение которых в границах государства вестготов не вызывает сомнений: Лемовиков (Лиможа) и Акв Секстиевых (Экс-ан-Прованса). С епископом Лемовиков Рурицием (ок. 484 – ок. 510) Цезарий встречался незадолго до собора. Своё отсутствие в Агате Руриций позже объяснял поздним получением приглашения, жарой и слабым здоровьем (Rur. Ep.: II.33). Однако своего представителя Руриций тоже не прислал, так что об истинных причинах можно лишь догадываться.

Аквы Секстиевы были столицей Нарбонской II провинции. Неизвестный по имени митрополит своей неявкой в Агату, очевидно, демонстрировал нежелание признавать власть Арелата над своей провинцией. Дело в том, что в V в. арелатские епископы узурпировали контроль над местными кафедрами. Любопытно при этом, что Викторин, епископ Форума Юлия (Фрежюса), находившегося на территории Нарбонской II провинции, прислал вместо себя на собор священника Иоанна, то есть, похоже, не разделял негативного отношения своего митрополита к деятельности Арелата.

Карта церковных кафедр, участвовавших в Агатском соборе, как нельзя лучше свидетельствует, что главной целью этого мероприятия была демонстрация политической сплочённости и географического единства Вестготского королевства. Последующие события показали эфемерность этой идеи, по крайней мере, на галльских территориях вестготов. В конце лета 507 г. король Аларих был убит в битве на Вогладском поле (Вуйе). Арелат после тяжёлой осады оказался под властью остготов, а многие кафедры, представленные на соборе в Агате, — на территориях бургундов и франков.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Омельченко Д.М.* Роль Цезария Арелатского в церковной политике Алариха II // Средние века. 2024. Вып. 85 (4). С. 38–57.
- Barcellona R.* Concili «nazionali» e sotterranee rivoluzioni. Agde 506, Orléans 511, Épaone 517 // Reti Medievali Rivista. 2017. Vol. 18. N° 1. P. 41–66.
- Conc. Agath. — Concilium Agathense a. 506 // Corpus Christianorum Ser. Latina / Ed. C. Munier. Turnholti, 1963. Vol. 148. P. 189–230.
- Greg. Tur. — Gregorii episcopi Turonensis Libri Historiarum / Ed. B. Krusch. Hannover, 1951 (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum; 1. Pars 1).
- Mathisen R.* The First Franco-Visigothic War and the Prelude to the Battle of Vouillé // The Battle of Vouillé, 507 CE: Where France Began / Ed. R. Mathisen, D. Shanzer. Berlin; Boston, 2012. P. 3–10.
- Rur. Ep. — Ruricii epistularum / Ed. B. Krusch. Berlin, 1887 (Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi; 8).

А.Д. ПАСКАЛЬ

ОБ АВТОРСТВЕ СПИСКА ХРОНОГРАФА МОКСЫ 1620 ГОДА (РГБ. Ф. 37. № 64)

Хронограф, созданный книжником и монахом Михаилом Моксой (ок. 1585–90 – ок. 1650 г.) из валашского монастыря Быстрица на основе перевода и переработки им целого ряда произведений византийской хронографии и южнославянских летописей, является первым оригинальным сочинением на румынском языке, содержащим описание в 99-ти главах всемирной истории от сотворения мира до 1489 г., включая историю народов Центральной и Юго-Восточной Европы (болгар, сербов, византийцев, румын, турок). Сама же рукопись, как указал ее составитель на л. 139 об., написана по заказу еп. Рымникского Феофила: ..w прѣвѣцелѣтѣ пзринѣте. квр Феофил епѣкопу^а де Рзвѣникъ. ѣтъ ши еѣ робоу^а сфи^ицѣи тале маи микѣль, ши маи апои де тоци. ши тиколосѣ^а. кзлоугжрѣл Моѣа Михаил.. (..О премудрый отец, кир Феофил епископ Рыбницкий. Вот и я, раб вашего святейшества, самый ничтожный среди всех и грешник. монах Мокса Михаил..).

Рукопись на 156 листах (далее — Хронограф), написанная кириллицей на румынском языке, была приобретена известным русским славистом В.И. Григоровичем во время его путешествия по Балканам в 1844–1845 гг. в монастыре Быстрица (Валахия) и хранится в настоящее время в Отделе рукописей РГБ (Ф. 37. № 64). Им же была опубликована заключительная часть Хронографа (эпilog писца и главы 93–99, включающие всемирную историю с 1078 по 1489 г.) с переводом текста на русский язык (Григорович 1859).

Благодаря этой публикации рукопись достаточно рано стала известна болгарским и румынским исследователям. Г. С. Раковски опубликовал несколько выдержек из этого издания (Раковски 1860), о чем стало известно Б.П. Хаждеу, с которым болгарский публицист был в дружеских отношениях. Командированный румынской академией Г. Точилеску в Москву и Санкт-Петербург для снятия копий сочинений Дмитрия Кантемира, сделал в 1877 г. копию и списка Хронографа Моксы. Отдельные фрагменты этой копии использовал в многочисленных своих публикациях в 1899–1900 гг. и известный румынский славист Иоанн Богдан, включая подготовленное им издание Хроники Константина Манассии, вышедшее из печати уже после его смерти усилиями И. Биану в 1922 г. (Cronica 1922).

В Румынии впервые полный текст этого сочинения был издан в транскрипции на современном румынском языке по копии Т. Точилеску в 1942 г., включая наблюдения авторов издания о возможных источниках Хронографа Моксы (Simache 1942). Второе, также в транскрипции на современном румынском языке, и единственное на сегодняшний день научное издание, с черно-белым воспроизведением текста по микрофильму рукописи Хронографа, выполнено Георге Михаилэ (Mihail Moxa 1989).

Личность Михаила Моксы хорошо известна в румынской историографии. Достаточно указать, что в переводе Михаила Моксы на румынский язык в 1640–1641 гг. был издан так называемый «Правильник из Говоры», чему посвящено достаточно большое количество публикаций. Однако до сих пор нет единого мнения, является ли рукопись Хронографа авторским списком или белой копией какого-то переписчика-каллиграфа.

Следует заметить, что полный текст Хронографа сохранился только в единственном списке из РГБ. В 1943 г. в библиотеке музея Олтении (Крайова) Николееску-Плоршор обнаружил в составе Сборника смешанного содержания 1714–1725 гг. фрагмент Хронографа с главы «О сотворении мира» до главы «Правление Юлиана Беззаконного» (Nicolăescu-Ploșor 1943). В 1971 г. Клаус-Хеннинг Шредер обнаружил

аналогичный фрагмент в Сборнике 1728 г. библиотеки университета в Яссах (Schroeder 1971). Достаточно подробное описание этих Сборников и фрагментов Хронографа в них сделал в своей обстоятельной работе Д. Михаеску (Mihăescu 2006: 21–50).

Однако ему почему-то осталась неизвестна заметка Д. Делетанта, который ранее обнародовал сведения о рукописном Сборнике, написанным кириллицей на славянском и румынском языках и приобретенном 29 февраля 1972 г. Британским музеем на аукционе *Sotheby* (Deletant 1975). В этой публикации автор датирует Сборник 1620–1650 гг., и раскрывает его содержание: поучение священникам Василия Великого, ряд молитв, служба святого причащения (которая на самом деле представляет собой сборник молитв, произносимых до и после службы причащения, канон), три другие молитвы и чин литургии Григория Богослова. При этом почти все тексты написаны кириллицей на румынском языке, за исключением чина причащения, канона и двух из трех молитв, следующих за каноном.

В библиотеке Румынской академии хранятся фотографии всего этого Сборника (№ F. 138), с которыми нам удалось ознакомиться (приносим благодарность коллеге из Ясс М. Чиобану за такую возможность). Примечательно, что на двух листах этого Сборника на нижних полях киноварью тем же почерком, что и выполнена сама рукопись, после знаков простого креста, сохранились следующие записи: † Моѡа Михаи^л (л. 37 об.), † Моѡа Василіе иже Михайль (л. 67) — достаточно распространенная практика для писцов отмечать свое имя (включая второе, данное при крещении). Почерк текста этой рукописи совсем другого типа, чем почерк Хронографа — более простой, «обыденный», с характерными особенностями написания ряда графем (д, ч, ъ, т, н,) и выполнен, скорее всего, каламом. Почерк же Хронографа — профессиональный валашский книжный полуустав, характерный для рукописей первой половины XVII в., как, например, Евангелие тетр. 1643 г. из библиотеки Академии Румынии № 13 (Bogdan 1978: p. 94, илл. LXII).

Это позволяет, на наш взгляд, считать, что список РГБ является писарской копией профессионального писца, вероятнее всего — из того же валашского монастыря Быстрица, с авторского списка Хронографа, а не автографом самого Михаила Моксы. Косвенно это подтверждает и случай перескока строки (гаплогрaфии) на л. 12 писцом Хронографа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Григорович В.И.* О Сербии, в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях: Речь, произнесенная 10 июня 1858 г. в торжественном собрании Имп. Казанского университета исправл. должн. орд. проф. В. Григоровичем. Казань., 1859. Прибавление I. С. 1–45.
- Раковски Г.С.* Няколко речи о Асеню пъвому, великому царю българскому, и сину му Асеню второму. Белград, 1860.
- Simache N., Cristescu T.* Hronograful lui Mihail Moxa. Buzău., 1942.
- Mihail Moxa.* Cronica universală. Ediție critică, însoțită de izvoare, studiu introductiv, note și indici de G. Mihăilă. București., 1989.
- Cronica lui Constantin Manasses, traducere mediobulgară făcută pe la 1350. Text, glosar de Ioan Bogdan. Cu prefață de prof. I. Bianu. Publicare postumă, București., 1922.*
- Nicolăescu-Plopșor C.S.* Hronograful lui Moxa // Oltenia. IV. 1943. Nr. 1–2. P. 1–28.
- Schroeder Klaus-Henning.* Un manuscris necunoscut al cronografului lui Mihail Moxa // Limba română. 1971. XX. Nr. 5. P. 527–529.
- Mihăescu D.* Cronografele românești., București, 2006.
- Deletant D.* Un manuscris al lui Mihail Moxa din Muzeul britanic // RITL. 1975. T. 24. Nr. 2. P. 255–262.

М.С. ПЕТРОВА

НАТУРФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАРЦИАНА КАПЕЛЛЫ В ТЕКСТАХ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект № 24–18–00349)*

Философские представления Марциана Капеллы (вторая половина V в.), переданные в аллегорической форме, возможно реконструировать по первым двум книгам его *De nuptiis* (I: 1–97 – II: 98–220) с привлечением релевантных фрагментов из семи последующих (III–IX) (Willis [ed] 1983; Шахов [пер.] 2019). В них имеют место два аспекта. Первый — *теологический*, проявляющийся в описании деятельности различных богов, символизирующих ум, небесные тела и духов (демонология) в сочетании с основами греко-римского космологического знания. Второй — *психологический* (Gersh 1986: 606 sq.; Петрова 2009: 469–473).

Применительно к мирозданию Марциан упоминает о *двух первоначалах* (описывая [II, 202–205] прибытие Филологии на сферу неподвижных звезд и ее молитву «источниковой деве» [fontanam virginem]) и *силе* (potestatem) Единожды и Дважды Запредельного (ἄπαξ καὶ δις ἐπέκεινα) [II, 204–205]. Единожды Запредельное — это Отчий Ум (патрико́с νόος) (ср. Orac. fr. 39 — Kroll [ed.] 1894; Большаков [пер.] 2001), Дважды Запредельное — Второй Ум (νόος δευτερος [ср. Orac. fr. 7–8]), производящий душу (ψυχή ἀρχιγένεθλος), символизирующую женский источник (ср. Orac. fr. 51–52). С эпистемологической точки зрения, первое начало описано Марцианом как недоступное даже знанию богов (II: 202), хотя и достижимое для некоторого рода интеллектуальной ак-

тивности. С онтологической точки зрения, оно превосходит премирные (extramundanas) блаженства (II, 202); описано как существование истины, происшедшей из того, что не существует (II: 206); как огненный мир (II: 201), где оно может быть понято и как сам огонь (IX: 910), и (или) как источник огня (II: 206). Ассоциируемое с глубиной (II: 204: profunditas), оно троично по природе и относится ко всему как Отец (II: 204), как сила (II: 185) и как Ум (IX: 910). В целом, первое начало изображено Марцианом как охватывающее всю вселенную (II: 203-204), и как истина того, что существует (II: 206).

Второе начало, согласно Марциану, не просто едино, но едино во множестве. Его функции проявляются в виде образов и действий различных богов (II: 203): *Юпитера*, как священного ума (I: 92: ὁ υἱὸς σαχέρ), связующего каждую из планетарных сфер (ср. Porph. In Tim. fr. 20 — Sodano [ed.] 1964); отождествляемого с монадой и причинной силой его идеальных и умственных образов (VII: 73); *Афины*, о которой сказано как о вершине рассуждения и священном уме богов и людей (VI: 567), как о разумении и понимании судьбы, уме мира (VI: 567); как о сфере пылающего эфира (VI: 567), что эквивалентно уму наиболее удаленной сферы (ср. Var. Ant. rer. div. fr. 205 [ар. Macr. Sat. III, 4, 8] — 206 [ар. Aug. Civ. dei VII, 28] — Cardauns [ed.] 1976); *Солнца*, занимающего среднее место в небесной системе и под разными именами охватывающего весь мир (II: 191-192). Оно позиционируется как «источник ума» (II: 193), как бытие, «три буквы [имени которого] образуют священное имя и знак ума» (II: 193), как отец ума (II: 193), сила неведомого отца (II: 185), «первый отпрыск» (II: 188: prima proago); единственно почитаемое после отца (II: 193) и как лик отца (II: 193), что свидетельствует о тесной связи ума солнца с первоначалом; *Меркурия*, описанного как божественность, через которую бдительный и рассудительный ум наполняет разумением глубину вселенной (II: 126), и связанного с высшим началом (Юпитером) через веру, речь, благодеяние, как истинный гений (I: 92), что свидетельствует об объединении различных умов в единое целое. Второе начало также играет роль вместилища

трансцендентных идей, сообразно которым Бог-творец наделил формами этот видимый мир, представленный в виде сферы (I: 68), состоящей из множества элементов: всего неба, воздуха, морей, разнообразия земли, всех видов и родов живых существ. Здесь же Марциан Капелла восхваляет качества числа три, говоря, что оно означает совершенство вселенной, так как монада связана с богом-создателем, диада — с порождающей материей, триада — с идеальными формами» (VII: 733) (ср.: Turcan 1958: 235–254).

В астрономической части (VII) *De nuptiis*, посвященной разъяснению различных родов движения небес, осуществляющие такое движение классические боги (которые одновременно и антропоморфны, и символизируют планеты [I: 73–75 – II: 183–185; I: 75 – II: 183; I: 75 – II: 189; I: 75 – II: 185]) представлены в качестве божественных и соотносящихся с божественностью небесных тел (VIII: 812): Луны (II: 169–170), Меркурия (II: 171–180), Венеры (II: 181), Солнца (II: 182–193), Марса (II: 194–195), Юпитера (II: 196), Сатурна (II: 197), вплоть до неподвижной сферы (II: 198–206), которые отстоят друг от друга на определенном расстоянии (измеряемом интервалами, тонами и полутонами).

Основу учения Марциана Капеллы о человеческой (индивидуальной) душе (в роли которой выступают Филология, ее паланкин, на котором она поднимается на небеса для бракосочетания с Меркурием, и богиня Психея) составляет представление об ее обожении (I: 94–96; II: 125; II: 131). Обожение является участием тех, кто заслужил его в земной жизни (I: 94–95; II: 125; II: 131); напротив, участием тех, кто использовал земную жизнь дурно, будет вечное мучение в Перифлегетоне (II: 165–166). Обожение души достигается через процесс очищения, состоящего из двух стадий: изрыгания письменных наук всех родов (II: 136) и испития из яйца, соотносящегося с округлой и одушевленной сферой (II: 140) и символизирующего ее. Символизм человеческой души проявляется у Марциана в описании украшенного звездами паланкина (II: 133), которого не касается брненное (II: 134), поднимаемого ввысь четырьмя персонифицированными психологическими качествами: идущими впереди «Работой»

(Labor) и «Любовью» (Amor), держащимися позади (II: 145) Заботой (Erimelia) и Бдительностью (Агруппна). Марциан пишет о двойственной природе души: земной (происхождение Филологии [I: 93: terreus ortus; ср. II: 109: mortales artus]) и божественной (достигаемой через приобретение Филологией определенных качеств и свойств: сияющего эфира, жилища богов, родства с Юпитером [II: 120]). Двойственная природа отдельной души, ее связь с космической (мировой) душой и ее небесная сущность заданы происхождением Психеи — дочери Энтелехии (источника всех душ — ср. Cic. Tusc. disp. I, 22 — King [ed.] 1927; Гаспаров [пер.] 1975) и Солнца (наиболее значимого из небесных тел [I: 7]).

Очевидно, что представления Марциана о мироздании, включающие в себя и тему первоначал, и тему индивидуальной души весьма тщательно разработаны. Однако далеко не все они были восприняты в последующую эпоху. В течение V–VI вв. книга Марциана Капеллы, вероятно, служила «учебником» (грамматики и / или риторики) в Северной Африке, Италии, Галлии и Испании, так как в числе авторов этого периода, знавших о тексте Марциана, Фульгенций (Exp. serm. ant. 45 — Helm [ed.] 1898) и Драконтий (Rom. IV, 44; VI, 36–40; 57–58; VII, 127–131 — Vollmer [ed.] 1905), Григорий Турский (Hist. franc. X, 31 — Arndt; Krusch [eds.] 1884–1885), Кассиодор Сенатор (Inst. II, 2, 17; II, 3, 20 — Morresi [ed.] 2022) и Исидор Севильский (Etym. II, 31, 1; 4–5; 7 — Lindsay [ed.] 1911) (Петрова 2000: 110–141). Позднее, во второй половине VII в., влияние Марциана наблюдается в анонимном произведении бретонского или ирландского происхождения *Hisperica famina* (Carey [ed.] 2000; Willis 1952: 24; Stahl; Jonson; Burge 1971: 59, nn. 15–17; Шабельников [пер.] 2000). В эпоху Каролингов (IX–X вв.) сочинение Марциана находилось в весьма широком обращении в школах северо-запада Франкии. Частично сохранилось разъяснение на текст Марциана, приписываемое Мартину Скотту (Ирландскому или Дунхаду) (Gl. in Mart. — Lutz [ed.] 1944; Meyer 2013), а Иоанн Скотт (Эриугена) (Ann. in Marc. — Lutz [ed.] 1939; repr. 1987) и зависящий от него Ремигий (Comm. in Mart. Cap. — Lutz [ed.] 1962) составили на *De nuptiis* свои комментарии. В XII веке текст

Марциана оказал влияние на представителей Шартрской школы — Гильома из Конша и Бернарда Сильвестра (Воскобойников 2018).

БИБЛИОГРАФИЯ

Оригинальные тексты и их переводы см. в открытом доступе сети Интернет

Lutz C. Dunchad. Glossae in Martianum / Ed. C. Lutz // Philological Monographs 12. Lancaster, USA; Oxford, England, 1944.

Meyer C. Collectae glossae in De nuptiis Philologiae et Mercurii Martiani Capellae (Liber IX) // Cambridge, Corpus Christi College Library, Ms. 153 et 330. 2013 (preprint) — Электронный ресурс [режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=>].

Stahl W.H., Jonson R., Burge E.L. Martianus Capella and Seven Liberal Arts. N.Y.; L., 1971. Vol. I.

Turcan R. Martianus Capella et Jamblique // Revue des études latines. 1958. Issue 36. P. 235–254.

Willis J. Martianus Capella and his early commentators / Unpubl. Ph D diss. University of London, 1952.

Петрова М.С. Марциан Капелла: просопографический очерк // Диалог со временем. 2000. Вып. 2. С. 110–141.

Петрова М.С. Марциан Капелла // Античная философия. Энциклопедический словарь / Под ред. М.А. Солоповой. М., 2009. С. 469–473.

Шартрская школа / Изд. подг. О.С. Воскобойников. М., 2018.

В.Л. ПОРТНЫХ

ГАНЗЕЙСКИЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И БИБЛИОТЕЧНЫЕ РУКОПИСИ В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект № 25-18-00518)*

В августе 1946 г. в составе эшелона, направлявшегося из Берлина в Ленинград, среди прочих трофеев были вывезены архивные и библиотечные фонды ганзейских городов Любека, Гамбурга и Бремена — городов, расположенных в британской (Любек и Гамбург) и американской (Бремен) зонах оккупации Германии, ценности из которых были эвакуированы немцами во время войны на территорию будущей ГДР. Среди прочего, в составе груза были тысячи единиц хранения, относившихся к Средневековью. Во второй половине 40-х гг. материалы хранились в помещениях, принадлежавших тогда Государственной публичной библиотеке. Вопрос о целях вывоза этих собраний весьма неоднозначен: вначале специальная комиссия, которая должна была сформулировать рекомендации относительно вывоза тех или иных материалов, делает свое заключение, затем по факту вывозится существенно больший объем, чем это было рекомендовано, а уже как минимум с 1949 г. представители Советской военной администрации в Германии по поручению центральных властей предлагают британской оккупационной администрации обмен. Получилось, что признанные еще недавно ценными для советской науки материалы очень скоро стали «разменной монетой», с которой советские вла-

сти готовы были расстаться, называя их в документах абсолютно бесполезными в плане как их научной, так и практической ценности. Вывезенные в СССР ганзейские архивные материалы и отсортированные вместе с ними библиотечные рукописи предлагалось обменять на увезенный в Германию в 1944 г. Таллинский городской архив и на архивы, относившиеся к территории присоединенной к СССР по итогам войны части территории Восточной Пруссии. Со своей стороны, британская военная администрация, под охраной которой находились тогда в императорском дворце города Гослар желанные Советским Союзом архивы, предпочла решать сама, что делать с Таллинским городским архивом (поскольку собственностью Германии он никогда не являлся), однако много консультировалась с западногерманскими архивистами по поводу того, стоит ли отдавать в СССР архивы, относящиеся к территории Калининградской области. В итоге обмен не состоялся, а в 1952 г. советские власти передали значительную часть ганзейских архивов Германской демократической республике.

Всю историю послевоенного бытования ганзейских архивов и библиотечных рукописей и, в том числе, переговоров с британской военной администрацией пока восстановить сложно: в ней остается немало «белых пятен» и неясных моментов. Тем не менее, немалое число источников, которые имеются на этот счет прежде всего в Федеральном архиве Германии, Архиве внешнеполитического ведомства ФРГ, Архиве ганзейского города Любека, Государственном архиве Российской Федерации и Архиве внешней политики РФ, помогают сформулировать предварительные предположения относительно формальных и реальных целей вывоза ганзейских архивов, их фактического применения, целях советской стороны в рамках предложенного обмена и причинах провала переговоров.

Е.В. ПЧЕЛОВ

«ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ»

О СЕМАНТИКЕ И ПРАГМАТИКЕ ПРОЗВИЩ В РОДУ АНДРЕЯ КОБЫЛЫ

Хорошо известна антропонимическая традиция русского Средневековья, когда в пределах одной семьи или одного рода (на протяжении нескольких поколений) бытовали прозвища (некалендарные имена) одного семантического поля. Такого рода согипонимы могли относиться к совершенно разным категориям вещей или явлений. Их могли носить как родные братья (например, князя *Аксамит* и *Бархат* Ивановичи Мещерские, Михаил *Крюк* и Иван *Уда* Фёдоровичи Березуйские, Дмитрий *Берёза*, Семён *Осина* и Иван *Ива* Борисовичи, происходившие от рода галицких князей), так и отец и сын (Василий Тимофеев *Чулук* и его сын Иван *Чобот*), и целые «династии» (Семён Иванович *Трава*, его внук Иван *Осока* и правнуки Григорий *Пырей*, Иван *Отава* (остатки прошлогодней травы на пастбище), Василий *Вязель* (мышинный горошек), Семён *Дятелина* (клевер) и *Щавей* Тимофеев; в роду *Линёвых* встречаются прозвища *Сом*, *Окунь*, *Ёрш*, *Судак* и *Карась*). К числу последних относят и родичей Андрея Ивановича Кобылы, предка Романовых и других знаменитых дворянских родов.

Система прозваний в роду Андрея Ивановича *Кобылы*, действовавшего при московском дворе в середине XIV века, представляется весьма примечательной. Уже давно отмечена семантическая близость прозвищ самого Андрея Ивановича и его старшего сына, Семёна *Жеребца*. Антропонимическая логика здесь кажется вполне понятной. Другие же сыновья Андрея Ивановича носили прозвания иного семантического характера. Второй сын — Александр *Ёлко* (или *Ёлка*), что

вроде бы указывает на вид деревьев; третий сын — Василий *Ивантей*, прозвание которого могло означать второе его христианское имя (традиция хорошо прослеженная на отечественном материале, особенно, в работах А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского); четвёртый сын — Гавриил (Гаврило) *Гавша*, что представляет собой уменьшительную форму того же имени Гавриил; и, наконец, младший сын — Фёдор *Кошка*, который, собственно, и был предком Романовых. Таким образом, только два прозвания, старшего и младшего сыновей, носили животную семантику, в то время как у второго она отсылала к растительному миру, а у третьего и четвёртого прозвища означали христианские имена (причём у Гаврилы приведена просторечная форма его имени, которая была понята как особое прозвание).

Однако «конская» семантика в потомстве Андрея Кобылы продолжалась. В четвёртом поколении от Семёна Жеребца (согласно Бархатной книге, в других родословных встречаются другие варианты, на поколение меньше) встречаем Ивана Семёновича *Коновницу*, от которого пошёл известный род Коновницыных. Хотя точное значение этого слова неизвестно, можно предполагать в нём тот же корень «конь», что и, к примеру, в слове «коневник» (конный воин, конюх или конюшня). Иными словами, в роду Семёна Жеребца «конная» антропонимия не угасла. Но ещё более интересным представляется прозвище старшего сына Семёна Жеребца — Григория *Лодыги* (непосредственного предка Ивана Коновницы). Казалось бы, семантика его прозвания очевидна: лодыга — это лодыжка, определённая часть ноги. Но в своей новой работе, посвящённой лошадиным кличкам в документах монастырей Русского Севера, К.С. Худин и А.А. Богомазова приводят данные об именах лошадей из приходно-расходной денежной книги Ненокоцкой службы соляного промысла приказчика старца Макария Антониево-Сийского монастыря от 1659 года. И там среди конских прозвищ встречается «мерин рыж зовью Лодыга». Этот факт показывает, что прозвище Лодыга могло означать не просто лодыжку, а использоваться в качестве гиппонима.

Если это предположение допустимо применительно к прозвищам в роду потомков Андрея Кобылы, то получается, что категория «конских» антропонимов прослеживается на протяжении четырёх поколений, причём охватывает именно старшую ветвь потомков Андрея Кобылы: Андрей *Кобыла* — его старший сын Семён *Жеребец* — его старший сын Григорий *Лодыга* — его внук (или, по другим родословцам, сын) Иван *Коновница*. Возможно, и прозвище младшего брата Ивана Коновницы Василия *Обляза* также могло означать не «облезлого» человека, а облезлую лошадь (или мерина).

Показательно, что в следующем поколении потомков Семёна Жеребца «лошадиные» антропонимы исчезают. Сыновья Ивана Коновницы носили прозвания Александр *Слеза* и Василий *Греза*. Кроме некоторой семантической близости их отличает, прежде всего, созвучие — антропонимическая традиция также вполне характерная для средневекового русского именователя (в том же роду потомков Семёна Жеребца можно, к примеру, указать на двух родных братьев Данилу *Чечку* и Ивана *Шишку*).

Родословные также приписывают к родичам Андрея Кобылы Фёдора *Шевлягу*, родоначальника Мотовиловых, Грабежевых (Грабежовых), Воробиных и Трусовых. Шевляга означает клячу, и, возможно, семантика этого антропонима повлияла на родословную легенду о том, что Фёдор Шевляга был младшим братом Андрея Кобылы. Однако среди прозваний сыновей самого Фёдора «конские» антропонимы отсутствуют. Напротив, три сына Шевляги носят имена — Тимофей *Мотовило*, Кирилл *Вороба* и Нестер *Деревль*. Первые два прозвища относятся к процессу ткачества: мотовило и вороба — это приспособления для прядения, возможно, и деревль также представлял собой какую-то деревянную часть прядильного или ткацкого инструмента. Таким образом, имена братьев Шевлягиных относятся к категории согипонимических прозвищ, находящихся, впрочем, вне пределов «конской» антропонимии рода Андрея Кобылы.

М.А. РЯБОВА

ДЕЛОВЫЕ ПИСЬМА КУПЦОВ СОРАНЦО В ВЕНЕЦИАНСКОМ АРХИВЕ

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Деятельность венецианской торговой фирмы, организованной в виде семейного товарищества, или фратерны, братьями Донадо, Джакомо (Якопо), Пьеро и Лоренцо Соранцо, известна в первую очередь по двум ее счетным книгам, которые вошли в историографию под названиями *libro real nuovo* (1406–1434) и *libro real vecchio* (1410–1417), то есть «новая» и «старая книга большого формата» (ASV. Miscellanea Gregolin. В. 14). Гораздо менее изученным остается другой вид документов, связанных с активностью этого предприятия — а именно его деловая корреспонденция, включающая как оригиналы входящих, так и копии исходящих писем. Подобное упущение тем досаднее, что в целом в исторической науке обращение к данному типу источников получило серьезный импульс в середине XX в. с публикацией исследования П. Сарделлы (Sardella 1948), которое привлекло большое внимание благодаря его цитированию Ф. Броделем (Бродель 2003: 27–34; Mackenney 1990: 133) и открыло путь к их использованию для анализа скорости, путей и механизмов передачи информации и распространения новостей.

В последние десятилетия появился целый ряд интересных работ, решающих подобные задачи на венецианском материале, однако письма братьев Соранцо неизменно рассматривались в более традиционном ракурсе: практически не подвергая их специальному изучению, историки черпали из этих документов отдельные сведения экономического характера — например, Э. Аштор извлекал из них данные о ценах на различные виды восточных товаров (Ashtor 1983:

257, 547). К настоящему моменту самый глубокий анализ корреспонденции фратерны осуществил Дж.-К. Нам в своей монографии о средиземноморской торговле хлопком в позднее Средневековье, приложение к которой содержит транскрипции трех писем: двух адресованных Донадо Соранцо и одного на имя Пьеро Соранцо (Nam 2007: 494–502). Помимо всего прочего, в результате обращения к этим источникам ученый пришел к заключению, что сделки, совершавшиеся фирмой в Сирии, по своему объему значительно превышали отображенные в ее счетных книгах, поскольку участники фратерны действовали одновременно в качестве агентов других купцов, представлявших их интересы на удаленных рынках (Nam 2007: 123–124). Вывод Дж.-К. Нама со всей очевидностью демонстрирует, какое значение может иметь детальное сравнительное исследование бухгалтерских регистров и переписки братьев Соранцо для адекватного понимания масштабов их активности.

Главными факторами, затрудняющими изучение деловой корреспонденции фратерны, являются неудовлетворительная полнота этих документов (Lane 1944: 146) и их разбросанность по различным архивам и фондам. Точное число существующих писем Соранцо до сих пор неизвестно, поэтому актуальная задача состоит в том, чтобы обобщить и систематизировать те сведения о них, которые приводятся в историографии и в научно-справочном аппарате архивов (п теводителях, инвентарях, электронных информационных системах и интернет-ресурсах) либо были получены автором доклада в ходе собственных изысканий. Результатом такой процедуры должна стать реконструкция этого комплекса бумаг в его современном виде. Основная часть корреспонденции, дошедшей от братьев Соранцо, хранится в двух фондах Венецианского государственного архива (Archivio di Stato di Venezia): «Коллекции Грегolini» (ASV. Miscellanea Gregolin. V. 8, 13) и «Коллекции документов, не принадлежащих ни к какому архиву» (ASV. Miscellanea di carte non appartenenti ad alcun archivio. V. 8, 15). С бумагами фратерны из «Коллекции Грегolini» историки работали уже в первой половине XX в.: к ним обращался Ф. Лэйн, а Дж. Луццатто даже подготовил

транскрипцию ряда писем из бусты (папки) 8, к сожалению, оставшуюся неопубликованной (Lane 1944: 145–146). Что касается второго из упомянутых фондов, документы фирмы находятся в нем в двух архивных единицах, но если материалы восьмой бусты изучали Р.-А. Ботье и Э. Аштор в 1960–1980-е гг. (Bautier 1970: 295 et seq., 320; Ashtor 1983: 257, 547), то корреспонденция Донадо Соранцо, включенная в бусту 15, была введена в научный оборот лишь в диссертации Ф.-Ю. Морхе, защищенной им в 2013 г. и размещенной на сайте Гейдельбергского университета в 2020 г. (Morche 2013: 161–168). К настоящему моменту автору доклада пока не удалось ознакомиться с этими вновь обнаруженными источниками, однако самое общее представление об их содержании может дать публикуемая Ф.-Ю. Морхе таблица, в которой для каждого письма указаны имена отправителя и адресата, местонахождение того и другого, а также даты отправки и получения (Morche 2013: 162–164).

Помимо Венецианского государственного архива, единственными документами рассматриваемого фондообразователя располагают и другие институции, например Кембриджская университетская библиотека (The Cambridge University Library website. GBR/0012/MS Doc.4118) и Особые коллекции Университета Виктории (Канада, Британская Колумбия) (University of Victoria Special Collections and University Archives. CA UVICARCH SC577-2018-072). Несколько писем начала XV в., адресованных Донадо Соранцо, хранились в начале 80-х гг. XX в. в ливанской частной коллекции, и одно из них было опубликовано в каталоге выставки, организованной в 1982 г. в Париже под эгидой ЮНЕСКО (Nebbiai 1982: 102, 105). Определить полный список собраний, владеющих корреспонденцией фратерны, а тем более получить к ним доступ едва ли будет возможно в ближайшее время, однако изучение той части переписки, которая имеется в распоряжении автора, вне всякого сомнения способно существенно дополнить анализ бухгалтерских книг фирмы Соранцо, осуществляемый как в русле традиционных подходов к экономической истории, так и с применением методологии анализа социальных сетей (*social network analysis*).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Archivio di Stato di Venezia (ASV). Miscellanea di carte non appartenenti ad alcun archivio. B. 8, 15.
- ASV. Miscellanea Gregolin. B. 8, 13. Lettere Soranzo. B. 14. Libro real nuovo. Libro real vecchio.
- The Cambridge University Library website. ArchiveSearch. GBR/0012/MS Doc. 4118. — Электронный ресурс [URL: <https://archivesearch.lib.cam.ac.uk/repositories/2/resources/12676>, дата обращения — 31.01.2025].
- University of Victoria (Canada, British Columbia) Special Collections and University Archives. CA UVICARCH SC577-2018-072 — Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.uvic.ca/library/locations/home/spcoll/collections/medieval/doc-lat-7.php>, дата обращения — 31.01.2025]. DOI: 10.58066/vsjob-q963.
- Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Пер. с фр. М.А. Юсима. М., 2003. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги.
- Ashtor E.* Levant Trade in the Later Middle Ages. Princeton, NJ, 1983.
- Bautier R.-H.* Les relations des Occidentaux avec les pays d'Orient au Moyen Âge. Points de vue et documents // Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'océan Indien: Actes du huitième Colloque international d'histoire maritime (Beyrouth, 5-10 septembre 1966) / Présentés par M. Mollat. P., 1970. P. 263-331.
- Lane F.C.* Andrea Barbarigo, Merchant of Venice, 1418-1449. Baltimore, MD, 1944.
- Mackenney R.* Letters from the Venetian archive // Bulletin of the John Rylands Library. 1990. Vol. 72. Issue 3. P. 133-143. DOI: 10/7227/BJRL.72.3.10.
- Morche F.-J.* Profit and Commitment: Lorenzo Dolfin and the Commercial Family in Venetian Long-Distance Trade, c. 1399-1475. PhD thesis. University of Heidelberg, 2013 — Электронный ресурс [режим доступа: <http://un.uni-heidelberg.de/archiv/27656>, дата обращения — 31.01.2025]. DOI: 10.11588/heidok.00027656.
- Nam J.-K.* Le commerce du coton en Méditerranée à la fin du Moyen Age. Leiden, 2007.
- Nebbiai D.* Les rapports entre Venise et le Liban: une collection de lettres commerciales inédites du XVe siècle // Le livre et le Liban jusqu'à 1900. Catalogue d'exposition / Sous la dir. de C. Aboussouan. P., 1982. P. 98-108.
- Sardella P.* Nouvelles et spéculations à Venise au début du XVIe siècle. P., [1948].

Н.Б. СРЕДИНСКАЯ

АКТЫ ФЕРРАРЫ XII–XV ВЕКОВ

ОПЫТ ОПИСАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

В докладе предполагается раскрыть некоторые особенности описания актового материала XII–XV вв. для его публикации на примере вышедшего в 2024 г. издания «Акты Феррары XII–XV веков. Из архивов Санкт-Петербурга и Модены», подготовленного Е.В. Бернадской (1918–2004) и Н.Б. Срединской. Эта книга продолжает традицию издания актового материала средневековой Италии из собрания ученого и коллекционера «сказочного размаха», как называли его современники, акад. Н.П. Лихачева (1862–1936), сложившуюся в Институте истории Академии наук начиная с 30-х годов XX века. В книге объединены ранние документы известного феррарского рода Сакрати — две части некогда единого комплекса актов, ныне хранящиеся в Архиве СПбИИ РАН и Государственном архиве Модены.

Как известно, на пути от источника к публикации стоит такой важный этап, как составление аннотации, иначе называемой заголовком, описанием, легендой — итоговая часть работы исследователя над подготовленным к изданию текстом. При подготовке аннотаций или описаний для актов Феррары можно было опираться на достаточно богатую традицию, на такой образец, как предшествующие издания документов из собрания Н.П. Лихачева. Это «Акты Кремоны X–XIII вв.», «Акты Кремоны XIII–XVI вв.», «Итальянские коммуны XIV–XV вв.», «Акты Падуи XIII–XIV вв.». Так же, как в этих публикациях, основное описание предваряется (или заключается) кратким заголовком, указывающим хронологическую и локальную даты, а также суммирующее определение содержания договора, а именно то, что в римском праве назы-

валось *causa*, то есть причиной, целью, основанием заключения договора. Например, *contractus divisionis*. Далее следует полное описание: имена контрагентов, объект сделки, условия договора, иногда особые обстоятельства его заключения.

Отличием аннотаций к актам Феррары является не только то, что в заголовке указан архивный шифр документа (в предшествующих изданиях этого нет), но и то, что определение содержания документа дается и на латыни (на языке оригинала), и по-русски. В представляемой публикации латинское название в заголовке извлечено из текста документа и представляет собой «самоназвание» акта. Это позволяет подойти к основному содержанию документа, но в принятой современниками системе определений. По-русски же в кратком заголовке дано научное название, принятое в историографии.

Отличие и достоинство комплекса актов Феррары определены кругом деятельности фондообразователя. Это ростовщичество и извлечение доходов от сделок с землей, вследствие чего в сборнике присутствуют виды договоров, не встречавшиеся в других публикациях собрания Н.П. Лихачева — договоры займа, акты обращения взыскания на имущество несостоятельного должника, узус — специфически феррарский вид держания земли и др. Это обусловило необходимость составления описаний феррарских актов с наибольшей полнотой, с указанием всех особенностей формуляра документов.

Значительная часть актов опубликована полностью, что дает возможность их использования для самого широкого круга исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии наук СССР / Подг. к изд. С.А. Аннинского; под ред. О.А. Добиаш-Рождественской. М.; Л., 1937.
- Акты Кремоны XIII–XVI веков в собрании Академии наук СССР / Под ред. В.И. Рутенбурга, Е.Ч. Скржинской. М.; Л., 1961.

- Акты Падуи конца XIII–XIV в. в собрании Академии наук СССР / Сост. Е.Ч. Скржинская, А.М. Кононенко, В.И. Мажуга. Л., 1987.
- Акты Феррары XII–XV веков. Из архивов Санкт-Петербурга и Модены / Изд. подг. Е.В. Бернадская, Н.Б. Срединская. СПб., 2024.
- Итальянские коммуны XIV–XV веков. Сборник документов из Архива Ленинградского отделения института истории АН СССР. М.; Л., 1965.

Л.Б. Сукина

РУССКИЙ ЛИЦЕВОЙ СИНОДИК КАК ОБЪЕКТ КОМПЛЕКСНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Русский средневековый Синодик, несмотря на большое количество дошедших до нас списков разных редакций и возобновление в последнее время существовавшей в XIX – начале XX в. и прерванной в 1920-е гг. традиции их комментированных публикаций, относится к числу источников, все еще недооцененных историками. У этого есть множество причин, и главной из них, на наш взгляд, выступает сложность источниковедческих процедур, с которыми сталкивается исследователь каждой конкретной рукописи, и неочевидная продуктивность итоговых результатов его работы. Чаще всего Синодики используют в генеалогических и ономастических исследованиях (см., например, недавние публикации С.Ю. Шокарева и Ф.Б. Успенского), для изучения коммеморационных практик (Steindorf 1994) и организации жизни монастырей (Николаева 2009), но информационный потенциал данных рукописных книг значительно богаче. Они представляют собой ценный ресурс для культурной истории и исторической антропологии. Мы попробуем это показать на материале одной, но при этом довольно многочисленной группы Синодиков, которую составляют их лицевые списки XVII века. Сохранились десятки подобных рукописей, находящихся в различных библиотечных (НИОР РГБ, ОР РНБ, НИОР БАН, Пушкинский дом и др.), музейных (ГИМ, ГТГ и др.) и архивных (РГАДА и др.) собраниях, частных коллекциях.

Иллюстрировать Синодики начали в середине XVII в., при этом, как правило, снабжая их большим количеством миниатюр. К этому времени Синодик уже приобрел форму позднесредневековой многофункциональной книги, использовавшейся как для церковной коммеморации, так и для благочестивого чтения (коллективного и индивидуального). Нравственно-учительная функция Синодиков исследована историками литературы (Петухов 1895, Дергачева 1990, 2011). Следует отметить также многочисленные статьи и тезисы докладов О.А. Белобровой, в части из которых рассматривались, в том числе, и лицевые рукописи. Во многих крупных хранилищах рукописных книг в настоящее время ведется работа по научному описанию Синодиков. Но комплексному исследованию синодичных кодексов как целостных объектов специалисты в области русской средневековой книжности пока внимания не уделяли. Многие лицевые экземпляры Синодиков, как и не иллюминированные списки, объединяли под одним переплетом предисловие, состоящее из догматических и литературных отрывков, и список имен поминаемых. Но сохранилось и немало рукописей, состоящих только из литературного сборника с сильно сокращенными текстами и иллюстраций к ним. Все они представляют собой результат (разной степени качества) совместной работы художников-миниатюристов и писцов, а в случаях, когда в рукопись включался помянник, и синодичных монахов, делавших записи о поминании. Поэтому для корректных наблюдений и выводов об источниковом потенциале лицевых синодиков необходимо исследовать все значимые для оценки их содержания и смысла элементы: и тексты, и изображения.

Конечно, лицевой Синодик, наряду с другими иллюминированными рукописными книгами Средневековья, нужно рассматривать, в первую очередь, как художественное явление. Он формировался в последний период расцвета русской средневековой культуры. Тексты его предисловий лишь в небольшой степени использовались для церковных служб. Поэтому сам набор составлявших предисловия отрывков сочинений различных жанров формировался достаточно произвольно, и его состав зависел от желания заказчика и/или

писца-составителя (часто последних было несколько). В это время иллюминированные книги создавались как в скрипториях Оружейной палаты и Посольского приказа, так и в книгописных мастерских крупных монастырей (к примеру, Троице-Сергиева и ярославского Спасо-Преображенского), и многочисленными художественными и ремесленными артелями иконописцев и миниатюристов, работавшими в Москве и в других городах. В рамках одного иллюстративного цикла могли использоваться различные стили и приемы, как традиционные для русского средневекового искусства, так и заимствованные из западноевропейской художественной культуры Ренессанса и барокко. Изучение методов составления и иллюстрирования синодичных предисловий дает богатый материал для исследования книгописного дела в допетровской России: работы писцов, художников, редактуры, в том числе, переводных текстов. Такой подход был, в частности, использован нами в одной из недавних работ (Сукина 2023: 349–366).

Источниковедческий интерес представляет не только литературная и художественная специфика лицевых Синодиков, но и другие аспекты изготовления и функционирования этих рукописей, которые выявляются в процессе их комплексного изучения. Многие из синодичных кодексов служили вкладками в церкви и монастыри. Некоторые сохранили вкладные записи, что позволяет сделать наблюдения, важные для исследования проблемы взаимоотношений заказчиков и создателей иллюминированных рукописей, участия каждой из сторон в определении основной тематики предисловий и ее сюжетной разработке, а также ставить вопросы о распространении в различных социальных группах определенных взглядов на спасение души и связанных с ними мотивов нравственного поведения. Изучение состава помянников лицевых Синодиков демонстрирует связь тематики их литературных иллюминированных предисловий с социальной структурой церковных и монастырских вкладчиков. Это не случайное явление, так как предисловие читали на общих трапезах, и его должны были составлять тексты, учительное содержание которых было адресовано, в первую

очередь, тому кругу слушателей, от коего ожидали наиболее щедрых и регулярных пожертвований. Сами помянники иллюстрировались крайне редко. Появление в них миниатюр было связано с исключительными задачами, которые стояли перед заказчиками и создателями этих рукописей (подчеркнуть связь конкретного монастыря с вкладчиками из царской семьи, роль почитания местных святых в росте количества вкладов и т.п.).

Таким образом, комплексное источниковедческое исследование лицевых Синодиков позволяет получить ту информацию, которая при одностороннем подходе ускользает от внимания историков. Работа с этими рукописями кроме источниковедческих навыков требует определенных искусствоведческих и филологических знаний и соответствующего исследовательского опыта. Но такой подход к материалу открывает путь более глубокого понимания русской позднесредневековой книжности, культуры этого времени и некоторых специфических сторон социальной сферы жизни людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дергачева И.В.* Древнерусский Синодик: Исследования и тексты. М., 2011.
- Дергачева И.В.* Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV–XVII веков (на материале Синодика). München, 1990.
- Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009.
- Петухов Е.В.* Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895.
- Сукина Л.Б.* Иноземные притчи в предисловиях лицевых Синодиков: особенности вербального и визуального перевода // Переводы и переводчики в России до начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. М., 2023. Вып. 3. С. 349–366.
- Steindorf L.* Memoria in Altrussland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994. (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa. Bd. 38).

Т.Н. ТАЦЕНКО

ПИСЬМА ГЕРЦОГА ВИЛЬГЕЛЬМА V БАВАРСКОГО К МИНУЧЧИО МИНУЧЧИ В АРХИВЕ СПБ ИИ РАН

Герцог Вильгельм Баварский (1548–1626), князь из династии Виттельсбахов, был самым крупным и деятельным католическим государем эпохи конфессионализации, действовавшим в духе постановлений Тридентского собора по обновлению католической церкви или, как формулировали протестанты, в духе контрреформации. Воспитанный иезуитами, прекрасно образованный в области теологии и языков, Вильгельм был не только глубоко верующим, преданным Церкви человеком, но еще и талантливым политиком.

Адресат его писем — итальянец Минуччио Минуччи (*Minuccio Minucci*, лат. *Minutius de Minutjis*) (1551–1604), происходил из патрицианского рода небольшого города Серравалле (*Serravalle*) в Пьемонте. Минуччи учился в Падуанском университете, который окончил со степенью доктора обоих прав (канонического и гражданского) и с 1573 г. служил при Папской курии, получил духовный сан и последовательно поднимался по служебной лестнице: секретарь, апостольский протонотарий, секретарь в *Congregatio Germanica*, государственный секретарь Римской курии. При этом, с 1584 г. Минуччи обладал должностью тайного советника баварского герцога Вильгельма V, а в 1587 г. стал агентом герцога при Папском престоле.

Выявленные недавно в Западноевропейской секции Архива СПБ ИИ РАН примерно 60 подлинных писем герцога Вильгельма к Минуччио Минуччи (колл. 25, карт. 416, №№ 15–

65, карт. 417, №№ 1–12) были приобретены Н.П. Лихачевым в период до 1914 г. в одном из немецких или итальянских антикварных фирм. Письма обнимают период с 1588 по 1603 г. и представляют собой единый комплекс — случай исключительный для немецких документов начала Нового времени в отечественных собраниях, где они носят разрозненный характер.

Письма, каждое от 2 до 4-х лл. *in folio*, написаны на латинском языке, профессиональными писцами, прекрасным канцелярским гуманистическим курсивом, декоративный эффект которому придают каплевидные или «грушевидные» утолщения верхних, а зачастую и нижних выносных (так называемая *scrittura testeggiata*). Все письма содержат подлинную подпись герцога Вильгельма, а иногда и его собственноручные вставки. Сохранились оттиски малой герцогской печати под бумажной кустодией, скреплявшие послания.

Язык писем — гуманистическая латынь — богатый и сложный, стиль выражения мыслей обтекаемый и образный: ничто не выражается прямо. Имена, как правило, не называются, но скрыты под определенными обозначениями, например, только самые узнаваемые: папа Сикст V — *Montaltus*, епископ Юлий Вюрцбургский — *Herbipolensis*, архиепископ Кёльнский Эрнст — *frater elector*. Письма носят конфиденциальный характер, они содержат конкретные поручения Минуцию по лоббированию в Римской курии интересов католической церкви в Германии, получению инсайдерской информации в папстве, но также имеют и сообщения в курию о ситуации в Германии. В каждом письме содержится, как правило, несколько различных поручений. Характерно, что в начале письма отсутствует обращение к адресату, как в немецких письмах герцога Баварского. Здесь он переходит прямо к содержательной части, употребляя вводные фразы вроде: *Pro certo ad nos scribitur ...* / Нам как о верном пишут, что... (416/23, 1589, октября 25). Обращаясь в письме к адресату, Минуцию, герцог неизменно называет его в соответствии с саном «Ваша досточтимость». Неоднократно повторяемое в каждом письме, это обращение повсюду неизменно написано в сокращенном виде: *R[everen]tia V[est]ra*.

В письмах находят отражение важнейшие явления контрреформационной политики баварского герцога в Германии и за ее пределами. В центре стоят проблемы обновления католической церкви в Германии. Для создания нового поколения крепких в вере и преданных делу церкви священников с помощью иезуитов основывались семинарии, например, в Фульде и Регенсбурге. Им приходилось преодолевать многообразные препятствия, в том числе из-за недостатка средств. Так, в письме от 18 марта 1588 г. (416/16) герцог пишет об учрежденной папой Григорием XIII в Фульде в 1584 г. семинарии для 40 мальчиков из знатных и 60 мальчиков из бедных семей, на содержание которой из папской казны должно было ежегодно выделяться 1800 золотых скудо (*scutatos aureos*). Между тем с финансированием семинарии в курии теперь возникли проблемы. Герцог поручает Минуциусу убедить Св. Престол в острой необходимости продолжения финансирования семинарии.

В поле зрения герцога Вильгельма постоянно находятся кадровые вопросы в высшей иерархии католической церкви в Германии. Например, он радуется о получении кардинальского сана для епископа Юлия Вюрцбургского, духовного князя империи, ревностно проводившего контрреформацию во Франконии, но имевшего очень резкий характер и поэтому много врагов даже среди католического клира. В письме от 15 февраля 1590 г. (416/32) герцог поручает Минуцию посодействовать продвижению в курии Юлия Вюрцбургского, который, по мнению герцога, может иметь шансы, так как папа Сикст V и кардинал Людовико Мадруццо (*Ludovico Madruzzo*), председатель *Congregatio Germanica* в Риме, могли бы быть заинтересованы в сильном кардинале в Германии.

Чтобы исключить переход немецких епископств в руки протестантов, баварский герцог стремился зарезервировать за своими младшими сыновьями Филиппом и Фердинандом сан епископа в будущем. Это было не только частью политики контрреформации, но и способствовало укреплению сфер власти династии Виттельсбахов в империи. Путь к епископскому посоху лежал через членство в капитулах епископских центров. В письме от 1 апреля 1588 г. (416/17) герцог поручает

чает Минуцию поспособствовать получению 11-летним сыном Фердинандом канониката в Пассау: *Vellemus nostrum filium Principem Ferdinandum habere Canonicatum Patauiæ*. Но в капитуле нет свободной вакансии. Тогда герцог поручает Минуцию уговорить одного из немецких стипендиатов в *Collegium Germanicum* в Риме уступить свое место в соборном капитуле в Пассау сыну. Взамен этого, как сказано в письме, герцог обещает позже поспособствовать предоставить стипендиату место в соборном капитуле Фрейзингена или любом другом. К этому времени другой сын герцога Вильгельма, 12-летний Филипп, уже был кандидатом на должность епископа Регенсбургского. Проявление пре-реформационных церковных злоупотреблений в Баварии было замечено в Риме и вызывало нарекания. Однако, герцог находил оправдание своим действиям. В письме к Минуцию от 6 апреля 1590 г. (416/40) он писал: «Удивляемся, что понтифик порицает одновременное членство наших сыновей в капитулах многих епископств. Это свидетельство незнания положения дел в Германии (*miramur vero Pontificem pluralitatem Canonicatum filiorum exprobrare. est indicium ignorantie rerum Germanicarum*)».

В сфере интересов Вильгельма V была и контрреформационная политика в европейском масштабе. Так, он пристально наблюдал за событиями религиозных войн во Франции. На рубеже 1580-х и 1590-х гг. это была борьба Генриха Наваррского, главы французских гугенотов, против католических сил Франции, которую поддерживали Габсбурги и папство. В письмах Минуцию Вильгельм Баварский неоднократно сообщает для передачи в курию сведения о вербовке немецких наемников для поддержки Генриха Наваррского в Саксонии (25 октября 1589 г., 416/23), Гессене и Брауншвейге 2 марта 1590 г., 416/35). К письму от 29 декабря 1589 г. (416/26) прилагается записка о походе лотарингцев против конных отрядов немецких князей, поддерживавших герцога Наваррского, для передачи понтифику, при этом герцог с сокрушением упоминает о зверствах против мирного населения во время военных действий в Лотарингии и Эльзасе.

Выше были приведены только отдельные примеры того, что может сообщить недавно выявленный подлинный источник в Архиве СПБНИИ РАН.

Чрезвычайно насыщенные по содержанию письма Вильгельма Баварского своему агенту в Риме могут дать работающему в условиях недостатка оригинальных источников отечественному исследователю новый материал не только по истории Германии в конфессиональную эпоху, но и других европейских стран, а также Римской курии.

О.И. ТОГОЕВА

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИИ ПРАВА

**АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ
И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Доклад предполагается посвятить одной из насущных источниковедческих проблем современной медиевистики — иконографическому повороту в истории средневекового права, подразумевающему активное использование в рамках данной дисциплины изобразительных источников (миниатюр, рисунков, маргиналий). В докладе будет подробно освещено актуальное состояние историографии по данному вопросу, а также обрисованы основные проблемы, которые можно решать при сочетании различных типов источников — письменных и иконографических, особенно в тех случаях, когда они явно или неявно противоречат друг другу.

Данная тема представляется актуальной прежде всего потому, что первые конкретные шаги в изучении правовой средневековой иконографии были сделаны лишь с началом XXI века, несмотря на то, что о необходимости иконографического поворота в исторических исследованиях в целом заговорили еще столетие назад. Тем не менее, в том, что касается строго истории права, соответствующие публикации до сих пор выходят из-под пера искусствоведов, филологов или литературоведов, но отнюдь не историков-медиевистов. Как следствие, во многих случаях анализ содержания изображений правового характера подменяется их описательностью.

Автором доклада будет предложен иной подход к иконографическому материалу, связанный прежде всего с отка-

зом от его изучения лишь в качестве «иллюстраций» к тексту того или иного письменного источника, к которому он формально прилагается. Один из вариантов изучения средневековых миниатюр и маргиналий правового характера видится автору в возможности связать их содержание с современными им или более ранними религиозными представлениями людей Средневековья, отражение которых находится в сводах канонического права, авторских трактатах, популярной житейной литературе. Как следствие, в докладе будет представлен ряд конкретных примеров, демонстрирующих эту связь: от единичных изображений до серий миниатюр, так или иначе отсылающих к трудам канонистов, теологов, а также непосредственно к библейским текстам. Подобное сопоставление, по мнению автора доклада, позволит исследователям лучше понять как общие основы средневекового правосознания, так и их индивидуальные трактовки, находящие выражение в том числе в иллюстрациях к правовым и неправовым кодексам.

О.Э. ФРОЛОВА, О.В. СУББОТИНА

ДЛЯ ДВУХ КОРОЛЕЙ: УНИКАЛЬНЫЙ РАННЕТЮДОРОВСКИЙ МИССАЛ (1508) ИЗ ФОНДОВ РНБ

ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ
В ЕВРОПЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Среди нескольких десятков миссалов (ок. 40 экз.), вышедших в свет на территории Западной, Центральной и Восточной Европы в первой половине XVI в. и хранящихся в иностранном книжном фонде Российской национальной библиотеки (РНБ), только два относятся к Сарумскому узусу и, соответственно, имеют отношение к Англии. Один из них, формата фолио, вышедший в свет 27 апреля 1508 г. в Лондоне, является уникальным, сохранившимся в единственном полном экземпляре: *Missale s[e]c[un]d[u]m usum insignis ecclesie sa[rum]. London[i], impensa magistri Wynandi de worde, 1508*. Впервые он был введен в научный оборот в 2011–2012 гг. в статьях об изданиях одного из первых английских печатников Уинкина де Уорда (?–1534) в собрании РНБ (Фролова 2011; Frolova 2012). По результатам этих публикаций миссал был внесен в главную электронную базу книг, напечатанных на территории современного Соединенного Королевства, бывших колоний Британской империи и других стран, *English Short Title Catalogue* (ESTC, S93685). Уже тогда было очевидно, что этот экземпляр требует дальнейшего тщательного изучения.

Известно, что в Оксфорде, в библиотеке *Corpus Christi College*, хранятся фрагменты четырех листов из аналогичного миссала, эти листы были в свое время учтены в STC (*A short title catalogue* 1975: 83, №16182a.5) — печатном каталоге, во-

шедшем позже в состав ESTC. Среди них есть и фрагмент колофона, в котором дата издания (27 апреля) не видна полностью. Видна только цифра XX, а VII отсутствует. По этой причине в ряде исследований фигурирует миссал, вышедший в свет 20 апреля 1508 г. (Benett 1952: 258). Сравнение указанного фрагмента с колофоном экземпляра РНБ показало их полную идентичность и позволило сделать вывод, что миссала, выпущенного 20 апреля 1508 г., не существовало.

Экземпляр из собрания РНБ снабжен переплетом XIX в. с гербовым суперэклибрисом Императорской Публичной библиотеки на корешке, там же вытиснена неверная дата издания: 1555-й год. Этим обстоятельством объясняется столь поздняя его идентификация. Фолиант имеет великолепную сохранность, он полный, напечатан черно-красным готическим шрифтом, часть инициалов — рукописная. В начале и в конце книги, на пустых листах, есть записи на латыни, сделанные почерком XVI в. и представляющие собой тексты различных молитв. Особое значение для идентификации этого издания имел колофон, поэтому мы приведем его полностью:

Anno incarnationis dominice quingentesimo octavo supra milesimum die vero. xxvii. mensis aprilis Impensa magistri wynandi de worde mercatoris: hoc egregium opus sacri missalis ad usum famose ac percelebris ecclesie Saru[m]: nuper instant ac peruigili cura visum/correctum/et eme[n]datu[m] est venale facile precio coram cunctis productum est et exhibitum. London[ii].

Таким образом, очевидно, что миссал был напечатан на средства Уинкина де Уорда и продавался в Лондоне.

Однако в процессе изучения изданий литургических книг Сарумского узуса как по различным справочникам и базам данных, так и по научным публикациям, выяснилось, что в этот же день (27 апреля 1508 г.) был издан еще один миссал идентичного формата на средства двух руанских книгопродавцев: Жана Увена (1498–1525) и Гийома Бернара (1491–1521) — *Missale s[e]c[un]d[u]m usum insignis ecclesie saru[m]. [Paris: A. Verard] imp. I. huyn et G. bernard [Rouen], 1508*. В создании этого миссала также принимал участие знаменитый

парижский издатель Антуан Верар (? – ок. 1512). Его имя встречается только на бандероли, обвивающей средний элемент буквы М в слове *Missale* на титульном листе (то же самое и в экземпляре РНБ). Этот редкий миссал можно найти только в двух библиотеках. Во-первых, в университетской библиотеке Дарема в Англии (на л. 70 и 75). Мы сравнили их с соответствующими листами из миссала РНБ, получив полное совпадение, за исключением вписанных синей краской инициалов, которые есть только в петербургском экземпляре. Второй книжный памятник, не совсем полный, но с колофоном и гравюрами, хранится в Бодлианской библиотеке (к сожалению, он недоступен для просмотра). Тем не менее, было найдено его полное библиографическое описание с воспроизведением колофона в монографии Эдуарда Фрера, французского книгопродавца, архивиста, типографа и историка руанского книгопечатания (Frère 1867: 25). И если сравнить данный колофон с экземпляром РНБ, то получается, что тексты в них очень близки, за исключением двух слов, а также имен собственных и отличий в сокращениях, но самое главное — в Бодлианском экземпляре не упоминается место издания *London*[ii]. Эти обстоятельства позволили в свое время зафиксировать еще в STC (A short title catalogue 1975: 83), что экземпляр *Corpus Christi College* (значит, и РНБ) и экземпляр Бодлианской библиотеки представляют собой разные выпуски одного и того же издания, напечатанные соответственно в Лондоне и Руане разными печатниками и на разные средства. Полагаем, что это очень редкий случай в издательской практике того времени. Конечно, в первой половине XVI в., особенно во Франции были распространены так называемые *éditions partagées* (совместные издания), когда несколько типографов и/или книгопродавцев вкладывались в подготовку и печать книги, соответственно встречаются экземпляры одного и того же издания, отличающиеся между собой только издательскими марками. Но обычно в этом случае место издания было идентичным.

В нашем случае в руанском и лондонском вариантах одно и то же количество страниц и, по-видимому, одинаковые иллюстрации. Доказательством этому является его полное

описание, представленное на страницах «Британской топографии» Ричарда Гофа (1735–1809), английского антиквара, где он перечисляет, в том числе, и гравюры (Gough 1780), о которых также хотелось бы сказать несколько слов.

Очевидно, что ксилографии имеют отношение к Антуану Верару, который, вероятно, снабдил издателей гравировальными досками. Об этом свидетельствует, в том числе, его имя на титульном листе. Именно поэтому STC в выходных данных Бодлианского экземпляра указывает не только Руан, но и Париж, а также Верара в качестве участника издательского проекта. Полагаем, что это в полной мере относится и к экземпляру РНБ, который также является результатом сотрудничества между лондонцем Уинкином де Уордом и парижанином Антуаном Вераром. В миссале из РНБ шесть больших иллюстраций, первая из них, Св. Георгий, убивающий дракона, находится на титульном листе. Четыре другие гравюры изображают Мессу Св. Григория, Воскресение Христова, Распятие апостола Андрея и Собор Святых. Однако наибольший интерес представляет гравюра Распятие, оттиснутая на пергаменном развороте, вплетенном в бумажный фолиант. Помимо редкой иконографии, не менее любопытны и записи на этих листах, связанные с фигурами двух европейских монархов той эпохи. В канон мессы миссала помещены молитвы за короля Генриха VII Тюдора. Однако имя короля полустерто и сверху пером написано имя шотландского правителя Якова V. Произвел ли эти изменения сам Верар, готовивший это издание для первого Тюдора, который вскоре умер, и решивший впоследствии преподнести его юному королю Шотландии или кто-то другой? Пока это остается загадкой.

БИБЛИОГРАФИЯ

Фролова О.Э. Английские издания первой половины XVI в. в Российской национальной библиотеке: книги из типографии Уинкина де Уорда // Книга. Исследования и материалы. М., 2011. Сб. 94/2. С. 151–163.

A short title catalogue of books printed in England, Scotland, and Ireland and of English books printed abroad. 1475–1640. 2nd ed. L., 1975. Vol. 2.

Benett H.S. English books and readers 1475 to 1557. Cambridge, 1952.

Frère E. Des livres de liturgie des églises d'Angleterre (Salisbury, York, Hereford) imprimés à Rouen dans les XVe et XVIe siècles. Rouen, 1867.

Frolova O. Sixteenth-century English books in the National Library of Russia: the editions published by Wynkyn de Worde // Studies in variation, contacts and change in English. Helsinki, 2012. Vol. 9. Western European manuscripts and Early Printed books in Russia: Delving into the collections of the libraries of St. Petersburg. — Электронный ресурс [режим доступа: <https://varieng.helsinki.fi/series/volumes/09/frolova/>, дата обращения — 30.01.2025].

Gough R. British topography. Or, an historical account of what has been done for illustrating the topographical antiquities of Great Britain and Ireland. L., 1780. Vol. 2.

Р.Е. ХАРЬКОВ

«ГЕРБОВНИК ИНГЕРАМА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

«Гербовник Ингерاما» (*Hans Ingerams Wappenbuch, Ingeram Codex*), хранящийся в Венском художественно-историческом музее (Kunsthistorische Museum Wien Inv. Nr. A 2302), давно известен геральдистам, он был проанализирован крупными исследователями, но не все вопросы привлекли их внимание. Среди них — в какой степени гербовник полезен исследователю в его нынешнем состоянии? Каков его потенциал? Почему он дошел до нас именно в такой форме?

Кодекс в кожаном переплете с узкой декоративной полосой по краю и датой «1459» с семейным гербом И. Котты в центре, состоит из 142 листов бумаги с пагинацией. Изображенные в нем гербы сгруппированы по шесть, четыре и три на стороне листа. Для важных особ исполнены отдельные гербы на странице.

При последней переработке-реставрации листы были обрезаны до единого размера. Новая пагинация была выполнена черными чернилами. Однако это противоречит последовательности гербов и старой пагинации римскими цифрами красновато-коричневыми чернилами, которая датируется XV в., но и она, скорее всего, основана не на оригинальном порядке листов. Основываясь на старой пагинации, исследовавшие гербовник Ш. Бехер и О. Гамбер при публикации объединили гербы в новом порядке (Becher, Gamber 1986: 14) и различают шесть частей, впрочем, и этот вариант встретил критику.

Суть в том, что кодекс состоит из работ двух авторов, которые были объединены еще в XV в. Это видно по стили-

стическим характеристикам и по используемой бумаге. Один из этих авторов условно именуется «Мастер Примеров» (*Master Exempla*). Он следовал шаблону, представляющему должности и достоинства Священной Римской империи в порядке, возможном только после Золотой буллы Карла IV 1356 г. Все остальные листы имеют водяные знаки, в основном варианты головы быка, характерной для бумаги Констанца, а их автором называют Ганса Ингерара. Он именуется себя создателем гербовника и идентифицируется в одном из портретов гербовника.

Мастера Ганс Ингерар в 1452–1459 гг. и «Мастер Примеров» в 1452–1458 гг. почти одновременно создали гербовники, посвященные герцогу Альбрехту VI, заказчику и первому владельцу обеих работ. После смерти герцога они перешли его брату, императору Фридриху III. С королем Чехии и Венгрии Владиславом Ягайло связывают коронованную литеру «W» — она показывает, что кодексы находились и в его собственности. Вероятно, он захватил их у своего предшественника Матиаша Корвина, который, скорее всего, получил их при захвате Вены в 1485 г. Владельческий знак выполнен теми же красными чернилами, что и пагинация римскими цифрами. Таким образом, можно предположить, что гербовники были объединены в общий кодекс после 1490 года.

О возможном местонахождении говорят два поздних герба: кардинала-легата на Регенсбургском рейхстаге Гаспаро Контарини и его брата Франческо. Сопроводительный текст относится к рейхстагу, поэтому можно предположить, что ок. 1541 г. кодекс находился в Регенсбурге. Это последние добавления гербов. В начале XIX в. кодексом владел издатель И. Котта. Последним частным владельцем был Г. Хёфлингер, у которого Венский художественно-исторический музей приобрел рукопись в 1971 году.

Таким образом, «Гербовник Ингерара» имеет двух авторов и различия между авторами видны сразу. Но тогда возникает вопрос — по какой причине были объединены эти гербовники? Задумывалось ли это изначально? И главный, по моему мнению, вопрос — рассматривать их по отдельности, как два самостоятельных гербовника или же вместе? Это

были два постоянно работавших друг с другом мастера или коллектив под руководством герольда?

При хорошей сохранности источника и известности авторов можно было бы рассматривать это как единичный случай, казус, но это не так. В зависимости от акцентов исследования могут быть «разделены» и другие гербовники, как состоящие из изначально разных рукописей, достаточно протяженные по времени составления и своеобразные по своей структуре. Вряд ли подобное действие можно осуществить без ущерба в передаче смысла источника.

Добавим, что у авторов «Гербовника Ингерарама» существовали и другие произведения, которые относительно хорошо сохранились и по которым можно попытаться условно восстановить части «Гербовника Ингерарама» в их первоначальном виде. Я говорю о «Берлинском гербовнике» (*Berliner Wappenbuch*), составленном ок. 1460 г. Он включает 951 герб и представляет собой сохранившиеся части более обширного гербовника и частично выполнен одним из художников «Гербовника Ингерарама». Однако, думаю, что он был выполнен при участии обоих авторов, так как имеются листы, практически идентичные *Master Exempla*, и очень напоминающие руку самого Ингерарама, однако подтверждающих это исследований пока нет.

Мною был обнаружен еще один неисследованный гербовник, который предположительно принадлежит руке одного из авторов кодекса — «Германский гербовник» (*German Armorial*), созданный предположительно в 1447–1449 гг., то есть одновременно или чуть раньше «Гербовника Ингерарама» и хранящийся в Библиотеке Ламбетского дворца в Лондоне (*Lambeth Palace Library, London, MS774*). Его 341 герб — это гербы Священной Римской империи, Восточной Европы и Скандинавии. Он, по-видимому, выполнен рукой *Master Exempla*. Вероятно, при участии Ингерарама был создан «Санкт-Галленский гербовник Хаггенберга» (*Wappenbuch von St. Gallen, Haggemberg's Wappenbuch*), по крайней мере, его последняя часть. Как взаимосвязаны все эти гербовники? Эти работы Ингерарама и *Master Exempla* никогда не сравнивались, в поле зрения исследователей остается один объединенный

кодекс И. Котты, в то время как остальные гербовники практически неизвестны.

Наконец, есть еще один аспект — «Гербовник Ингерара» посвящен Турнирным обществам Священной Римской империи, для исследования которых материал гербовников незаменим. В «Гербовнике Ингерара» и на фреске в Гейдельбергском соборе есть гербы Общества «Осла», младшим герольдом которого был Ганс Ингерар. Доныне «Гербовник Ингерара» является одним из самых значительных источников, связанных с этими обществами, и он единственный упорядоченный именно по ним. Именно в этой области я считаю исследовательский потенциал Гербовника Ингерара наиболее перспективным.

«Гербовник Ингерара» уникален даже среди геральдических источников. Мы имеем дело не с одним гербовником, а с двумя разными, обладающими самостоятельной ценностью гербовниками, выполненными разными авторами, позднее объединенными в один, незаменимый по представленному кругу лиц и их объединению в Турнирных обществах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Becher C., Gamber O. Verwandte Artikel zu Die Wappenbücher Herzog Albrechts VI. von Österreich // Die Wappenbücher Herzog Albrechts VI. von Österreich: Ingeram-Codex der ehem. Bibliothek Cotta. Böhlau; Wien, 1986.

Д.А. ХИТРОВ

О ЗНАЧЕНИИ КАРТ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕГО АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Как известно, реконструкция административных границ, существовавших в России в XVI – первой половине XVIII века, — сложная, до сих пор не вполне решенная наукой задача. А.А. Фроловым было сделано многое для разработки общих подходов к ее решению, связанных с локализацией топонимии писцовых книг и иных хозяйственных описаний XV–XVII вв., и для практического решения этой задачи, прежде всего, применительно к Северо-Западу России.

Для более позднего времени, эпохи накануне губернской реформы Екатерины II, задача создания подобной карты может быть решена с опорой на памятники ранней русской картографии. Проблема в том, что русская картография в это время переживала этап становления, полевых работ проводилось немного, и большинство карт XVIII в. отражают уже «новое», созданное губернской реформой, деление. Тем не менее, исследователями выявлено несколько комплексов карт XVIII века, на которых, с разной степенью детальности и точности, показаны «старые» уездные границы, многие из которых восходили к глубокой древности.

Во-первых, это ландкарты второй – третьей четверти XVIII века, созданные в ходе работ по созданию первого Атласа всероссийской империи (так называемые карты «сенатских геодезистов»). Большинство из них создано в конце 1720-х – 1730-х годов. Во-вторых, это межевые карты и пла-

ны, которые начинают появляться с середины XVIII столетия и становятся многочисленными с началом Генерального межевания в 1765 году. Хотя большинство из них не обладали математической основой (что, строго говоря, делает довольно условным их определение как карт), эти карты были огромным шагом вперед с точки зрения картографической изученности территории страны. Хотя ранние межевые работы происходили одновременно с составлением поздних ландкарт, они представляли совершенно разные картографические традиции, и их имеет смысл рассматривать обособленно. В-третьих, это карты и атласы, возникшие уже в ходе проведения губернской реформы; некоторые из них также отображают «старое» деление.

Основной корпус таких карт был выявлен и описан в 1980-х гг. В.М. Кабузаном (Кабузан, 1981). Ему, однако, остались недоступными памятники, вывезенные во Францию Ж. Н. Делилем и находящиеся ныне в парижских коллекциях; кроме того, за прошедшие десятилетия было введено в научный оборот некоторое количество карт из российских хранилищ, оставшихся неизвестными ученому.

В докладе будет разобран вопрос о составе имеющейся сейчас в распоряжении исследователей коллекции, ее территориальном покрытии и возможностях для реконструкции границ, которые она дает.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кабузан В.М. Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720–1770 гг. // Историческая география России XVIII в. / Отв. ред. В.И. Буганов. М., 1981. С. 45–56.

О.И. ХОРУЖЕНКО

**ПРИПРАВОЧНАЯ КНИГА
МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УЕЗДА
1587/88 ГОДА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ ДВОРА
КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ШЕМЯЧИЧА**

В отношении владельческой принадлежности Малоярославца в первой четверти XVI века в литературе присутствует некоторая недосказанность. М.Н. Тихомиров утверждал, что литовскому выходцу князю Василию Ивановичу Шемячичу, внуку Дмитрия Юрьевича Шемяки, Малоярославец был только обещан, но фактически не передан (Тихомиров 1962: 48). А.А. Зимин назвал это утверждение недоразумением (Зимин 1988: 139). Он обратил внимание на летописное известие, которое называет Ярославца и Кременец «Васильевскими городками Шемячича» (ПСРЛ 1959: 313), Дворовую тетрадь, где служилые люди «Васильевские Шемячича» числятся по Малоярославцу (ТКДТ 1950: 208) и разъезжую грамоту 1505 г., в которой с. Ражково в Малоярославце значится вотчиной Шемячича (АСЭИ 1952: 584–586). В целом, это решило вопрос о принадлежности Малоярославца Шемячичу и открыло перспективы исследования состава его послужильцев, объема владений и прерогатив Шемячича в его землях. Предварительные наблюдения по этим вопросам были изложены в моей работе, где одним из основных источников выступала приправочная книга Малоярославецкого уезда Игнатия Вельяминова 1587/88 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539). Ее ретроспективные указания позволили отчасти реконструировать состав корпорации «Васильевских Шемячевских» и проследить их судьбу после падения их «государя»

в 1525 г. (Хоруженко 2017: 120–128). Но этот источник заслуживает более пристального внимания, а наблюдения по поводу указанных вопросов могут быть продолжены.

Из уверенно определенных послужильцев (в источниках — «бояр», «людей») Шемячича книга 1587/88 г. называет бывших помещиков Чешковых и Чуватовых, галичан, потомственно служивших галицкому князю Юрию Дмитриевичу, его детям, внукам и правнуку, Василию Шемячичу, — как в Московском, так и в Литовском великих княжествах. Из Литвы с Василием Шемячичем выехали его оршанские и оболецкие «бояре» Граборуковы, Ишутины, Терпигоревы. Неясна история службы и происхождение Грековых, Износковых, Прокофьевых, Ташлыковых, но представители этих родов служили Шемячичу и владели землями в будущем Малоярославецком уезде.

По-видимому, крупными помещиками в Малоярославце при Шемячиче были «Шеметовы дети» (они же Шеметовы дети Булгакова) — Федор, Лаврентий (Лавр) и Григорий. Их родовая принадлежность определяется упоминанием другого «Шеметова сына» — Бориса Шеметова сына Колтовского. Это значит, что объем владений «Шеметовых детей» должен быть расширен как за счет поместий Бориса, так и «Григорьевских Колтовского», вероятно, младшего из братьев. Выстраивается родословие этой ветви Колтовских: Булгак — Шемет — Борис, Федор, Лаврентий и Григорий. Из этих лиц родословная роспись Колтовских 1686 г. знает лишь Лаврентия и Григория (Родословные росписи 2022: 263).

Лаврентий Шеметов сын Колтовского, сын боярский около 1552 г., посылался в Путивль с деньгами «на сторожи» (АСЗ 2008: 222), был дозорщиком в Полоцком походе 1563 г. (Книга Полоцкого похода 2004: 48), участником Собора 1566 г. (СГГД 1813: 551). Вероятно, был и еще один «Шеметов сын» — Тимофей Шеметов сын Колтовский, каширский сын боярский в 1556 г. (Каширская десятина 1900: С. 28; ТКДТ 1950: 162).

В восходящих к Государеву родословцу родословных книгах различных редакций в главе Сорокоумовых-Глебовых читается: «А у Андрея у Дурнова дети Иван, отдан в Литву

в приданые, да Левонтей... А у Ивана, которой в Литву пошел, сын Михайло, служил Шемячичю, а был в Стародубе на поместье» (Родословная книга 1787: С. 184). Таким образом, Иван Андреевич Дурной в 1495 г. был назначен находиться при виленском дворе великой княжны Елены Ивановны, вышедшей замуж за литовского великого князя Александра. Сын И.А. Дурнова Михаил, вероятно, последовавший с отцом в Литву, нанялся служить Василию Шемячичю, скорее всего, еще до его отъезда в Москву в 1500 г. После опалы Шемячича в 1525 г. М.И. Дурнов получил поместье «в Стародубе» (неясно в каком — Северском или Ряполовском).

В своей родословной росписи 1686 г. Колтовские приписались к роду Сорокоумовых через М.И. Дурного Глебова. К фразе «был в Стародубе на поместье» они прибавили: «А после того служил великому князю резанскому и стал слыть Колтовской» (Родословные росписи 2022: 262). Это, конечно, недостоверно. Колтовские показали, что у четвертого сына М.И. Дурного Якова было шестеро сыновей: Григорий, Илья, Лаврентий, Тимофей, Борис и Денис. Четверо из них (Григорий, Лаврентий, Тимофей и Борис) — «Шеметовы дети», но Федора роспись не знает. Они выступают здесь внуками М.И. Дурного Глебова, хотя на самом деле были его современниками. К середине XVI в. Колтовские предстают значительно разветвленным родом: в Дворовой тетради 19 его представителей числятся по Коломне, Кашире и Тарусе. Они не могли быть потомками М.И. Дурного-Глебова, действовавшего в первой четверти XVI века.

Рациональным зерном в этой легенде представляется связь Колтовских с Рязанским княжеством. В его пределах располагалось существующее и сегодня с. Колтово (в XVI–XVII вв. в Каширском уезде), очевидно, и давшее роду прозвание. Эти земли, вероятно, входили в объем рязанской «купли» великого князя Василия Васильевича Темного (начало 60-х гг. XV в.) (Загоровский 1991:27). Таким образом, Колтовские вполне могли служить рязанским князьям до второй половины XV в., не исключено, что и вплоть до ликвидации Рязанского великого княжества (1521 г.).

Чем же так привлекла Колтовских родословная роспись Сорокоумовых в этой ее части? Сведения приправочной книги Малоярославецкого уезда 1587/88 г. указывают на службу Шемячичу «Шеметовых детей» Колтовских, а возможно, и их отца Шемета Булгакова. Можно предположить, что в семейном архиве Колтовских в конце XVII в. хранились некие документы, связанные с Шемячичем. Колтовских могло заинтересовать и упоминание Стародуба. Они не были связаны ни со Стародубом-Ряполовским, ни со Стародубом-Северским, но в шести км на юго-восток от Колтова, родового гнезда Колтовских, располагается деревня Стародуб — очень вероятное владение Колтовских.

Таким образом, ретроспективные указания приправочной книги Малоярославецкого уезда 1587/88 г. позволяют судить не только о структурах землевладения, составе местной служилой корпорации, т.е. уже традиционных для историографии проблемах, но и, по крайней мере, в одном случае, о моделях родословного мифотворчества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. М., 2008. Т. 4.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1952. Т. 1.
- Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
- Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Каширская десятина 1556 г. // «Heraldica»: Ист. сб. СПб., 1900. Т. 1. С. 28–44.
- Книга Полоцкого похода 1563 г.: Исследование и текст / Подгот. текста, ст. и указ. К.В. Петрова. СПб., 2004.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1959. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись.
- Родословная книга князей и дворян российских..., которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. 2.

- Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дополнение (Б, Г, К-Я) / Публ. Л.Е. Шабаяева // Российская генеалогия. М., 2022. Вып. 11. С. 255–424.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1.
- Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
- ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печ. А.А. Зимин. М.; Л., 1950.
- Хоруженко О.* Потомки Ивана Калиты в Великом княжестве Литовском: социально-демографические факторы княжеских выездов // Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура : зб. навук. арт. Мінск, 2017. Т. 1. С. 120–128.

К.С. Худин

КАРЬЕРА ДЬЯКА ИВАНА ДЕСЯТОГО И БОЯРИН И.Д. МИЛОСЛАВСКИЙ

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Дьяк Иван Иванович Десятого (Десятый, Десятово) (Веселовский 1975: 150; Демидова 2011: 166; ПМГ 2015: 34.) отдал приказной службе лет около 40 лет (1633/34–1674/75). В своей челобитной, написанной не ранее июля 1670 г. (очевидно, сразу после отставки из Аптекарского приказа), он сообщает, что служил «в Розряде и в Аптекарском приказе тридцать шесть лет и был на твоих государевых службах за тобою великим государем под Смоленским и под Вилною, и на иных твоих государевых службах», но «в нынешнем 178 [1670] году июня в 30 день по твоему указу велено меня, холопа твоего, из Аптекарского приказу переменить» (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 723а. Л. 1) Справочник ошибочно указывает, что Десятого покинул Аптекарский приказ с 1 марта 1670 г. (ПМГ 2015: 35); хотя уже Веселовский приводил ту же дату, что и дьяк в своей челобитной (Веселовский 1975: 150). Тогда же завершилась недолгая (1665–1670) карьера его родственника (степень их родства еще нуждается в прояснении) — подьячего Аптекарского приказа Юрия Десятого (Демидова 2011: 166). После совсем небольшого перерыва с 29 июля 1670 г. Иван Десятого оказывается в одном из финансовых учреждений — дьяком в Приказе Большой казны, где служит до 21 января 1673 г. (ПМГ 2015: 52). Примечательно: несмотря на то, что после отставки Десятого из Аптекарского приказа начинается расследование его финансовой деятельности в этом учреждении, он сразу же переходит на службу именно в финансовое ведомство. Указание на его смерть в 1674/75 г. содержится в поздней приписке к боярской кни-

ге 1658 г. (Боярская книга 2004: 263 (Л. 507 об.); Веселовский 1975: 150).

Из текста его челобитной можно заключить, что служба Десятого началась около 1634 г. (не ранее сентября 1633 и не позднее августа 1634 г.), хотя справочники этого не фиксируют. Самая ранняя датировка дана у С.Б. Веселовского — 1636/37 г., а у Н.Ф. Демидовой — 1643/44 г. (Веселовский 1975: 150; Демидова 2011: 166). В Аптекарском приказе Десятого оказался в качестве подьячего не ранее сентября 1648 г. и не позднее июля 1649 г. (ПМГ: 34), то есть к моменту своей отставки в 1670 г. он провел там более 20 лет. Это весьма продолжительно: лишь подьячий Вялица Потемкин служил в этом ведомстве дольше — в течение почти 26 лет (1615–1640), почти до самой смерти. Тогда как непосредственный предшественник Десятого Никифор Вальцов — около шести лет: с 1642/43 по июль 1648 г. (Филина 2011: 85, 134). Десятого начал службу еще при царе Михаиле Федоровиче, но расцвета достиг уже при Алексее Михайловиче. Он попал в Аптекарский приказ еще при прошлом судье — боярине князе Я.К. Черкасском, но сохранил свой пост при смене руководства приказа на его политического противника — боярина Ильи Даниловича Милославского.

Иван Десятого был креатурой боярина Милославского — царского тестя, скончавшегося 19 мая 1668 г., который возглавлял в Московском государстве все ключевые приказы: Сысканой (1648/49–1649), Ствольный (1656, 1658), Стрелецкий (1648–1665), Казёный (1652/53–1655/56, 1661–1662, 1664–1665), Счетный (1656–1665/66), Рейтарский (1650–1658; 1659/60–1662, 1665–1666), Большой казны (1648/49–1666), Иноземский (1649–1666), и, конечно же, Аптекарский (1649/50–1667). Как видно из приведенного списка, за несколько лет до смерти, к 1665–1666 гг., он оставил должность приказного судьи во всех учреждениях, которые возглавлял, и последним покинул именно Аптекарский приказ — 10 января 1667 г.; и до 20 октября 1668 г. Аптекарский приказ возглавлял троюродный племянник боярина — окольничий Иван Михайлович Милославский (ПМГ 2015: 34). Но смещен Десятого был уже при следующем судье — думном дьяке

Л.Т.Голосове, перешедшем в Аптекарский приказ 2 ноября 1670 г. из Посольского (27 января 1663 г. — 21 февраля 1670 г.) и параллельно остававшемся в двух приказах (ПМГ 2011: 34, 135). Давний конфликт между Посольским и Аптекарским приказом вообще и между дьяками Голосовым и Десятово, в частности, разрешился отставкой последнего (о некоторых эпизодах этого конфликта см.: Худин 2023).

Приказ Большой казны, в который перешел Десятого, когда-то тоже возглавлял боярин И.Д. Милославским. После него управление сначала ненадолго перешло к думному дворянину И.И. Баклановскому (октябрь 1665 г. — сентябрь 1666 г.), затем — к боярину князю Н.И. Одоевскому (9 сентября 1666 г. — 20 июня 1670 г.), а с 29 июля 1670 г. по 21 января 1673 г. во главе его стоял боярин Петр Михайлович Салтыков (ПМГ 2011: 52) — пятиюродный брат царя Алексея Михайлович, его ровесник и весьма близкий к нему человек (Макаров: 58). Необходимо отметить то, на что ранее не обращали внимание: время пребывания дьяка Десятого в этом учреждении полностью совпадает с периодом, когда его возглавлял П.М. Салтыков. К сожалению, в настоящий момент нам не до конца ясна связь этого боярина с семьей Милославских или же лично с дьяком Десятого, которая могла послужить такой протекции.

О близости дьяка и боярина И.Д. Милославского мы знаем из нескольких источников. Во-первых, будучи служащим Аптекарского приказа, в 1665/66 г. Десятого описывал имущество Милославского. В описи документов Приказа Тайных дел за 1676 г. упомянуты «Книги переписные животам Ильи Даниловича Милославского, переписи дьяка Ивана Десятого, 174-го году» (РИБ XXI 1907: 127; Веселовский 1975: 150). В настоящее время местонахождение этого источника нам неизвестно, стоящая в этой описи рядом с ней духовная грамота Я.К. Черкасского того же 7174 (1665/66) г. до революции хранилась в архиве графа Шереметьева (Барсуков 1899: 11).

Во-вторых, сохранилась челобитная Ивана Десятого, поданная не позднее 19 апреля 1669 г., т.е. через 47 дней после смерти царицы, скончавшейся 3 марта 1669 г. В своей челобитной дьяк (обращаясь к царю как «холоп твой бедной

и беспомошной Ивашко Десятово») просил не взыскивать с него деньги, выплаченные доктору Томасу Вильсону за три месяца, когда тот уже не служил в Аптекарском приказе.

Десятого ссылался на покойную царицу: «Пожалуй меня бедного и беспомошного холопа своево, поминаючи блаженные памяти государыню царицу и великую княгиню Марью Ильиничну». Всего за год дьяк растерял своих главных покровителей: со смертью царицы и ее отца Ильи Даниловича 19 мая 1668 г. дьяк действительно остался без «помощи». В этот раз он был прощен и «государь пожаловал не велел на нем тех денег править» (РГАДА Ф. 143. Оп. 2. Д. 843; опубл.: Матерьялы 1881–1885: 351–352). Но до отставки оставалось уже немного.

16 июня 1669 г. по всем учреждениям был разослан царский указ, ужесточавший контроль за распоряжением деньгами дьяками и подьячими: «тот ево великого государя указ по вся годы писать в приходные книги, чтоб тот <...> указ во всех приказах всегда был ведом». А ровно через год по результатам финансовой проверки дьяк Иван Десятого лишился своей должности в Аптекарском приказе (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 858; Опубл.: Дополнения к актам 1853: 413; Матерьялы 1881–1885: 356–357).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1899. Кн. 7.
Боярская книга 1658 года. М., 2004.
- Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975.
Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1853. Т. 5.
- Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биографический справочник М., 2011.
- Макаров А.И.* Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе». Ч. 2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 47–63.
- Матерьялы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг.: в 4 вып. / Под ред. Н.Е. Мамонова. СПб., 1881–1885.

ПМГ 2015 — Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник / Д.В. Лисейцев, Н.М. Рогожин, Ю.М. Эскин. М.; СПб., 2015.

Филина Е.И. «В поисках альтернативы...»: «придворные партии» в политической борьбе в России 30–50-х гг. XVII в. М., 2011.

Худин К.С. «На встречу к аглинскому послу ... послать неково»: из переписки Аптекарского и Посольского приказов третьей четверти XVII в. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. Материалы международной научной конференции. М., 2023. Вып. 3. С. 428–433.

О.В. ЧАСОВИТИНА

«ПОУЧЕНИЕ ПРОТИВ МЕДОВАРЦЕВ»

К ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНОМ ВЛИЯНИИ НА ДРЕВНЕРУССКУЮ ВОИНСКУЮ КУЛЬТУРУ

Памятники древнерусской книжности, современными исследователями определяемые как флорилегии, представляли читателю собрания небольших отрывков и цитат из сочинений авторитетных авторов, нередко с добавлением анонимных рассуждений и афоризмов. С ними сходны по форме апофтегмы — поучения, записанные со слов святых отцов. Сборник изречений «Разумы Варнавы неподобного», для которого выявлено пять древнерусских списков, по названию сохранил связь со сборниками-апофтегмами, к которым восходит. Памятник имеет переменный состав, а выявленные текстовые параллели дают основания исследовавшему их К.В. Вершинину относить его к типу флорилегиев (Вершинин 2021: 511).

В составе «Разумов» Варнавы в торжественнике XVI в. (РГБ. Овчин. 218. Л. 55 об.–59) в конце текста содержатся добавления, которые приписаны к нему без обозначения начала, продолжая предыдущий текст с середины строки. Добавление занимает 81 неполную строку, при этом основной текст с названием занимает 113 строк, и на 114-ую строку переходят последние слова «со истиною». Страницы линованы по 25 строк. Таким образом, добавление содержит приблизительно 41% от суммарного объема данного списка «Разумов». Оно составлено из 11 отрывков, часть которых посвящены теме обучения, отношений учителей с учениками, а другие имеют форму «вопросоответов» (Вершинин 2021: 516). Последний, завершающий отрывок, в конце которого за упоминанием Бога следует заключительная формула «ему

же слава и держава ныне и присно», в свою очередь, имеет сложную композицию. Он начинается с «вопросоответа» на тему малой эсхатологии с экзегетическим разъяснением. Это разъяснение риторически продолжено комментарием-примером, который начинается со слов «А что ставят медоварцы...» и по смысловому содержанию является разновидностью поучения. К поучениям «против язычества» этот фрагмент отнесли выявившие его А.А. Турилов и А.В. Чернецов (Турилов, Чернецов 1986: 101; Письменные памятники 2003: 153). Текст фрагмента датирован XIII веком. Полностью текст «Разумов» Варнавы по указанному списку (РГБ. Овчин. 218) опубликован в работе К.В. Вершинина (Вершинин 2021: 518–533).

Первый вопрос, который возникает при ознакомлении с текстом «Поучения» — можно ли считать его связанным с воинской средой?

В начале «Поучения» упоминаются «гридницы»: «А что ставят медоварцы по гридницам ихъ» (Вершинин 2021: 533). Так назывались большие помещения в составе княжеского двора, в частности в них проводились пиры (Рабинович 1978: 76–77; Попов 2000: 395–397). На княжеских дворах размещались медуши — хранилища меда. В Ипатьевской летописи сообщается о большом количестве меда, хранившемся на княжеском дворе в Путивле (ПСРЛ 1908: Стб. 334). Собиравшие мед в лесах бортники, по-видимому, обычно входили в состав княжеской «служебной организации», зависели от князя и княжеской администрации и несли службу своим промыслом (Флоря 1992: 57–58). Борты упомянуты в тексте княжеской жалованной грамоты на Терпужский погост (Срезневский 1860: 27–28). Таким образом, можно предположить, что «Поучение» излагает ситуацию со стороны внешнего наблюдателя: княжеские медовары на ночь оставляют вареный, приготовленный для питья, мед в гридницах, когда ложатся спать, и события эти случаются на дворах у неких князей. Казалось бы, речь могла идти о щедром снабжении дружины князя напитками.

Далее в «Поучении» приводится обобщенная речь медоварцев о том, что придут «наши» мертвые и тогда «изопьют»,

которая вызывает осуждение книжника. В пользу связи сюжета с княжеским двором говорит рассказ в «Слове о полку Игореве» о «мутном сне» князя Святослава, в котором его поят «синим вином» (Слово о полку Игореве 1950: 19).

Второй вопрос относится к содержанию отрывка — какие представления осуждались в «Поучении», и почему?

Памятники книжности церковного происхождения общали о видениях умерших. Подобные упоминания встречаются в Киево-Печерском патерике (Древнерусские патерики 1999: 23; Воропаев и др. 2021: 228–229). Еще один сюжет посвящен подвижничеству ставшего монахом бывшего епископского повара, которому во время паводка явились свв. Борис и Глеб, и подали ему корец воды (Слово о Мартине монахе 2003: 292–293). Случаи явлений умерших христиан в видениях описаны и в сочинениях папы Григория Великого, жившего в VI–VII вв.

Напротив, в «Поучении» говорится о «завпокойщине» и проявлениях бесов, причем о язычестве прямо не упоминается. Представления и поведение «медоварцев» в изложении автора «Поучения» действительно можно охарактеризовать как архаичные. На их глубокую архаичность указывают и такие примеры, когда в законодательствах древних государств бытовавшие некогда поминальные практики менялись в сторону запрета или жесткого ограничения жертв и возлияний, посвящавшихся умершим в Античности (Суриков 2002: 10, 15–16; Хрестоматия 1936: 33–34).

Обостренное неприязненное отношение автора «Поучения» к описанному бытовому оформлению примитивных и суеверных представлений о посмертном существовании душ, по-видимому, согласуется с тем обстоятельством, что первые упоминания общих церковных дней поминовения, Дмитриевских родительских суббот, относятся к XV веку.

«Поучение против медоварцев» осуждало представления о существовании плотских, земных потребностей и привычек у душ умерших, как несовместимые с христианским учением о бессмертии души.

Косвенно о том, что «Поучение» могло применяться для публичного чтения или в качестве источника для устных на-

ставлений, говорит традиционное назначение и состав торжественников, включавших праздничные службы, жития и тексты проповедей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вершинин К.В.* Два малоизвестных списка «Разумов» Варнавы // *Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько.* М., 2021. С. 511–535.
- Воропаев В.А., Дергачева И.В., Конявская Е.Л., Мильков В.В.* Танатологическая тема в русской словесности XI–XX вв. М., 2021.
- Древнерусские патерики / Подгот. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М., 1999.
- Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003.
- Попов И.О.* Княжеские резиденции в домонгольской Руси: летописные известия и археологические реалии // *Stratum plus.* 2000. № 5. С. 391–406.
- ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908.
- Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.
- Слово о Мартине монахе, что пребывал в Турове в церкви Святых Мучеников, живя один в Боге // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12. С. 292–293.
- Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950.
- Срезневский И.И. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 г.). СПб., 1860.
- Суриков И.Е.* Законодательство Солона об упорядочении погребальной обрядности // *IUS ANTIQUUM.* Древнее право. 2002. №1 (9). С. 8–21.
- Торжественник XVI в. [рукопись] // РГБ. Овчин. 218.
- Турилов А.А., Чернецов А.В.* О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // Советская этнография. 1986. №1. С. 95–103.
- Флоря Б.Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.
- Хрестоматия по Древней истории / Под ред. В.В. Струве. М., 1936. Т. II.

М.С. ЧЕРКАСОВА

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

ИМЯ, ПРОФЕССИЯ, СРЕДА ОБИТАНИЯ

В тезисах речь идет об изучении кадастровой документации как источника по исторической ономастике. Под кадастровыми понимаются писцовые, дозорные и переписные книги эпохи Московской Руси. В отечественном источниковедении к ним нередко прилагается определение массовые, а в медиевистике, если не ошибаемся, чаще их называют серийными. Нами рассматривается комплекс писцовых, дозорных и переписных книг крупнейшего города Северо-Западной России — Новгорода Великого XVI – начала XVIII в. Имея своим объектом крупный торгово-ремесленный город, эти описания являются частью обширного корпуса новгородского кадастра, в комплексную источниковедческую разработку и историко-географическую реконструкцию которого значительный вклад внес Алексей Анатольевич Фролов.

Ономастика — это дисциплина, находящаяся на пересечении лингвистики и истории, раскрывающая имена собственные. Кроме личных имен, ею изучаются также прозвища и фамилии людей, клички животных, вся совокупность географических и топографических объектов. Применительно к городу и его структурным частям последние можно считать урбонимами. Но начать лучше все же с людей, и здесь на первое место мы бы поставили так называемые катойконимы — определения по месту (городу/краю/уезду) происхождения. Они отражали миграционные процессы и территориальные связи внутри страны. В Новгороде отмечены такие катойконимы, как москвитин, костромитин, тверитин, ржевитин, новоторжец, торопчанин и др. Во множ. числе используется другая форма: торговые люди тверичи, москвичи.

Но выходец из московской Кадашевской слободы определен как кадашевец. Иноземное происхождение человека, обитающего в Новгороде, приводится как немчин, литвин.

В дозорной книге Софийской стороны 1586 г. имена посадских людей указаны, как это и было принято, в уменьшительной форме и с прозвищами — Сидорко Векша, Гридя Сухих Голенищ, Иванко Пшенка, Злоба Блѣклой, Воробей Скоморох. Два последних именованья образованы путем замены календарного имени прозвищем Злоба или Воробей. В сочетании *Степанко ветошник* личное имя в уменьшительной форме соединяется с торговой специализацией — он, скорее всего, торговал ветхой, изношенной одеждой. Трехчленная формула именованья «Бутора Иванов сарафанник» отражает прозвище на месте календарного имени, патроним (сын Ивана) и возможную торгово-ремесленную специализацию. Принадлежность к скоморошьей профессии, помимо указанной выше, могла быть выражена так: «Михалко домрачей Баба», поскольку эти люди нередко играли на домрах.

В кадастровых источниках сближены названия торговых рядов и сидевших там в своих лавках посадских людей: в Прасольном ряду — рыбные прасолы и «свежие рыбники» (первые торговали прасольной рыбой, вторые — свежей, только что выловленной), на Конской площадке — конские барышники, в Великом ряду — великорядцы («Нечай Федоров, великорядец»), Ножевном — ножевники (производили и торговали ножами).

В писцовой книге Новгорода 1623 г. расширяется круг катойконимов — беянин, вязмитин, иваногородец, галеченин. Применительно к иноземцам указывается страна — «Галанской земли немчин такой-то». Очевидна прямая связь катойконима с миграциями: «Бориско Савастьянов сын, воложенин Павлова монастыря, пришѣл шестой год». Здесь имеется в виду вологодский Павлов Обнорский монастырь. Некоторые фамилии несут на себе социальный оттенок — Крестьянинов, Селянинов, Помещиков, хотя речь шла, как будто, о посадских людях или низших слоях местных приказных (подьячих). Встречается краткая формула именованья священника — «поп Володя», но отмечена и более про-

странная, хотя явно нелицеприятная по смыслу: «поп Карп Яковлев, прозвище Невежа», «поп Михайло Яковлев, прозвище Бритва».

В описаниях XVII в. расширяется терминология профессиональных занятий: белильник, гвоздочник, Пахомко утятник, Худячко каменщик, кожевник, книжник, кузнец, иконописец, Дылда иконник, Зык коробейник, Шаня квасник, льняник, сапожник, яблочник, Иванко плотник, прозвище Положи соха», «Конашко рукавишник», судоплат, шапочник, шубник. На основе ремесленных прозвищ формировались фамилии: кожевник / Кожевников, красильник / Красильников. На ул. Дослане на Софийской стороне из 34 посадских дворов в 10 обитали посадские люди Кожевниковы. Налицо тяготение мастеров одной профессии в рамках локального сообщества. В качестве прозвищ активно используются именованные животных, рыб и птиц — Соболь, Сокол, Гусь, Карась, Кобыла, Волк и Заяц... Какие-то особенности внешнего вида человека отразились в прозвищах типа Белоус, Черноус (в чем и символика цветов могла сказаться). В профессиональных прозваниях типа Пастух, Огородник видны дополнительные занятия горожан, связанные с землей и скотоводством. Выявлены редкие примеры матронимов (именований по матери) — Микитка Настасьин, «Федька Юрьев сын Софьин».

Отражением возможных этноконфессиональных контактов в переписных книгах можно считать указания на черкашенина, турчанина, новокрещён («казанец Москва Семенов сын Еналеев», «Федосей Баранчеев», «Тимофей Баскаков»), имя Туганко, фамилия Татаринцов (и ул. Татарская в Неревском конце). Прозвище Москва нередко встречается в актовых и кадастровых источниках XVI–XVII вв. по Каргопольскому, Устюжскому, Вологодскому уездам, указывая, возможно, на приезд данного человека из Москвы, либо какую-то связь его с ней, либо (в переносном смысле) это бойкий, разговорчивый человек, обманщик. В приходо-расходных книгах Кирилло-Белозерского монастыря 1615 и 1618 гг. среди слуг были Матюшка Москва и Сергушка Москва. Однокоренное прозвище, казалось бы в женской форме, прилагалось, одна-

ко, к мужчине — «*Московка Онофреев*». Укажем на фамилии Московкин и Москвин. Наряду с Москвой в качестве прозвища встречаются названия и других городов, например, Мишка Иванов сын Вологда, Семен Иванов сын Вологда — житель волостки на р. Онеге «*Вологда Василев*».

Медико-социальные аспекты городской демографии отражены в таких определениях писцовых и переписных книг, как Аврамко Слепой, Офонька Глухой, «Григорей без ног», ремарки типа «...а он в расслаблении», «увечен, без ног», «обнищал, слеп». Не случайно сближены характеристики тяжелого состояния здоровья, инвалидности, старости, одиночества, скудости-бедности-нищеты и социальной приниженности — «устарел и одолжал», «старой древней посацкой человек», «бедной одинакой должной человек», «обнищал, оскудал и заскорбел», «оскудали и обеднели от многих долгов», «люди недостаточные бедные», «люди самые нужные» (т.е. находящиеся в беспросветной нужде). С темой болезнискорби связаны сведения о практике народного врачевания: лекарь, знахарь, кровопуск-рудомет (кровь — «руда») — всем им находилось место в социальном пространстве большого города.

В плане гендерного взаимодействия сведений в кадастровых источниках до начала XVIII в. немного. Женщины отмечены редко и неразрывно с социальным положением или профессией мужа — «служня вдова Еремеевская жена», «вдова Лукерьица Минина, жена плотника», «вдова Ненила Дмитриевская жена Кожевникова». Фиксируется национальность — «вдова татарка Оринка Иванова жена Елболдина». Женщина в составе церковного причта именовалась как «просвирица Настасья Михайлова дочь» (здесь отмечена ее отцовская принадлежность — дочь). У незамужней женщины связь с отцом особенно показательна — «девка Марфа Матвеева дочь». Несомненно значение принципа патрилинейности (по отцу или мужу). Женские имена приводятся с суффиксом «-ца»; Варварица, Марьица, Марфица, Анница свечница, Федорица. Непременные признаки, прилагаемые к вдове, — бедная, убогая, нищая, «скитается меж двор с малыми детишки и кормица черною работою». Указания на ма-

лых детей косвенно высвечивают раннюю смертность мужчин-дворохозяев и отнюдь не преклонный возраст вдов.

О детях (понимаемых прежде всего как сыновья, девочки не отмечались) сведения появляются в переписной книге 1707 г. Указания на возраст позволяют представить их дифференцированно: «годовой», «меньши года», «болшему сыну 20 лет, меньшему 16 лет». Перечисление сыновей с разницей в год-два (17 и 16, 16 и 15, 14 и 13, 13 и 12 лет) отражает краткий интергенетический интервал их рождений, обусловленный традиционным типом демографического поведения и модели воспроизводства в России в начале раннего Нового времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов / Сост. К.В. Баранов. СПб., 2001.

Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в. / Сост. И.Ю. Анкудинов. СПб., 2003.

А.П. ЧЕРНЫХ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ГЕРАЛЬДИКИ XIV–XVIII ВЕКОВ

В рамках геральдического источниковедения такой, казалось бы, традиционно близкий геральдике раздел, как источники генеалогические, оказывается в полном небрежении. Для специалистов по генеалогии гербы в генеалогиях — явная помеха, привносящая своим разнообразием лишнюю путаницу. Публикации с характерным названием «Генеалогия и геральдика» ответа на вопрос «что представляет собой геральдический компонент в генеалогических источниках» не дают.

Какими могли бы быть структура и подход к такого рода источникам?

Генеалогия как *геральдический источник* — это зафиксированная генеалогическая информация, выраженная гербами или сопровождаемая ими, на любом носителе, рисованная или вербальная. И рисованная, и вербальная требуют специальных знаний в области геральдики.

Определяя хронологические границы генеалогий с точки зрения геральдики, надо заметить, что они будут отличаться от хронологии генеалогий и в принципе не могут быть старше XII века, а в действительности — не ранее XIV века.

Первоначально гербы, не будучи связаны с привилегированным статусом, появились в качестве сопровождения, но постепенно становились все более важным компонентом. Хартия аноблирования нередко сопровождалась дарованием герба, рисунок которого или блазон в хартии присутствовал. Так что и характеристика герба в данном типе источника не оставалась неизменной.

Специфика состоит в том, что надо оценивать и геральдическую достоверность источника, и генеалогическую, учитывая известную с Античности склонность к подделыванию генеалогий. Но думаю, что это не затруднит, а напротив, облегчит задачу, поскольку появляется дополнительный критерий выявления хронологических и прочих несообразностей.

Обстоятельства создания генеалогии могли быть разными. В Британской библиотеке хранится манускрипт около 1,8 м длиной. Это снабженное гербами генеалогическое древо, составленное Джоном Ди с намерением показать свое родство с Генрихом VIII и Елизаветой I, возможно, с целью защититься от разных обвинений. Очевидно, что это фальсификация, но она показывает принцип, по которому составлялись и генеалогии подлинные, с настоящими гербами.

Геральдический компонент в генеалогиях до конца XV в. служил не основной, а дополнительной характеристикой происхождения адресата родословной. С начала XVI в. это стало меняться, «геральдизированных» генеалогий стало намного больше, и герб в родословной приобретал все больше и больше значения. Следует учитывать уровень источника: высокий, когда решались задачи идеологии и пропаганды государственного уровня, и рядовой, когда геральдический компонент в генеалогии не выходил за пределы интересов рода.

Специальная типология, отличающаяся от типологии генеалогических источников, не нужна.

Гербы есть в составе семейных хроник, есть на отдельных листах, в королевских и высокого уровня хрониках. К ним примыкают поминальные книги и гербовники-некрологии, где поминаемое лицо сопровождается небольшим изображением его герба. Затем гербовые хартии, королевские генеалогии, геральдические панно, «сез картъе», любые генеалогические сочинения с блазонами в тексте.

Гербовые хартии известны в Европе практически повсеместно. Они разные — это хартии аноблирования, хартии подтверждения идалгии. Они появляются не ранее времени, когда герб, бывший до того в свободном усвоении, стал объектом дарования, то есть на рубеже XIV–XV веков.

В Португалии самая ранняя из известных хартий относится к 1419 году.

Одни из самых ранних примеров использования герба в генеалогиях обнаруживаются в XIV веке. Такова *Genealogia regum Navarrae et Aragoniae et comitum Barchinonae* 1380 года. В текстах, касающихся генеалогии, появились гербы, еще не заменившие условные портреты, но уже сопровождавшие их.

В XV в. это и гербовые хартии, и разного рода рукописи. В XVI в. количество геральдизированных генеалогий возрастает, как возрастает вообще число генеалогий в связи с формированием новой концепции знати.

Иногда геральдическая генеалогия воплощалась в надгробии, как, например, в надгробии Карла Смелого в Брюгге, где на боковой стенке саркофага представлено древо Бургундских герцогов с гербами сеньориальных владений. Это не новое место для высказывания родовых амбиций, но ранее обходились только гербами (как в надгробии Аликс и Иоланды Бретонских), не связывая их с образом древа. Генеалогическое древо, увешанное гербовыми щитами — пространственный образ, не имевший социальных ограничений.

Отдельного внимания заслуживает «сез картье» (*seize quartiers*, букв. 16 гербов) — особая форма таблицы, возникшая во Фландрии и Германии в Новое время и использовавшаяся как доказательство принадлежности к благородному сословию. Причина — рост самозванчества в связи с привилегиями привилегированного сословия. Во французском языке слово *quartier* в геральдике и генеалогии имеет значение герба (*quartier de noblesse*). В «сез картье», показывающей происхождение и с отцовской, и с материнской стороны, именно герб служит подтверждением знатности. Классическая форма «сез картье» охватывает 31 человека из четырех поколений, включая лицо, для которого таблица составлялась, и в которой в верхнем ряду представлены 16 гербов предков.

В XVII в. выражение «сез картье» превратилось в обозначение таблицы разной степени полноты: 8, 16, 32, 64, и более картье, но домов, которые могли представить боль-

шую «сез картье», было немного. Иногда она включала шесть поколений отцовских и материнских предков с их родовыми гербами — 63 лица. Для XVII в. это слишком много, 31 человек — более жизненно и правдоподобно.

«Сез картье» были распространены во Франции, в германских землях, в Австрии. Они требовались для занятия придворных должностей, для вступления в привилегированный монастырь или учебное заведение.

«Сез картье» позволяет проследить гербы супруг, но, конечно, только в том случае, когда браки предков хорошо известны. Составителям было непросто углубить родословие на шесть поколений, особенно по женской линии — и фальсификации надо искать именно здесь.

В XVI в. получили распространение идеологизированные генеалогии-панно в репрезентативных пространствах (в дворцовых и замковых залах), с изрядной долей фальсифицированных гербов. Таковы панно с древом Бабенбергов, панно в королевских Ньюборгском и Сённерборгском замках. В принципе это огромные живописные «сез картье», как в замке Вайкерсхайм.

С XVII в. в генеалогиях высокого уровня обнаруживается тенденция к замене гербов портретами. В XVIII в. это еще больше усиливается.

Одна из самых сложных проблем — количественная оценка этих источников. С королевскими панно это не проблема, но есть массивы гербовых хартий и «сез картье».

В Португалии с конца XIX в. и по наши дни опубликовано 1328 гербовых хартий. Можно предположить, что и в других странах их не меньше, то есть речь идет о тысячах. Что же касается «сез картье», то их количество я даже не рискую оценить, но полагаю, что в европейских хранилищах их более 10 000.

Роль герба в генеалогических источниках до начала XVI в. — это в первую очередь идентификация, привлечение герба к репрезентации в родовом комплексе вместе с именем и генеалогической историей линияжа.

Начиная с XVI века, с момента возникновения устойчивой связи герба с благородным статусом, функцией герба

стало дополнительное подчеркивание знатности рода, репрезентация его как ценного сообщества. В случае дарования герба верховной властью — тем более. Герб становился основным способом выразить благородство, в том числе и в генеалогии.

Особые возможности генеалогии как источника для геральдики состоят в том, что гербы — изобразительный источник — подкрепляются письменными источниками, связывающими герб с конкретными носителями, родами и личностями. Гербами сопровождалась далеко не все генеалогические источники, а только сертифицирующего характера (хартии аноблирования) и репрезентативного.

Причины, по которым в генеалогических произведениях, появился геральдический компонент, связаны с исключительно широким распространением герба как социальной характеристики, как важного личностного и коллективного идентификатора. Многопольный герб в генеалогиях крупных сеньориальных родов превращался в идеологизированную геральдическую программу, подкрепляемую протяженной древней генеалогией, адресованной к своим подданным и иностранным соперникам и союзникам. «Малая» идеология обращалась в пределах линьяжа, будучи адресована членам рода, говорила о благородстве рода и родовой чести, выражаемой гербом. Для геральдических исследований гербы в генеалогиях — это возможность работать с ними в пространстве человеческого измерения, а не только с неразговорчивой картинкой, в лучшем случае имеющей краткое имя обладателя. Таким образом генеалогические источники с геральдическим компонентом позволяют выявлять связи, недоступные другим видам источников.

Н.П. ЧЕШОКОВА

МОНЕМВАСИЙСКИЙ МИТРОПОЛИТ ИЕРОФЕЙ В МОСКВЕ

Монемвасийский митрополит Иерофей известен как один из образованнейших деятелей Константинопольской церкви XVI в., ученый и каллиграф, участник Московского собора 1589 г., на котором была учреждена Московская патриаршая кафедра. Он был современником Константинопольского патриарха Иеремии II Траноса и будущего патриарха Кирилла Лукариса, Александрийских патриархов Мелетия I Пигаса и Сильвестра. Основные биографические данные о нем были собраны греческими и дополнены отечественными исследователями еще в XIX–XX вв. Б.Л. Фонкич систематизировал сведения о рукописях, созданных Иерофеем Монемвасийским во время его пребывания в Москве, что позволило уточнить и расширить наши представления о жизни и деятельности митрополита.

История пребывания Иерофея в России, его участие в работе Московского собора 1589 г. описана в знаменитом «Хронографе Псевдо-Дорофея» и в третьей греческой книге Посольского приказа, охватывающей период с 24 июня 1588 по февраль 1594 г. Авторство «Хронографа Псевдо-Дорофея», иногда приписываемое Иерофею Монемвасийскому, до сих пор представляет одну из дискуссионных проблем. В настоящее время доказан факт существования в XV в. Монемвасийского митрополита Дорофея, который мог иметь отношение к созданию хроники. Что же касается продолжателя «Хронографа», то часть исследователей безоговорочно признает им Иерофея Монемвасийского, другие ученые полагают, что история учреждения патриаршества в России написана со слов очевидца, но не самим участником событий.

Русский перевод «Хронографа» по указу царя Алексея Михайловича был начат Арсением Греком, и закончен Дионисием Ивиритом в 1665 г. В заглавии русской версии сочинения его автор назван Дорофеем, в дальнейшем Монемвасийский митрополит везде упоминается без имени. В повести «О пришествии на Москву из Царяграда святейшаго Иеремя, патриарха вселенскаго», составленной в Москве после учреждения патриаршества и сохранившейся в сборнике второй половины XVII в. (Син. 703), Монемвасийский митрополит именуется Дорофеем постоянно.

Помета конца XVI в., сделанная Арсением Элассонским, также участником Московского собора, о поставлении первого русского патриарха в греческой Триоди конца 1408 — начала 1409 г. (ГИМ. № 284 (462)) засвидетельствовала присутствие в России Монемвасийского митрополита. И если эта запись подтверждает данные греческого «Хронографа» и книги Посольского приказа об участии Иерофея Монемвасийского в поставлении первого русского патриарха, то собственноручные записи самого Иерофея говорят о том, что, находясь в это время в Москве, он переписал сочинения Геласия Кизического о Никейском соборе и акты Третьего (Эфесского) вселенского собора. Покидая Москву, Иерофей забрал рукопись с собой, и на обратном пути задержался в Валахии, где дополнил ее гомилиями Иосифа Вриенния и другими сочинениями. Об этом также свидетельствует автограф Иерофея, он записал: «Иерофей митрополит Монемвасии, в лето 7099-е (1591), июня 10-го, в Валахии, на пути из России».

В середине 90-х годов Иерофей опять оказался в Москве. Факт его повторного приезда в российскую столицу стал известен благодаря манускрипту из Национальной библиотеки Греции (Афины) (МПТ, № 147). Он содержит сочинения блаженного Августина в греческом переводе Максима Планиды и Прохора Кидониса, и в нем на обороте л. 151 находится запись Иерофея Монемвасийского, так он себя называет, не добавляя титул «митрополит». Эта лаконичная запись не позволяет пока добавить к ней никаких подробностей, так как синхронные русские источники этого времени сохранились очень плохо.

Несмотря на лаконичность исторических свидетельств некоторые факты из жизни Иерофея 90-х годов XVI в. реконструируются с достаточной долей вероятности. Анализируя подписи на греческой грамоте, составленной по результатам Константинопольского собора в мае 1590 г., Б.Л. Фонкич пришел к выводу, что большая часть подписей на ней неподлинная, к ним он относит и автограф Иерофея Монемавсийского. По наблюдениям Бориса Львовича, группа имен, к которой принадлежит и имя Монемавсийского митрополита, писана одной рукой, хотя писец и пытался изменять начертания отдельных букв. Вслед за И.И. Малышевским Фонкич пришел к выводу о том, что, вернувшись в свою епархию весной 1590 г., Иеремия II торопился с утверждением факта поставления им Московского патриарха и не дождался прибытия на собор всех его участников. Однако наличие хоть и не подлинной подписи Иерофея Монемавсийского под актом Константинопольского собора 1590 г., утвердившего создание Московского патриархата, свидетельствует о том, что в это время (в мае 1590 г.), он являлся действующим митрополитом, хотя и отсутствовал в то время на соборе. Согласно исследованию М. Манусакаса, в 1592 г. Монемавсийскую кафедру занимал уже его преемник Геннадий. Следовательно, формально Иерофей перестал быть действующим митрополитом в период между 1590 и 1592 г. А вот решение Константинопольского собора 1593 г., которое подтвердило постановления 1590 г. и пятое место Московского предстоятеля в ряду православных патриархов, Иерофеем уже не подписано.

Причины, по которым Иерофей так и не вернулся в Константинополь точно неизвестны, хотя, скорее всего, они объясняются его несогласием с действиями в Москве патриарха Иеремии и фактом учреждения в России патриаршества. Трудно сказать, возможно ли будет дополнить биографические сведения о митрополите Иерофее. Однако исследование произведений, написанных им в Москве, причины их создания, сюжеты сочинений и использованные автором материалы представляет собой интересную источниковедческую задачу.

И.Н. ШАМИНА

«СКАСКИ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ 1701–1703 ГОДОВ

В последние десятилетия в науке сложилось четкое представление о задачах и результатах организованной Монастырским приказом переписи владений Церкви в 1701–1703 гг., а также о составленных в ходе нее документах — переписных книгах архиерейских домов, монастырей и приходских церквей. Однако остаются малоизученные вопросы. Один из них — источники, использовавшиеся переписчиками для составления переписных книг. Процесс проведения переписи, в том числе и этапы составления описей имущества монастырей рассмотрены мною в специальной статье (Шамина 2024). Здесь остановлюсь на одном из источников для составления последних — «скасках» настоятелей монастырей, представителей монастырской администрации и других лиц, которые в числе прочих документов (описей имущества, приходо-расходных книг и т.п.) предоставлялись переписчикам.

О «скасках» есть информация или упоминания в большинстве сохранившихся до наших дней переписных книг 1701–1703 гг. В преамбулах к некоторым из них подчеркивается значимость «сказок» как едва ли не основных источников сведений; дается объяснение, для чего именно они требовались, как например, в описи Гремячева монастыря в Лихвине: «Которые книги в монастырех взяты, и по тем книгам осматривано и переписывано. А по осмотру и по переписке что сверх тех книг явилось и чего не явилось, и о том взяты скаски с очиткою за руками» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1.

Д. 21. Л. 168). Очевидно, переписчики имели специальный указ использовать такого рода документацию. Это неоднократно подчеркивал переписчик стольник И.Л. Нелидов, описывавший монастыри Галичского уезда: «1701-го году июня в де[нь] по указу великаго государя... пред Иваном Леонтьевичем Нелидовым Новозаозеркого Авраимева монастыря чашенной старец Иона сказал» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 23. Л. 381).

Несмотря на то что «скаска» при составлении переписных книг широко использовались, информация о них в этих источниках не всегда достаточно полная. В ряде случаев имеются лишь упоминания. В частности, в переписной книге орловского Успенского монастыря стольник М.Т. Толубеев указал только то, что информация о монастырском храме и колокольне записана им на основе «скаска» игумена Евфимия (Шамина 2023: 415), а стольник М.Ф. Челищев отметил, что режим работы мельницы Городченской пустыни Серпейского уезда он выяснил из «скаска» ее настоятеля (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 21. Л. 137), и т.п.

В большинстве изученных мною переписных книг 1701–1703 гг. содержатся фрагменты «сказок» или их краткий пересказ. Такого рода данные есть в переписной книге Вознесенского монастыря в Белеве: «Взята скаска города Козельска... у попа Иякова, что по писцовым книгам 136 и 137-го году писано к церкви Божии пашни»; или в переписной книге Дмитровского монастыря в Кашине: «По скаске служки Ермолки Матвеева в городе Кашине двор осадной» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 21. Л. 662; Д. 57. Л. 294 об.) и др. В переписной книге Благовещенского Ширинского монастыря в Кашинском уезде выдержки из «сказок» сопровождают целый ряд записей и касаются икон, церковной утвари, книг, колоколов, монастырского скота и др. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 57).

Наконец, есть материалы переписи, куда «скаска» включены целиком. Такова, например, переписная книга казанского Успенского монастыря, составленная князем Д.В. Ураковым. Помещенная здесь «скаска» игуменьи и казначеи посвящена финансовому обеспечению обители и монастыр-

ской документации (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 382. Л. 36–37). Полностью приведены «скаска» настоятельницы московского Никитского монастыря Александры (Горчаковой) стольнику И.А. Вельяминову Зернову (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 17. Л. 1–2 об.) и др. Наиболее же ярким примером таких переписных книг может служить опись галичского Паисиева Успенского монастыря, куда стольник Нелидов поместил 13 сказок (Шамина 2024: 42–45). Известны случаи, когда «скаска» не копировались в переписные книги, но, очевидно, прикладывались к ним: «Скаска за рукою того [Рождественского девичьего в Болхове] монастыря попа Михаила в столпу» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 21. Л. 131 об.) и др.

О том, что «скаска» подавались переписчикам в письменной форме, прямо говорится в переписной книге Введенского монастыря в Вязниках: «Игуменя Екотекина с сестрами подали скаску за руками, а в ней написано» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 18. Л. 118 об.). В переписных книгах часто указывалось имя человека, записавшего ту или иную «скаска», есть информация и о рукоприкладствах. Как следует из описи галичского Паисиева монастыря, «скаска» здесь также и озвучивались, для чего стольник Нелидов поочередно вызывал к себе монастырских старцев (Шамина 2024: 43). Возможно, такая практика имела место и в других обителях.

Подавать «скаска» по требованию переписчиков могли разные лица. Наиболее широкий их круг представлен в той же книге Паисиева монастыря — настоятель, казначей, ризничий, подкеларник, пономарь, сушеный и житенный старцы. Составителями таких документов могли быть также священники или монастырские слуги. В белевском Вознесенском монастыре одну из «сказок» подал житель Козельска драгун К. Ионин. В кашинском Николаевском Клобукове монастыре «скаска» о «кубах с трубами», котле и рукомойнике вместе с игуменом и казначеем подал белый диакон. В Соколовой пустыни Каширского уезда за неимением братии «скаска» составили бобыли (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 21. Л. 661 об.; Д. 57. Л. 143; Шамина 2023: 448) и т.д. В Спасо-Каменном монастыре на вопрос об отсутствии ворот ответили «жители монастыря» (Переписные книги 2011: 155).

«Скаски» содержат клятвы их составителей в том, что они говорят правду, поскольку за подачу ложных сведений полагался штраф.

По содержанию «скаски» можно разделить на несколько групп. Наиболее часто встречаются упоминания о записях, касавшихся монастырских доходов и расходов, их денежного оборота, а также отсутствия в монастырях тех или иных документов. Очевидно, такие вопросы интересовали переписчиков в наибольшей степени. Вторая, также обширная группа – «скаска», где представители монастырской администрации (ризничие, казначеи, подкеларники и проч.) объясняли стольникам, откуда взялись или куда пропали ранее зафиксированные вещи. Часто встречаются «скаска» о хозяйстве и землевладении, а также объясняющие причины отсутствия на месте монахов и т.д. Иногда стольникам подавалась всего одна «скаска», где были отражены сразу несколько из указанных выше вопросов.

Иногда сведения «сказок» уникальны. Так, из переписной книги галичского Паисиева монастыря узнаем о способах приобретения новых икон, книг, предметов церковной утвари и проч., в них названы имена вкладчиков. Интересны сюжеты, связанные с утилизацией тех или иных предметов. В переписной книге Николаевского Клобукова монастыря пересказана «скаска» игумена о размере вклада на пострижение посадского человека г. Кашина Матвея Сысоева: «Дал... сто рублей денег. Да... в соборную церковь приложил на месной образ Пресвятые Богородицы серебряной венец резной вызолочен да книгу Устав новопечатной, да скотины дал две коровы, да улей пчел. Да на том монастыре построил он, Матвей, кельи» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 57. Л. 142). «Скаска» казначея тотемского Спасо-Суморина монастыря позволяют выявить некоторые особенности работы соляных варниц («Строения ради монастырю» 2024: 417) и т.д.

Таким образом, «скаска», с привлечением которых в 1701–1703 гг. составлялись переписные книги монастырей, являются ценным источником, содержащим информацию о богослужбной, хозяйственной и повседневной жизни обитателей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Под ред. М.С. Черкасовой. Вологда, 2011.
- «Строения ради монастырю»: Архиерейское, монастырское и церковное строительство на Руси в конце XIV – начале XVIII в.: исследования, тексты и карты / Н.В. Башнин, И.М. Басов, А.А. Богомазова [и др.]. М.; СПб., 2024.
- Шамина И.Н.* Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий: по материалам переписных книг 1701–1702 гг. М.; СПб., 2023.
- Шамина И.Н.* Проведение переписи 1701–1703 гг. в монастырях: от ревизии к управлению // Российская история. 2024. № 4. С. 32–49.

А.Д. ЩЕГЛОВ

«АНГЛИЙСКАЯ ХРОНИКА», «НОРВЕЖСКАЯ КНИГА ЗАКОНОВ»

**К ДИСКУССИИ ОБ ИСТОЧНИКАХ СОЧИНЕНИЯ
ОЛАУСА ПЕТРИ «ШВЕДСКАЯ ХРОНИКА»**

Исследование древних хроник неизменно представляет интерес — особенно когда хроники являются разносторонними, многоплановыми произведениями. Именно такова «Шведская хроника», созданная в XVI в. реформатором и историком Олаусом Петри и охватывающая период с древнейших времен до начала XVI в. Хроника вызвала недовольство короля Густава Васы, который приказал конфисковать рукописи произведения, а также библиотеку Олауса Петри. Однако «Шведская хроника» распространилась в списках.

Перед современными исследователями встал вопрос: какие источники использовал Олаус Петри? Попытки ответить на него делались с конца XVIII в. Было установлено, что важнейшим источником явилась «Хроника Готского королевства», созданная в XV в. богословом и историком Эрикусом Олаи. В середине XX в. Г.Т. Вестин пришел к выводу, что наряду с указанным произведением Олаус Петри использовал множество источников — как шведских, так и зарубежных.

Цель моего доклада — прокомментировать и отчасти скорректировать некоторые из выводов Вестина. Они касаются зарубежных источников, которые Олаус Петри называет «Английской хроникой» и «Норвежской книгой законов».

Первый из этих трудов Олаус Петри упоминает в предисловии к своему произведению, рассказывая о богах Торе, Одине и Фрейе. Он преимущественно опирается на труд Эрикуса Олаи и другие шведские хроники, дополняя их сведения

данными, почерпнутыми из других источников. В этой связи он рассказывает о происхождении названий дней недели — среды (*onsdag*), четверга (*torsdag*) и пятницы (*fredag*) и ссылается на некую «Английскую хронику», автора которой не указывает. Еще одно сообщение, возможно, основанное на каком-то английском источнике, присутствует в основном тексте «Шведской хроники». Олаус Петри рассказывает, что шведский король Улоф Шётконунг ввел налог, известный как Денарий Святого Петра. Хронист отмечает: «Несомненно, короля призвали к тому английские проповедники: ведь несколько ранее тот же обычай — платить налог Риму — ввел в Англии король по имени Адольф».

На какие английские труды ссылается Олаус Петри? Один из исследователей — Г. Лёв ограничился указанием на то, что Олаус «знал некую “английскую хронику” — неясно какую» (Löw 1908: 45). Другой специалист, Х. Шюк, высказал мнение, что источником Олауса Петри могла являться средневековая хроника *Flores Historiarum*, поскольку в ней содержатся сведения о том, что король по имени Адольф ввел денарий Святого Петра. Г. Вестин указывает на источник, содержащий аналогичные сведения — труд Полидора Вергилия *Anglica Historia*. Вестин отмечает, что имеется и еще один источник, содержащий сведения об Одине, Меркурии и среде — *Historia regum Britanniae* Гальфрида Монмутского. Тем не менее, Вестин отвергает идею о том, что хроника Гальфрида Монмутского могла повлиять на труд Олауса Петри, и утверждает, что в данной хронике не упомянута Фрея (Westin 1946: 174).

В данном случае с Вестином нельзя согласиться. Сведения о богине Фрейе и названной в честь нее пятнице (*fredag*) присутствуют в различных редакциях *Historia regum Britanniae* и воспроизведены в изданиях указанного сочинения. Обратимся к следующему отрывку: «Вслед за ним (Одином. — А. Щ.) мы почитаем богиню, которая могущественнее всех остальных богов. Ее имя — Фрейя; ей посвящена пятница, которую мы называем в честь ее имени *fredag*» (San-Marte 1854: 82; см. также: Hammer 1951: 110). Таким образом, не

исключено, что Олаус Петри использовал хронику Гальфрида Монмутского.

В том, что касается короля Адольфа и Денария Святого Петра, Олаус мог основываться на *Flores Historiarum* или на сочинении Полидора Вергилия *Anglica Historia*. Последнее предположение заслуживает особого внимания, ведь у Полидора Вергилия и Олауса Петри как историков имеется немало общего. У обоих имелись схожие взгляды на цели исторических трудов, они были убеждены, что историк должен стремиться к истине, критически подходили к источникам и разоблачали мифы о происхождении своих народов. Первая редакция *Anglica Historia* была завершена в 1512 г., а первое печатное издание увидело свет в 1534 г. *Anglica Historia* вскоре обрела известность в Европе; не исключено, что Олаус Петри мог быть знаком с этим трудом в виде списка или печатного издания.

Перейдем к следующему предмету доклада — вопросу о «Норвежской книге законов», упомянутой в «Шведской хронике». Олаус Петри обладал солидными познаниями в области шведского права, цитировал и комментировал средневековые законы. В «Шведской хронике» он демонстрирует и знание норвежского свода, который он называет «Норвежской книгой законов».

Одним из вопросов, актуальных для шведов в связи с политическими и административными реформами Густава Васы, являлся вопрос о герцогствах. Олаус Петри, касаясь вопроса о шведских герцогах, писал: «Как свидетельствуют древние книги законов, герцоги эти именовались ярлами. Впрочем, в норвежской книге законов делается различие между ярлом и герцогом».

На какой норвежский закон ссылался Олаус Петри? По мнению В. Гёделя, речь идет о рукописи № 15 из Лундской университетской библиотеки (Gödel 1897: 29–30, 27–28). Г. Вестин возражал: сведения о «Норвежской книге законов» в «Шведской хронике» слишком кратки, чтобы на их основании делать выводы о том, какая рукопись находилась в распоряжении Олауса Петри (Westin 1946: 257).

Однако с точкой зрения Вестина следует согласиться лишь частично. Вестин прав, отмечая, что невозможно определить, какой норвежской рукописью пользовался Олаус Петри. Однако вопрос стоит и о том, какой норвежский свод законов имелся в виду. На этот вопрос можно дать ответ на основании данных, приведенных в «Шведской хронике».

По утверждению Гёделя, речь идет о «Законах Гулатинга». Однако это не так. Свод законов, в котором идет речь о герцогах — это не древние законы Гулатинга, а Ландслов короля Магнуса Исправителя законов — законоуложение, общее для Норвегии, записанное в конце XIII в. и действовавшее во времена Олауса Петри.

Интерес шведов к упомянутому законоуложению имел политическую подоплеку. В конце Средневековья шведские и норвежские оппозиционеры сотрудничали, пытаясь противодействовать попыткам датских королей унии укрепить свое положение в Швеции и Норвегии — в частности, утвердив в Норвегии наследственную власть датских королей. Норвежские оппозиционеры указывали: такие попытки противоречат законам Норвегии. В этой связи Ландслов представлял интерес и для шведов. В середине XV в. положения норвежских законов о выборах короля стали актуальны для Швеции еще и в связи с возведением шведского короля Карла Кнутссона на норвежский престол.

Именно в статьях о выборах короля и порядке престолонаследия, присутствующих в Ландслове, содержатся сведения о герцогах и ярлах, и, исходя из контекста, можно сделать вывод, что речь идет о двух различных категориях норвежской социальной элиты. Подводя итоги данной части нашего исследования, можно заключить, что норвежский свод законов, на который ссылается Олаус Петри — это Ландслов Магнуса Исправителя законов, а не законы Гулатинга.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Gödel V.* Fornnorsk-isländsk litteratur i Sverige. Stockholm, 1897. Bd. 1.
Gottfried von Monmouth. Historia Regum Britanniae / Ed. San-Marte [pseud.]. Halle, 1854.

- Hammer J.* Geoffrey of Monmouth, *Historia regum Britanniae*: A variant version edited from manuscripts. Cambridge (Mass.), 1951.
- Löw G.* Sveriges forntid i svensk historieskrivning. Uppsala, 1908.
- Westin G.T.* *Historieskrivaren Olaus Petri*. Lund, 1946.

Л.И. ЩЕГОЛЕВА

ЭПИСТОЛЯРИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

**ПИСЬМА О СОБЫТИЯХ НА ПЕЛОПОНЕССЕ
ПОСЛЕ 1770 Г. В УЧЕБНОМ СБОРНИКЕ НАЧАЛА XIX В.
(РГБ. Ф. 173/II, № 203)**

В собрании Московской духовной академии «дополнительное» Российской государственной библиотеки (РГБ) хранится сборник учебного характера начала XIX в. (не ранее 1802 г.) на 346 листах (РГБ. Ф. 173/II, № 203). Сборник поступил в библиотеку Московской духовной академии (МДА) в 1900 г. в составе коллекции рукописных и печатных книг на греческом языке, подаренной МДА выпускником Академии, епископом Симбирским и Сызранским Никанром Молчановым. Коллекция была куплена Никандром Молчановым около 1898 г. у афинского нотариуса Григория Бурниаса, которому рукописи достались после смерти некоего греческого иерарха, предположительно, Серафима Ксенопулоса, митрополита Арты и Превезы (1864–1894) (подробнее об истории приобретения коллекции см.: Щеголева 2022: 151–159). В 1965 г. сборник был кратко описан Б.Л. Фонкичем (ГБЛ 1965: 227–228). Сведения о рукописи были опубликованы К. Папулидисом в инвентаре греческих рукописей ГБЛ (Παπουλίδης 1981: 492).

Сборник переписан шестью писцами. Первый писец (л. 1–83) оставил колофон со своим именем и датой на л. 83: Ἐτελείωθη ὑπὲρ ἐμοῦ τοῦ δημητρίου μπαρμπεροπούλου εἰς τὰ 1802 ἰουνίου εἶς «Закончено мной, Димитрием Барберопулосом, 15 июня 1802 г.». Часть материалов сборника представляет собой копии произведений последней трети XVIII в., на-

пример, «Христианское учение в вопросах и ответах» (л. 1–83), составленное в 1780–1782 гг. греческим ученым и просветителем Иоанном Бенизелосом (ок. 1735–1807), «Письмо к спросившим, куда уходят души умерших после завершения земной жизни» Евгения Булгариса (л. 154 об.–158; после окончания текста, на л. 158, воспроизведена дата написания и подпись автора сочинения: αψξζ' κατὰ μῆνα Ἰούνιον Εὐγένειος ἱεροδιάκονος ὁ Βούλγαρης «июнь 1767 г., Евгений иеродиакон, Булгарис») и др.

Сборник включает в себя «Эпистолярый» (л. 173–247 об.), состоящий из двух разделов. В первом разделе, на л. 173–221, находится собрание писем реального исторического лица, жителя Пелопонесса, который, как и многие его соотечественники, был вынужден покинуть родину после поражения Пелопонесского восстания 1770 г. и скитаться на чужбине. Всего в подборке 62 письма, написанные после 1770 г. Письма не датированы, но, судя по содержанию, они охватывают значительную часть жизни автора: письмо 6 к неназванному другу написано в ответ на соблезнования в связи со смертью невесты, в письме 60 содержатся жалобы на старость и болезни. Места отправления обычно не указаны. Письмо 31 к «митрополиту Лакедемонскому» написано «на корабле», письмо 37 к «братьям во Христе пелопонессцам» — видимо, в Константинополе. Среди адресатов — церковные иерархи, игумены монастырей, другие духовные лица, друзья, знакомые и родственники, оставшиеся на Пелопонессе. В письме 49 к «духовному отцу» Дионисию автор называет свое имя, обращаясь к адресату с просьбой поминать «твоего Георгия». В письме 60 к неназванному другу он предлагает встретиться «у меня в Лениди». Очевидно, после скитаний Георгий вернулся на родину, в г. Леонидион на Пелопонессе.

Георгий был образованным человеком, возможно, учителем или клириком. Он был тесно связан с монастырем сорока мучеников на Пелопонессе, с греческой школой «Эллиномусион». Несколько писем посвящено проблемам школьной жизни и событиям в епархии. В письме 29 к неназванному иерарху Георгий сообщает, что не может больше исполнять свои обязанности «из-за тяжелых обстоятельств жизни».

Георгий был хорошо знаком с высшими иерархами греческой Церкви: в письме 3 к патриарху Александрийскому Киприану (1766–1783) он жалуется на отсутствие писем от него, в письме 24 к «владыке всей Азии» (Прокопию), митрополиту Смирнскому (1770–1785), поздравляет того с избранием на смирнскую кафедру, в письме 9 к «досточимому отцу» передает «поклоны» «иерархам Лакедемонскому, Монеувасийскому, Зарнатскому и Димицанскому». В письме 31 к «митрополиту Лакедемонскому» (Игнатию? (1771–1801), написанном на корабле, он обращается к адресату в надежде получить ответные вести с родины. Круг его ближайших друзей — образованная часть греческого общества: «ученейший врач Георгий», родственник и друг; «ученейший Иоанн»; «святейший и ученейший Мартиниан», игумен пелопонесского монастыря 40 мучеников; «благочестивейший» господин Гавриил, церковный композитор; «ученейший» господин Палеолог»; «славнейший и ученейший господин Сидни, британский игумен и богослов», «друг Эммануил Троханис» и др. Несколько писем обращены к коллективному адресату: «лакедемонским правителям», «братьям во Христе пелопонессцам» и т.д.

Во многих письмах Георгий жалуется на ужасные превратности судьбы, несчастья, претерпеваемые в скитаниях, смерти соотечественников от эпидемии, безутешное горе из-за смерти старшего брата — Иоанна, невозможность вернуться на родину, потерю имущества, «недостаток самого необходимого», пренебрежительное отношение, претерпеваемое на чужбине, сожалеет о несчастной отчизне и печальной судьбе христиан, которых османские власти «беспреестанно душат налогами». Письмо 9 к «досточимому отцу» содержит оправдания автора за мнимое присвоение денег, письмо 34 к «братьям-соотечественникам» — упрек в несправедливых обвинениях. Многие письма содержат философские рассуждения. В письме 25 к «духовному отцу Дионисию» Георгий размышляет о том, что бедствия постигли его за совершенные в прошлом грехи, в письме 26 к «племяннику кир Николаю» увещевает того вести благочестивую жизнь.

В письмах практически не упоминается фамилий, кроме одного друга — Эммануила Троханиса (см. о нем: Κουλούρη 1985: 202–211). Эммануил Троханис происходил из богатой и образованной пелопонесской семьи, учился в знаменитой афонской школе «Афониада». С 1760 г. был учителем в греческой школе Прастоса на Пелопоннесе, после поражения восстания 1770 г. был вынужден бежать и перебрался на о. Сифнос в Эгейском море (архипелаг Киклады), где в 1775–1785 гг. преподавал в школе Подворья Превятого Гроба Господня (Σχολή του Μετοχίου του Παναγίου Τάφου). В 1775 г. написал «героическую поэму» в честь патриарха Константинопольского Софрония II (1775–1780), составленную дактилическим гекзаметром.

Остальных адресатов писем, как и самого автора Георгия, еще предстоит отождествить с реальными историческими лицами. Также предстоит выявить другие списки «Эпистолярия» и, по возможности, рукопись с оригиналами писем. Письма представляют собой интереснейшее историческое свидетельство эпохи и заслуживают подробного исследования и публикации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Собрание Московской духовной академии дополнительное. Ф. 173/II. Т. 2. Описание. М., 1965. Машинопись.
- Щеголева Л.И. Рукописи Григория Бурниаса в Российской государственной библиотеке: «дополнительное» собрание московской духовной академии, коллекция В.А. Десницкого // Каптеревские чтения – 20. Сб. статей / Отв. ред. Н.П. Чеснокова. М., 2022. С. 151–182.
- Κουλούρη Χ. Εμμανουήλ Τροχάνης, Ένας μέσος δάσκαλος του ΙΗ' αιώνα. Μνήμων. 1985. Τόμ. 10. Σ. 202–211.
- Παπουλίδης Κ. Συνοπτική ανάγραφή έλληνικών χειρογράφων και έγγραφων τής Βιβλιοθήκης ΛΕΝΙΝ τής Μόσχας // Θεολογία. Τ. 52. Αθήναι, 1981. Σ. 481–499.

ОБ АВТОРАХ

- АРЗАКАНЯН МАРИНА ЦОЛАКОВНА* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- АУРОВ ОЛЕГ ВАЛЕНТИНОВИЧ* — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС (Москва)
- БАЗАРОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)
- БАРАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ* — главный специалист Российского государственного архива древних актов (Москва)
- БЕЛОУСОВ МАКСИМ РУДОЛЬФОВИЧ* — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань)
- БЛОХИН ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ* — кандидат исторических наук, доцент Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева (Астрахань)
- БОНДАРЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- БОНДАЧ АЛЬБЕРТ ГРИГОРЬЕВИЧ* — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник НИО редких книг Российской государственной библиотеки (Москва)
- ВАНИНА ЕВГЕНИЯ ЮРЬЕВНА* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
- ВЕРШИННИН КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ГАВРИЛОВ ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ* — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ГАФАРОВА УМЕДА АБДУЛЛОВЕВНА* — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского Института гуманитарных наук Худжандского государственного университета им. академика Б.Гафурова (Худжанд, Республика Таджикистан)
- ГЕРЦЕН АНДРЕЙ АРТЕМОВИЧ* — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН (Москва)
- ГИМОН ТИМОФЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

- Гуляева Алина Олеговна* — главный специалист Российского государственного архива древних актов (Москва)
- Гусакова Анна Викторовна* — преподаватель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва)
- Дедук Андрей Владимирович* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН и Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (Москва)
- Джаксон Татьяна Николаевна* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- Евдокимова Екатерина Станиславовна* — аспирант НИУ ВШЭ, специалист I категории Российского государственного архива древних актов (Москва)
- Земляков Михаил Вячеславович* — кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва)
- Калинина Татьяна Михайловна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- Кириллова Екатерина Николаевна* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (Москва)
- Коновалова Ирина Геннадиевна* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва)
- Конюшихина Надежда Львовна* — научный сотрудник Факультета географии и истории университета Саламанки (Саламанка, Испания) (*Dra. Nadezda Konyushikhina, investigadora postdoctoral de USAL, Facultad de Geografía e Historia, Salamanca, España*).
- Крылова Юлия Петровна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- Кузьмин Андрей Валентинович* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)
- Литвина Анна Феликсовна* — кандидат филологических наук, доцент НИУ ВШЭ (Москва)
- Литвинов Артем Станиславович* — аспирант исторического факультета ГАУГН (Москва)
- Литовских Елена Владимировна* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- Мажуга Владимир Иванович* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург)
- Маслова Светлана Алексеевна* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

- МАТВЕЕВА АЛЕВТИНА СЕРГЕЕВНА* — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- МЕЛЬНИКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- МИТРОФАНОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- МИШИН ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
- МОИСЕЕВ МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ* — кандидат исторических наук, зав. сектором отдела «Музей Археологии Москвы», старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ОБОРНЕВА ЗИНАИДА ЕВГЕНЬЕВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)
- ОМЕЛЬЧЕНКО ДАРЬЯ МИХАЙЛОВНА* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)
- ПАСКАЛЬ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки (Москва)
- ПЕТРОВА МАЙЯ СТАНИСЛАВОВНА* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН (Москва); директор АНО «Институт междисциплинарных исследований науки и образования» (АНО ИМИНиО) (Москва)
- ПОРТНЫХ ВАЛЕНТИН ЛЕОНИДОВИЧ* — доктор исторических наук, доцент Новосибирского ГУ (Новосибирск)
- ПЧЕЛОВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ* — кандидат исторических наук, зав. кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археографии Исторического факультета ИАИ РГГУ (Москва)
- РЯБОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА* — научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)
- СРЕДИНСКАЯ НАТАЛИЯ БРОНИСЛАВОВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)
- СУББОТИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА* — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- СУКИНА ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА* — доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой подготовки кадров высшей квалификации Института программных систем им. А.К. Айламазяна РАН (Переславль-Залесский)

- ТАЦЕНКО ТАМАРА НИКОЛАЕВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург)
- ТОГОВА ОЛЬГА ИГОРЕВНА* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- УСПЕНСКИЙ ФЕДОР БОРИСОВИЧ* — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)
- ФРОЛОВА ОЛЬГА ЭДУАРДОВНА* — ведущий библиотекарь Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- ХАРЬКОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ* — аспирант Исторического факультета ГАУГН, старший научный сотрудник Музейного объединения «Музеи Москвы» (Москва)
- ХИТРОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ* — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)
- ХОРУЖЕНКО ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ХУДИН КИРИЛЛ СТАНИСЛАВОВИЧ* — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, специалист I категории Российского государственного архива древних актов (Москва)
- ЧАСОВИТИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА* — аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)
- ЧЕРКАСОВА МАРИНА СЕРГЕЕВНА* — доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного университета (Вологда)
- ЧЕРНЫХ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ЧЕСНОКОВА НАДЕЖДА ПЕТРОВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ШАМИНА ИРИНА НИКОЛАЕВНА* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ЩЕГЛОВ АНДРЕЙ ДЖОЛИНАРДОВИЧ* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ЩЕГОЛЕВА ЛЮДМИЛА ИГОРЕВНА* — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ
МАТЕРИАЛЫ ТРЕТЬЕЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Ответственные редакторы

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА КИРИЛЛОВА

ИРИНА ГЕННАДИЕВНА КОНОВАЛОВА

Рецензенты

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА КАЛМЫКОВА

кандидат исторических наук, доцент

кафедры истории средних веков Исторического факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова

АННА АЛЕКСАНДРОВНА АНИСИМОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Института всеобщей истории РАН

Утверждено к печати

Ученым советом Института всеобщей истории РАН

<https://igh.ru>

Дизайн обложки И.Н. Граве

Корректор Ю.В. Степанова

Подписано в печать 19. 05. 2025

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Cambria. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 16. Тираж 500.

Издательство «Аквилон»

Тел.: +7 (968) 924 97 30

<https://www.aquilopress.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в типографии

Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»

109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, стр. 5

Телефон: +7 (495) 545 37 10

info@onebook.ru

<https://www.onebook.ru>

ISBN 978-5-6053860-2-5

9 785605 386025 >